МЕ
С-81
Столыпин, П. А.
Сб. речей.

ME
C81

33078

Русская Публичная
БИБЛІОТЕКА
въ Бѣлградѣ

ME
C81
33078

СБОРНИКЪ РѢЧЕЙ

Петра Аркадьевича

СТОЛЫПИНА,

произнесенныхъ въ засѣданіяхъ

ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА

И

ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ

(1906—1911).

Русская Публичная
БИБЛІОТЕКА
въ Бѣлградѣ

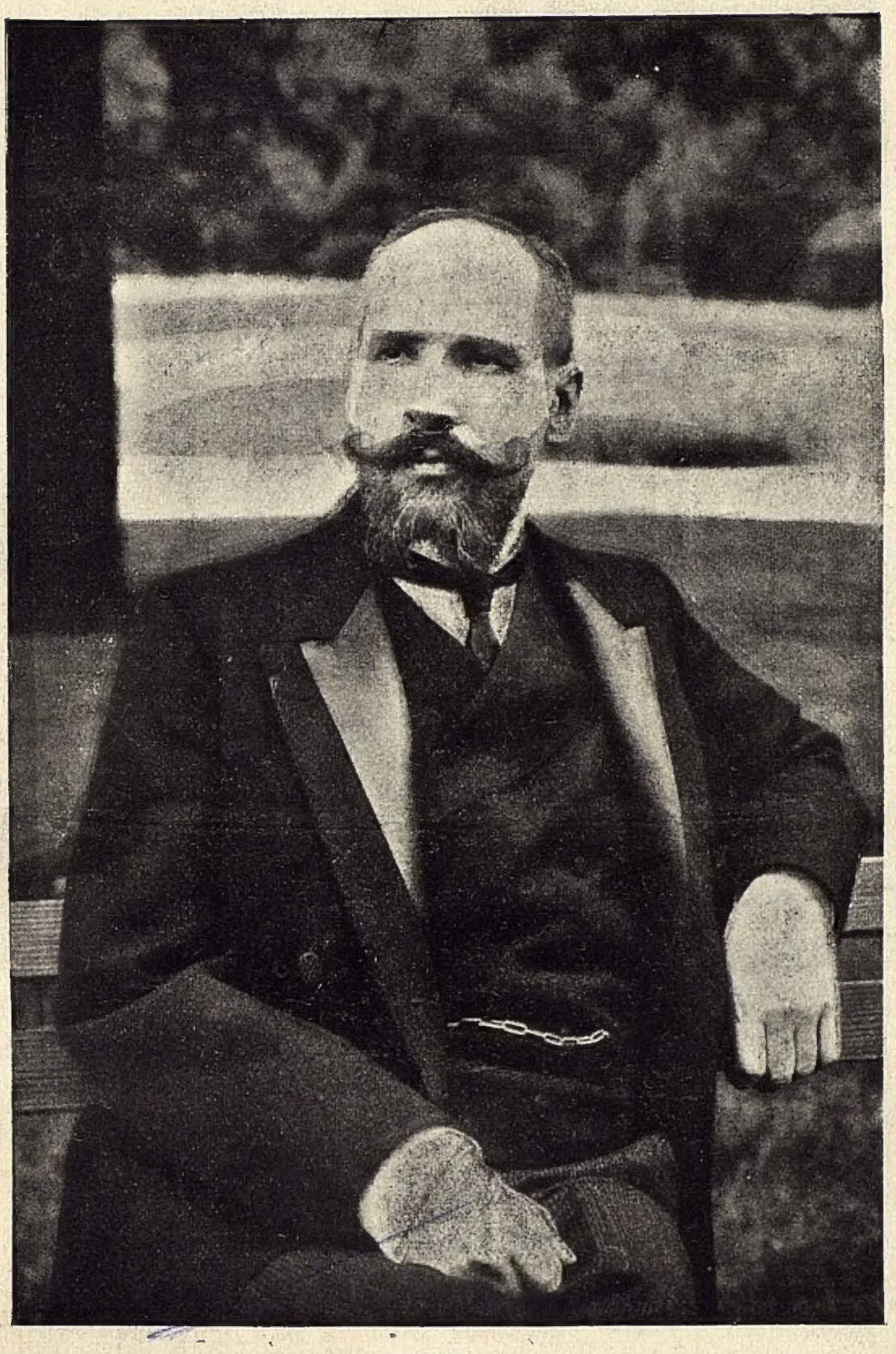
ИЗДАНІЕ В. В. ЛОГАЧЕВА.
СПБ., Невскій пр., д. № 76.
1911

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР
№ 22884 1933

45-834

Типографія „РАЗСВѢТЪ“ Спб., Гороховая, 17.

Русская Публичная
БИБЛІОТЕКА
въ Бѣлградѣ



Петръ Аркадьевичъ СТОЛЫПИНЪ.

1862—1911.

Русская Публичная
БИБЛІОТЕКА
въ Бѣлградѣ

† Петръ Аркадьевичъ СТОЛЫПИНЪ.

1862—1911.

„Имъ нужны великія потрясенія,
намъ нужна великая Россія".

Петръ Аркадьевичъ Столыпинъ—сынъ ген.-ад. Столыпина отъ брака съ княжной Горчаковой, родился въ 1862 году и свое дѣтство провелъ въ подмосковномъ имѣніи Средниково. По окончаніи въ 1884 году С.-Петербургскаго Университета, Петръ Аркадьевичъ началъ свою служебную дѣятельность въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, но затѣмъ, черезъ два года, онъ причислился къ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, гдѣ, занимая различныя должности, онъ особенно интересовался вопросами сельско-хозяйственнаго дѣла. Вся дальнѣйшая дѣятельность Петра Аркадьевича протекла въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ. Сперва онъ былъ назначенъ Ковенскимъ уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства и Предсѣдателемъ Ковенскаго Съѣзда Мировыхъ Посредниковъ, затѣмъ, въ 1899 году, состоялось назначеніе Петра Аркадьевича на должность Ковенскаго Губернскаго Предводителя Дворянства. Одновременно съ этимъ онъ былъ выбранъ почетнымъ Мировымъ Судьей по Ковенскому и Инсарскому Судебнымъ Округамъ. Въ 1900 году Петръ Аркадьевичъ исправлялъ должность Гродненскаго Губернатора, а въ 1903 году онъ былъ назначенъ Саратовскимъ Губернаторомъ. Въ 1906 году, послѣ выхода въ отставку Совѣта Министровъ во главѣ съ гр. С. Ю. Витте, новый Предсѣдатель Совѣта Министровъ И. Л. Горемыкинъ предложилъ Петру Аркадьевичу портфель Министра Внутреннихъ Дѣлъ, который и былъ имъ принятъ 26 апрѣля 1906 года. Высочайшимъ Указомъ 8 іюля 1906 года, послѣ роспуска I-й Государственной Думы, Петръ Аркадьевичъ былъ назначенъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ съ оставленіемъ въ должности Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Просвѣщенный и разносторонне образованный администраторъ—Петръ Аркадьевичъ всю свою жизнь вложилъ въ дѣло строительства Россіи. Ему незнакомъ былъ отдыхъ. Засѣданія Совѣта Министровъ, часто затягивавшіяся до утра, утренніе доклады, пріемы, отвѣты на запросы Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, защита законопроектовъ Правительства въ Законодательныхъ Учрежденіяхъ, внѣшняя политика, изученіе новѣйшей литературы по вопросамъ Государственнаго

Права—вотъ немногіе изъ тѣхъ вопросовъ, которымъ Петръ Аркадьевичъ отдавался съ увлеченіемъ и въ которые онъ вкладывалъ всю свою жизнь. Вдохновенныя и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣловитыя и сжатыя рѣчи Петра Аркадьевича въ Законодательныхъ Учрежденіяхъ создали ему славу блестящаго оратора.

Прямодушіе, необычайная выдержка характера, самоотверженная преданность Государю и Россіи, отсутствіе гордости и кичливости—вотъ тѣ прекрасныя черты, которыми обладалъ Петръ Аркадьевичъ, какъ человѣкъ.

Революціонныя партіи террористовъ не могли примириться съ назначеніемъ на постъ Предсѣдателя Совѣта Министровъ такого убѣжденнаго націоналиста и сторонника сильной государственной власти, какимъ былъ Петръ Аркадьевичъ, и 12 августа 1906 г. произвели на него покушеніе, взорвавъ Министерскую дачу на Аптекарскомъ Островѣ. При этомъ пострадало до 60 лицъ, и въ томъ числѣ были ранены дочь и сынъ Петра Аркадьевича. Самъ же онъ, хранимый Провидѣніемъ, остался невредимымъ.

Государственныя заслуги Петра Аркадьевича были отмѣчены цѣлымъ рядомъ Царскихъ наградъ. Кромѣ Высочайшихъ Рескриптовъ, Петръ Аркадьевичъ въ 1906 г. былъ пожалованъ въ Гофмейстеры, 1 января 1907 г. былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, а въ 1908 г. Статсъ-Секретаремъ.

Поѣздка Петра Аркадьевича въ Кіевъ осенью 1911 г. для присутствованія при открытіи памятника Императору Александру II оказалась для него роковой. 1-го сентября 1911 г. въ Кіевскомъ городскомъ театрѣ въ Высочайшемъ присутствіи на Петра Аркадьевича было произведено покушеніе террористомъ Богровымъ, а 5-го сентября Петра Аркадьевича не стало.

По Высочайшему повелѣнію прахъ его былъ преданъ погребенію въ оградѣ Кіево-Печерской Лавры. Тамъ онъ покоится рядомъ съ историческими могилами Искры и Кочубея.

Въ частной жизни Петръ Аркадьевичъ былъ чуждъ всякой вычурности, любилъ простоту и скромность, что однако не мѣшало ему при оффиціальныхъ пріемахъ быть гостепріимнымъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

Супруга его Ольга Борисовна, урожд. Нейдгардтъ, сознавая всю многосложность обязанностей мужа, старалась не отвлекать его отъ работы даже въ ущербъ своему личному счастью. Когда разразилась жестокая катастрофа, однимъ изъ искреннихъ желаній Петра Аркадьевича явилось стремленіе какъ можно скорѣе увидѣть свою супругу, на рукахъ которой онъ и скончался.

Россія долго будетъ хранить въ сердцѣ своемъ память о героѣ, беззавѣтно любившемъ ее и отдавшемъ ей не только всѣ свои силы, но даже и жизнь.

Миръ праху его!

Первая Государственная Дума.

Засѣданіе Г. Д. 8/VI 06 г. Отвѣтъ на запросъ о дѣятельности Департамента Полиціи.

На предъявленный мнѣ 12 мая запросъ я не могъ отвѣтить Государст. Думѣ раньше, т. к. счелъ необходимымъ отправить въ нѣкоторые города, гдѣ были безпорядки, особо уполномоченныхъ мною лицъ, для провѣрки происшедшаго.

Теперь нужныя свѣдѣнія получены, и я могу дать подробныя объясненія, но я желалъ бы сначала совершенно ясно и опредѣленно поставить тѣ вопросы, которые, очевидно, интересуютъ Госуд. Думу. Вникнувъ въ запросъ и расчленивъ его, я нахожу, что онъ заключаетъ три предмета: 1) обвиненіе противъ дѣятельности Департамента Полиціи, 2) заявленіе, что безпорядки, происходившіе въ Царицынѣ, Вологдѣ и др. мѣстахъ, обусловлены, вѣроятно, проявленіями этой дѣятельности и 3) какъ Министерство относится къ дѣятельности нѣкоторыхъ чиновъ Департамента Полиціи и какія мѣры оно намѣрено принять для устраненія этой агитаціи. По моему мнѣнію, согласно ст. 58 учрежд. Госуд. Думы, Министерство должно отвѣчать лишь на запросы, касающіеся незакономѣрныхъ дѣйствій, возникшихъ послѣ 27 апрѣля. Я дѣлаю эту оговорку потому, что если смотрѣть на дѣло иначе, то пришлось бы отвѣчать на такую массу запросовъ, что на это не хватило бы никакой силы. Но въ данномъ случаѣ я рѣшилъ отвѣтить на запросъ во всѣхъ частяхъ. Главный интересъ, мнѣ кажется, лежитъ въ этомъ запросѣ не въ обвиненіи должностныхъ лицъ, отдѣльныя лица всегда могутъ быть виновны—обвиненіе тутъ касается всего Департамента Полиціи, на него взводится обвиненіе въ возбужденіи одной части населенія противъ другой, послѣдствіемъ чего были массовыя убійства мирныхъ гражданъ. Я нахожу, что новому Министру необходимо разобраться въ этомъ дѣлѣ и важно всесторонне выяснить всѣ его обстоятельства, чтобы уяснить степень пригодности для службы не отдѣльныхъ только лицъ, но и удовлетворительность исполненія своихъ обязанностей цѣлымъ учрежденіемъ.

Я скажу теперь вкратцѣ о незаконом'ѣрныхъ дѣйствіяхъ Департамента полиціи и его чиновъ. Я буду говорить безъ недомолвокъ и совершенно правдиво все, что мнѣ извѣстно. Суть рапорта чин. особ. пор. Макарова заключается въ слѣдующемъ: Департаментъ Полиціи обвиняется въ оборудованіи преступной типографіи и въ распространеніи возваній, возбуждающихъ одну часть населенія противъ другой, въ участіи ротмистра Будаговскаго въ распространеніи прокламацій такого же характера, и въ бездѣятельности властей департамента, не принявшихъ своевременно м'ѣръ къ прекращенію преступныхъ дѣяній. При тщательномъ разслѣдованіи оказалось слѣдующее: въ срединѣ декабря жандармскій офицеръ Комисаровъ отпечаталъ, на конфискованной по одному политическому дѣлу машинѣ, воззваніе къ солдатамъ, призывающее солдатъ свято исполнить свой долгъ при столкновеніяхъ съ мятежниками. Это воззваніе было послано въ Вильно въ количествѣ 200—300 экземпляровъ. Кромѣ того, былъ сдѣланъ наборъ другого воззванія къ избирателямъ Гос. Думы. Но въ это время начальству его стало извѣстно объ этомъ дѣяніи, и оно указало на всю несовмѣстимость его политической агитаціи съ его служебнымъ положеніемъ и потребовало прекращенія этой дѣятельности; ему было внушено, что оставленіе на службѣ при продолженіи такой дѣятельности невозможно. Наборъ воззваній къ избирателямъ былъ уничтоженъ, и въ Вильно была послана телеграмма объ уничтоженіи экземпляровъ воззванія къ солдатамъ. Что касается дѣйствій ротмистра Будаговскаго, то выяснилось, что на почвѣ борьбы съ декабрьскимъ возстаніемъ у него установились отношенія къ организаціи, которая именовалась Александровскимъ союзомъ 17 октября и Александровской боевой дружиной, причемъ Будаговскій употреблялъ свое вліяніе на распространеніе этихъ воззваній среди населенія. Однако, по прекращеніи безпорядковъ, т. е. 14 дек. въ Александровскомъ уѣздѣ новыя воззванія противъ революціонеровъ и евреевъ болѣе не распространялись. Будаговскій для объясненія своихъ дѣйствій былъ вызываемъ въ Петербургъ, и ему сдѣлано было строгое внушеніе, хотя юридически отвѣтственности за свои дѣйствія онъ и не подлежалъ, т. к. воззванія его, призывавшія къ погрому, къ таковому не привели.

Что же касается самого Департамента Полиціи, то онъ инкриминируется въ организаціи этихъ дѣйствій, затѣмъ точно такъ же въ бездѣйствіи. Долженъ сказать, что хотя ротмистру Будаговскому не было сдѣлано своевременнаго распоряженія, но такое промедленіе слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что эти донесенія были получены между 3—10 декабря, т. е. въ разгаръ московскаго возстанія, въ то время, когда завѣдующій политическою частью, Рачковскій, находился въ Москвѣ, а затѣмъ послѣ 14 декабря былъ освобожденъ отъ завѣдыванія политическою частью. Ротмистръ Будаговскій былъ вызванъ въ Петербургъ, и ему было сдѣлано соотвѣтствующее внушеніе Надо принять во вниманіе,

что послѣ 14 декабря не только ожидаемые въ Александровскѣ погромы не имѣли мѣста, но вообще не произошло никакихъ безпорядковъ. Я долженъ сказать, что всегда, какъ только достигали слухи о готовящихся безпорядкахъ, немедленно посылались распоряженія и приказанія о прекращеніи.

Мнѣ кажется, что нѣкоторыя основанія неправильныхъ дѣйптвій вышеназванныхъ жандармскихъ офицеровъ слѣдуетъ сочерпнуть въ воспоминаніи о тѣхъ ужасныхъ событіяхъ, которыя переживала Россія минувшей осенью и зимою. Въ частности, относительно ротмистра Будаговскаго, надо имѣть въ виду обстановку, при которой ему приходилось дѣйствовать. Не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточнаго числа войскъ, видя захватъ желѣзнодорожной станціи мятежной толпой, захватъ земскаго начальника, онъ рѣшилъ, опираясь на сочувствующія ему общественныя группы, подавить безпорядки, за что и получилъ Высочайшую награду, а никакъ не за агитацію, о которой не было извѣстно. Теперь дѣйствія, происходившія въ гор. Александровскѣ, послужили предметомъ новаго запроса. Я могу отвѣтить на этотъ запросъ только послѣ того, какъ судебное слѣдствіе будетъ окончено.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что Департаментъ полиціи не оборудовалъ преступной типографіи, что послѣдствіемъ его дѣйствій не было массы убійствъ невинныхъ людей, но, несомнѣнно, что отдѣльные чины корпуса жандармовъ позволили себѣ вполнѣ самостоятельныя дѣйствія, вмѣшавшись въ политическую агитацію и въ политическую борьбу. Если эти дѣйствія неправильны, министерство обязывается принять самыя энергичныя мѣры, чтобы подобное не повторялось. Я смѣю ручаться, что повторенія не будетъ.

Я перехожу ко второй части. Запросъ касается безпорядковъ, происходящихъ въ Вологдѣ, Царицынѣ и Калязинѣ. Провѣренныя чинами прокурорскаго надзора, событія представляются въ слѣдующемъ видѣ. Въ Вологдѣ толпа сожгла народный домъ, пострадали 4 частныхъ дома, затѣмъ толпа разбила типографію мѣстной газеты и пыталась разгромить домъ Городского Головы. Дознаніе выяснило, что безпорядки начались вслѣдствіе насильственнаго закрытія лавокъ группой манифестантовъ. Въ этотъ день въ городѣ была масса сельскаго населенія, съѣхавшагося для закупки припасовъ въ виду предстоявшихъ двухъ праздниковъ—Николина и Троицына дня. Первый выстрѣлъ послѣдовалъ со стороны манифестантовъ. Губернаторъ, прокуроръ и полицеймейстеръ успокаивали толпу. Полицеймейстеръ затаптывалъ ногами костры изъ книгъ въ народномъ домѣ. Трудно представить себѣ обвиненіе администраціи въ участіи въ организаціи безпорядковъ. Причина возникновенія безпорядковъ заключается въ насильственномъ закрытіи лавокъ, а объектомъ злобы народа явился народный домъ, который былъ мѣстомъ обычнаго собранія ссыльныхъ, причемъ въ октябрѣ тамъ раздавались рѣчи,

призывавшія къ вооруженному возстанію. Сцена была украшена надписями: «да здравствуетъ республика». Это вызвало тогда неудовольствіе мѣстнаго населенія, и въ декабрѣ тамъ происходили по этому поводу безпорядки. Теперь погромъ не былъ предотвращенъ своевременно вслѣдствіе малочисленности полицейской силы; ея было всего 59 челов. Войска на желѣзныхъ дорогахъ были вызваны слишкомъ поздно. Нареканія на ротмистра Пышкина, который командовалъ стражниками и дѣйствовалъ будто бы нерѣшительно, объясняются тѣмъ, что стража была только что сформирована, и Пышкинъ получилъ приказаніе не стрѣлять, такъ какъ губернаторъ опасался напрасныхъ жертвъ. Однако, если бы судебное слѣдствіе, которое ведется по этому дѣлу, выяснило бы обратное, то министерство не преминетъ распорядиться.

Обстоятельства, бывшія въ гор. Царицынѣ, даютъ основательные поводы, къ нареканіямъ на дѣйствія полиціи, при чемъ дѣло слѣдствія выяснить степень отвѣтственности каждаго должностного лица. Какъ теперь выяснилось, дѣло произошло такимъ образомъ. День перваго мая протекалъ спокойно, но къ вечеру час. 6—7, полицеймейстеръ получилъ извѣстіе, что по улицамъ двигается толпа манифестантовъ. Полицеймейстеръ, не собравъ никакихъ справокъ, послалъ отрядъ казаковъ разсѣять толпу, но оказалось, что это толпа ополченцевъ. Собралась немедленно негодующая толпа горожанъ. Приходитъ полицеймейстеръ, проситъ толпу разойтись, но въ отвѣтъ послѣдовало насиліе, въ видѣ брошенныхъ камней. Раздался залпъ, оказалось 8 раненыхъ, изъ нихъ трое тяжело и они умерли.

Далѣе, я не могу признать виновной полицейскую власть въ гор. Калязинѣ. Тамъ дѣло произошло такимъ образомъ. Судебный слѣдователь привлекъ въ качествѣ обвиняемаго нѣкоего Демьянова и заключилъ его подъ стражу. Толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ требовала его освобожденія. Слѣдователь, чтобы выиграть время и предотвратить безпорядки, запросилъ по телефону, возможно ли освободить это лицо. До полученія отвѣта, толпа стала дѣйствовать крайне вызывающе, обращаясь къ судебному слѣдователю съ угрозами и спрашивая правда ли, что Демьяновъ повѣшенъ въ тюрьмѣ. Слѣдователь предлагалъ прислать отца Демьянова и еще двухъ депутатовъ, чтобы убѣдиться, что Демьяновъ цѣлъ, наконецъ самъ вышелъ и пошелъ съ толпой по улицѣ. Толпа стала требовать, чтобы всю ее въ количествѣ 300 человѣкъ впустили въ тюрьму. Посыпались угрозы. Судебный слѣдователь бѣгомъ скрылся въ полицейскомъ управленіи. Тутъ подоспѣлъ исправникъ, который просилъ толпу разойтись. Въ это время въ окно полицейскаго управленія былъ брошенъ камень. Исправникъ, у котораго было 9 стражниковъ, поставилъ 5 у оконъ, а съ остальными 4 вышелъ на крыльцо; крыльцо было высокое, такъ что онъ стоялъ надъ толпой. Исправникъ просилъ не дѣлать насилія, не освобождать насильно

человѣка, заключеннаго по повелѣнію судебной власти, но въ отвѣтъ послѣдовали насмѣшки и посыпались камни. Тогда полицеймейстеръ приказалъ дать залпъ, и такъ какъ онъ стоялъ выше толпы, то никто не пострадалъ. Въ отвѣтъ посыпался градъ камней. Тогда былъ данъ второй залпъ и оказалось двое убитыхъ. Послѣ этого спокойствіе было возстановлено. Въ данномъ случаѣ я не могу назвать дѣйствіе Губернатора неправильнымъ.

Покончивъ съ описаніемъ бывшихъ послѣ моего вступленія въ должность событій, я долженъ сдѣлать оговорку. Запросы Думы касаются только тѣхъ явленій, которыя могутъ вызвать нареканія въ обществѣ. Отвѣчая на нихъ, я не склоненъ скрывать неправильныя дѣйствія должностныхъ лицъ. Мнѣ кажется, что отсюда нельзя сдѣлать вывода, что большинство моихъ подчиненныхъ совершаютъ неправильныя дѣйствія. Наоборотъ, въ большинствѣ эти люди свято исполняютъ свой долгъ, любятъ свою родину и умираютъ за нее. Съ октября мѣсяца 288 изъ нихъ убито, 383 ранено, и кромѣ того 156 неудавшихся покушеній. Я бы могъ на этомъ закончить, но меня спрашиваютъ, что намѣренъ я дѣлать въ будущемъ, извѣстно ли мнѣ, что тюрьмы переполнены лицами завѣдомо невинными. Я не отрицаю, что въ это смутное время могли быть ошибки и недосмотры, могли быть неправильныя дѣйствія отдѣльныхъ должностныхъ лицъ. Я скажу только, что съ моей стороны сдѣлано все для ускоренія пересмотра этихъ дѣлъ, и этотъ пересмотръ въ полномъ ходу. Насъ упрекаютъ, что мы желаемъ насадить вездѣ военное положеніе, что мы желаемъ управлять страною при помощи исключительныхъ законовъ. У насъ этого желанія нѣтъ, а есть желаніе и обязанность водворить порядокъ. Намъ также, какъ и всему обществу, желателенъ переходъ къ нормальному положенію вещей. Порядокъ нарушается всѣми средствами; нельзя даже во имя склоненія на свою сторону симпатій совершенно обезоружить правительство и идти сознательно по пути его дезорганизаціи.

✓ Нельзя не считаться съ опасеніемъ, что безвластіе власти правительства ведетъ къ анархіи. Министерство должно требовать отъ своихъ подчиненныхъ осмотрительнаго и осторожнаго, но твердаго исполненія своего долга и закона. Я предвижу возраженія, что законы, существующіе нынѣ, настолько несовершенны, что всякое его исполненіе можетъ вызвать только ропотъ. Мнѣ рисуется волшебный кругъ, изъ котораго выходъ только одинъ. Примѣнять существующіе законы до созданія новыхъ, ограждая по мѣрѣ возможности и всѣми силами права и интересы отдѣльныхъ лицъ. Нельзя сказать часовому, стоящему на посту: у тебя старое кремневое ружье, брось его. Часовой долженъ отвѣтить: „Пока я на посту и мнѣ не дано новаго оружія, я буду стараться дѣйствовать какъ можно лучше старымъ“. Въ заключеніе повторяю, что обязанность правительства оградить

спокойствіе и охранять свободу и я буду принимать въ этомъ направленіи всѣ мѣры для осуществленія самыхъ широкихъ реформъ и водворенія порядка.

Засѣданіе Г. Д. 12/VI 06. Отвѣтъ на запросъ объ оказаніи помощи голодающимъ.

Отвѣчая на запросъ Государственной Думы объ оказаніи помощи голодающимъ, я затрагиваю въ первый разъ этотъ вопросъ громадной государственной важности. Я долженъ отмѣтить, что мы и въ настоящемъ году стоимъ передъ необходимостью затратить громадныя средства государственнаго бюджета на помощь жертвамъ неурожая и голода. Въ Министерство поступаютъ послѣднія свѣдѣнія съ мѣстъ о тѣхъ цифрахъ, которыя необходимы для нашихъ соображеній. Теперь нельзя терять времени для закупки сѣмянъ, надо успѣть запастись ими, перевести на мѣста и роздать населенію, затѣмъ необходимо это сдѣлать такъ, чтобы не поднять чрезмѣрно цѣнъ и чтобы сѣмена соотвѣтствовали мѣстнымъ потребностямъ. На-дняхъ Министерство внесетъ въ Думу проектъ о затратѣ многомилліоннаго расхода на этотъ предметъ; поэтому, въ настоящее время буду чрезвычайно кратокъ. Уже изъ сказаннаго видно, что мѣры помощи по неурожаю должны быть обдуманы и обдумываются своевременно. планъ дѣйствій разрабатывается въ то время, когда только наступаетъ первая тревога за посѣвъ.

Такимъ образомъ, первый пунктъ запроса, предъявленнаго мнѣ, касается не тѣхъ мѣръ, которыя намѣрено принять Правительство, а тѣхъ мѣръ, которыя были уже своевременно приняты Правительствомъ въ прошломъ году. Я постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ нарисовать картину минувшей кампаніи, которая, кстати сказать, была самой крупной кампаніей до настоящаго времени. Бѣдствіе коснулось 24 губерній и 2 областей. На одно обсѣмененіе было потрачено $3^1/_2$ милл. руб. Заготовка сѣмянъ была поручена крестьянскимъ учрежденіямъ. Къ началу августа все сѣмя было уже на мѣстахъ, роздано было населенію, посѣвы были своевременно произведены и жалобъ на недостачу сѣмянъ не поступало. Всходы были хорошіе. Вслѣдъ за сѣмянной кампаніей, наступила кампанія продовольственная и заготовка ярового сѣмени. Обслѣдованіе этого неурожая началось 27 мая и окончилось въ августѣ мѣсяцѣ: только тогда представилась возможность обнаружить всю величину потребности. Было созвано особое совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ Товарища Министра. Въ совѣщаніи приняли участіе не только должностныя лица, но и предсѣдатели губернскихъ земскихъ управъ, представители хлѣбныхъ фирмъ, желѣзныхъ дорогъ и частныхъ обществъ. Былъ установленъ планъ дѣйствій и были приняты слѣдующія мѣры:

1) къ закупкѣ хлѣба, продовольственнаго и сѣмяннаго, и выдачѣ его населенію были привлечены крестьянскія учрежденія; къ продажѣ хлѣба по заготовительной цѣнѣ и корма для скота были привлечены земскія учрежденія. Въ организаціи общественныхъ работъ въ мѣстахъ, пораженныхъ неурожаемъ, приняли участіе Главное Управленіе землеустройства и земледѣлія, удѣлы, земскія учрежденія и дома трудолюбія. Для организаціи благотворительности были привлечены общественныя организаціи, главнымъ образомъ, общеземская. Установивъ этотъ планъ, Министерство приступило къ дѣятельности.

Закупка хлѣбнаго продовольствія началась съ сентября и окончена была большею частью въ февралѣ, во всѣхъ губерніяхъ кромѣ сѣверныхъ и Витебской, куда хлѣбъ былъ привезенъ къ концу марта. Надо сказать, что хлѣбъ былъ купленъ по цѣнамъ недорогимъ. Не было такихъ нежелательныхъ явленій, какъ въ 1901 г., когда цѣны поднялись до такихъ размѣровъ, что правительство вынуждено было прекратить вывозъ хлѣба за границу. Всего же изъ общеимперскаго капитала на покупку сѣмянъ и на продовольствіе было потрачено 54.196,717 руб.: на организацію продажи хлѣба и заготовки Министерствомъ было потрачено 9.162,650 руб. Затѣмъ на организацію общественныхъ работъ было истрачено 3.738,622 руб., изъ нихъ было отпущено въ земскія учрежденія 1.910,622 руб., въ попечительство 1.828,000 руб. Наконецъ, по благотворительности было истрачено 3.636,000 руб. и 2) такимъ образомъ всего на текущую кампанію было отпущено 73.752,539 рублей, считая же стоимость израсходованныхъ зерновыхъ запасовъ изъ запасныхъ магазиновъ, израсходовано всего около 80 милліоновъ рублей.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ имѣло всегда въ виду обезпечить населеніе до новаго урожая. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не предвидѣлось заработка, оказывалась помощь до 1 іюня. Когда это время было пережито, явилась возможность приступить къ сбору новаго урожая. Нѣтъ сомнѣнія, что Правительство, принявъ всѣ зависящія отъ него мѣры, по обезпеченію продовольствіемъ населенія, не могло и не можетъ удостовѣрить, что оно вполнѣ удовлетворило продовольственныя потребности населенія. По закону, размѣръ продовольственнаго пайка для взрослаго человѣка опредѣленъ 1 пудъ, для малолѣтнихъ въ 20 фунтовъ. Въ настоящее время въ распоряженіи Министерства остается еще 300,000 рублей, каковыми деньгами могутъ быть удовлетворены отдѣльныя нужды новѣйшаго происхожденія. Теперь я перейду къ вопросу о заболѣваніяхъ.

Во время продовольственной кампаніи Министерство ни отъ мѣстныхъ властей, ни отъ земствъ не получало свѣдѣній о развитіи эпидемическихъ заболѣванія на почвѣ недоѣданія. По свѣдѣніямъ, появлявшимся въ печати, Министерство дѣлало разслѣдованія. Большею частью эти свѣдѣнія носятъ преувеличенный характеръ. Въ февралѣ мѣсяцѣ, дѣйствительно, въ Воронеж-

губ. были случаи брюшного тифа, но это были явленія спорадическія. Въ Рязанской губ. оказалось, что никакихъ случаевъ заболѣванія цынгой не было. Въ Саратовской губ. и Казанской губ. были отдѣльные случаи заболѣванія цынгой между безземельными татарами, но это явленіе повторяется изъ года въ годъ даже при благополучномъ урожаѣ. Нужно еще остановиться на воронежской губ. Въ селѣ «Конный Колодезь» обнаруженъ былъ сыпной на почвѣ недоѣданія тифъ, противъ котораго немедленно были приняты мѣры. Туда былъ отправленъ отрядъ Краснаго Креста съ предсѣдателемъ земской управы и врачебнымъ инспекторомъ. Затѣмъ была усилена дѣятельность столовыхъ, куда было послано 9,000 пудовъ хлѣба и 3,000 руб. денегъ.

Остановлюсь теперь на вопросѣ объ отказѣ въ помощи тѣмъ крестьянамъ, которые участвовали въ аграрныхъ безпорядкахъ. Здѣсь дѣло идетъ о циркулярѣ Министерства В. Д. отъ 11 ноября минувшаго года, который былъ вызванъ тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ были разграблены общественные запасы хлѣба. Многіе Губернаторы обратились въ Министерство съ запросомъ, надлежитъ ли распространять дѣйствіе циркуляра и на семьи лицъ, участвовавшихъ въ аграрныхъ безпорядкахъ. И тогда же, 22 ноября было дано разъясненіе, что этихъ семей циркуляръ касаться не можетъ. Такимъ образомъ, и тогда и въ настоящее время семьи лицъ, участвовавшихъ въ аграрныхъ безпорядкахъ, не могутъ быть лишены ни ссуды продовольственной, ни ссуды на обсѣмененіе.

Въ заключеніе, я долженъ дать разъясненіе по послѣдней части запроса: намѣрено ли Министерство В. Ц. допускать и впередъ примѣненіе исключительныхъ законовъ и полномочій по отношенію къ тѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя приходятъ на помощь голодающему населенію. Мнѣ кажется, что здѣсь кроется нѣкоторое недоразумѣніе. Насколько я разобрался въ дѣлахъ министерства, нѣкоторыя препятствія встрѣтили лишь тѣ лица, которыя, помимо дѣятельности благотворительной, были уличены въ дѣятельности другого рода, такъ, напримѣръ, въ казанской губ. нѣкоторыя препятствія встрѣтили столовыя, организаторы которыхъ были арестованы и привлечены къ судебной отвѣтственности; но немедленно на мѣсто закрытыхъ столовыхъ были открыты новыя членами того же кружка, и губернской земской управой. Затѣмъ, относительно подобныхъ же явленій въ Елисаветградскомъ уѣздѣ Херсонской губ.; тамъ мѣстный Ген.-Губернаторъ дѣйствительно отклонилъ предложеніе Пироговскаго общества о посылкѣ туда продовольственнаго отряда, но это объясняется только тѣмъ, что эта мѣстность была вполнѣ обезпечена медицинской помощью, и тамъ никакихъ заболѣваній не было. Что же касается Нижегородской, Пензенской и Тамбовской губ. то тамъ случаевъ закрытія учрежденныхъ Московскимъ комитетомъ и вольно экономическимъ обществомъ столовыхъ, арестовъ и высылокъ уполномоченныхъ не было.

Встрѣтилъ нѣкоторое препятствіе П. Толстой въ Пензенской губ., но путемъ телеграфныхъ сношеній всѣ препятствія были устранены. Въ Епифанскомъ уѣздѣ въ послѣднее время встрѣтили препятствія члены вольно-экономическаго общества, вслѣдствіе того, что нѣкоторыя изъ лицъ, занимавшихся открытіемъ столовыхъ, были привлечены къ отвѣтственности на основаніи ст. 1035 уст. уг. суд. Въ Витебскѣ былъ и такой случай, когда фонъ-Ренненкампфъ обратился въ губернское присутствіе, ему были даны свѣдѣнія относительно недорода, онъ выѣхалъ на мѣста, приступилъ къ устройству столовыхъ, но вернулся, очевидно, по недостатку средствъ. Что касается будущаго, то я долженъ сказать, ни мѣстныя организаціи, ни частныя лица не будутъ встрѣчать препятствій со стороны мѣстной администраціи и найдутъ въ ней полное сочувствіе въ этомъ дѣлѣ крайней необходимости. Мнѣ кажется только, что насколько нелѣпо было ставить частнымъ лицамъ и учрежденіямъ препятствія въ области оказанія помощи голодающимъ, настолько было бы преступно бездѣйствіе мѣстной власти въ отношеніи лицъ, прикрывающихся дѣломъ благотворительности для цѣлей противозаконныхъ. Затѣмъ, если Государственная Дума до представленія законопроекта объ ассигнованіи помощи на обсѣмененіе въ этомъ году желаетъ выслушать дополнительныя объясненія, то ихъ могутъ дать лица, вѣдающія спеціально это дѣло, присутствующія здѣсь.

Вторая Государственная Дума.

Засѣданіе Г. Д. 6/III 07 г. Декларація правительственной программы.

Передъ началомъ совмѣстной съ Государственной Думой дѣятельности, я считаю необходимымъ съ возможною полнотою и ясностью представить созванному волею Монарха законодательному собранію общую картину законодательныхъ предположеній, которыя Министерство рѣшило представить его высокому вниманію.

Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію существа отдѣльныхъ законопроектовъ, прежде чѣмъ попытаться освѣтить руководящую идею Правительства, я не могу не остановить вниманія Госуд. Думы на положеніи, которое займетъ Правительство по отношенію къ вносимымъ имъ законопроектамъ.

Я разумѣю существо и порядокъ ихъ защиты.

Въ странахъ съ установившимся правительственнымъ строемъ отдѣльные законопроекты являются въ общемъ укладѣ законодательства естественнымъ отраженіемъ новой назрѣвшей потребности и находятъ себѣ готовое мѣсто въ общей системѣ государственнаго распорядка. Въ этомъ случаѣ законъ, прошедшій всѣ стадіи естественнаго созрѣванія, является настолько усвоеннымъ общественнымъ самосознаніемъ, всѣ его частности настолько понятны народу, что разсмотрѣніе, принятіе или отклоненіе его, является дѣломъ не столь сложнымъ и задача правительственной защиты сильно упрощается.

Не то, конечно, въ странѣ, находящейся въ періодѣ перестройки, а слѣдовательно и броженія.

Тутъ не только каждый законопроектъ, но каждая отдѣльная его черта, каждая особенность можетъ чувствительно отозваться на благѣ страны, на характерѣ будущаго законодательства. При множествѣ новизны, вносимой въ жизнь народа, необходимо связать всѣ отдѣльныя правительственныя предположенія одною общею мыслью, мысль эту выяснить, положить ее въ основаніе всего строительства и защищать ее, поскольку она проявляется

въ томъ или другомъ законопроектѣ. Затѣмъ слѣдуетъ войти въ оцѣнку той мысли, которая противополагается мысли законопроекта и добросовѣстно рѣшить, совмѣстима ли она, по мнѣнію Правительства, съ благомъ Государства, съ его укрѣпленіемъ и и возвеличеніемъ и потому пріемлема ли она. Въ дальнѣйшей же выработкѣ самихъ законовъ нельзя стоять на опредѣленномъ построеніи, но необходимо учитывать всѣ интересы, вносить всѣ измѣненія, требуемыя жизнью и, если нужно, подвергать законопроекты переработкѣ согласно выяснившейся жизненной правдѣ.

Въ основу всѣхъ тѣхъ правительственныхъ законопроектовъ, которые Министерство вноситъ нынѣ въ Думу, положена поэтому одна общая руководящая мысль, которую Правительство будетъ проводить во всей своей послѣдующей дѣятельности. Мысль эта—создать тѣ матеріальныя формы, въ которыя должны воплотиться новыя правоотношенія, вытекающія изъ всѣхъ реформъ послѣдняго времени. Преобразованное по волѣ Монарха отечество наше должно превратиться въ государство правовое, такъ какъ, пока писаный законъ не опредѣлитъ обязанностей и не оградитъ права отдѣльныхъ русскихъ подданныхъ, права эти и обязанности будутъ находиться въ зависимости отъ толкованія и воли отдѣльныхъ лицъ, т.-е. не будутъ прочно установлены.

Правовыя нормы должны покоиться на точномъ, ясно выраженномъ законѣ еще и потому, что иначе жизнь будетъ постоянно порождать столкновенія между новыми основаніями общественности и государственности, получившими одобреніе Монарха, и старыми установленіями и законами, находящимися съ ними въ противорѣчіи, или не обнимающими новыхъ требованій законодателя, а также произвольнымъ пониманіемъ новыхъ началъ со стороны частныхъ и должностныхъ лицъ.

Вотъ почему Правительство главнѣйшею своею обязанностью сочло представить на уваженіе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта цѣлый рядъ законопроектовъ, устанавливающихъ твердые устои наново складывающейся государственной жизни Россіи.

Но прежде чѣмъ перейти къ выработаннымъ законопроектамъ, я долженъ упомянуть о тѣхъ законахъ, которые, въ виду ихъ чрезвычайной важности и спѣшности, были проведены въ порядкѣ ст. 17 Осн. Зак. и подлежатъ также разсмотрѣнію Государственной Думы и Совѣта.

Не останавливаясь на законахъ, ведущихъ къ равноправію отдѣльныхъ слоевъ населенія и свободѣ вѣроисповѣданія, срочность осуществленія которыхъ не нуждается въ разъясненіи, считаю долгомъ остановиться на приведенныхъ, въ порядкѣ чрезвычайномъ, законахъ объ устройствѣ быта крестьянъ.

Настоятельность принятія въ этомъ направленіи самыхъ энергичныхъ мѣръ настолько очевидна, что не могла подвергаться сомнѣнію. Невозможность отсрочки въ выполненіи неод-

нократно выраженной воли Царя и настойчиво повторявшихся просьбъ крестьянъ, изнемогающихъ отъ земельной неурядицы, ставили передъ Правительствомъ обязательство не медлить съ мѣрами, могущими предупредить совершенное разстройство самой многочисленной части населенія Россіи. Къ тому же на правительствѣ, рѣшившемъ не допускать даже попытокъ крестьянскихъ насилій и безпорядковъ, лежало нравственное обязательство указать крестьянамъ и законный выходъ въ ихъ нуждѣ.

Въ этихъ видахъ изданы были законы о предоставленіи крестьянамъ земель государственныхъ, а Государь повелѣлъ передать на тотъ же предметъ земли удѣльныя и кабинетскія на началахъ, обезпечивающихъ крестьянское благосостояніе. Для облегченія же свободнаго пріобрѣтенія земель частныхъ и улучшенія надѣловъ, измѣненъ уставъ Крестьянскаго Банка въ смыслѣ согласованія съ существующимъ уже въ законѣ, но оставшимся мертвою буквою, разрѣшеніемъ залога надѣльныхъ земель въ казенныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, причемъ приняты всѣ мѣры въ смыслѣ сохраненія за крестьянами ихъ земель. Наконецъ, въ цѣляхъ достиженія возможности выхода крестьянъ изъ общины, изданъ законъ, облегчающій переходъ къ подворному и хуторскому владѣнію, причемъ устранено всякое насиліе въ этомъ дѣлѣ и отмѣняется лишь насильственное прикрѣпленіе крестьянина къ общинѣ, уничтожается закрѣпощеніе личности, несовмѣстимое съ понятіемъ о свободѣ человѣка и человѣческаго труда.

Всѣ эти законы вносятся на усмотрѣніе Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

Но наряду съ неотложными, уже вошедшими временно въ дѣйствіе законами, Правительство изготовило въ области внутренняго управленія еще цѣлый рядъ законопроектовъ, также вносимыхъ въ Государственную Думу въ нынѣшнюю сессію.

Ранѣе всего Правительство почло своимъ долгомъ выработать законодательныя нормы для тѣхъ основъ права, возвѣщенныхъ Манифестомъ 17 октября, которыя еще закономъ не установлены.

Тогда какъ свобода слова, собраній, печати, союзовъ опредѣлены временными Правилами, свобода совѣсти, неприкосновенность личности, жилищъ, тайна корреспонденціи остались не нормированы нашимъ законодательствомъ. Вслѣдствіе сего, въ цѣляхъ выполненія задачи проведенія въ жизнь началъ вѣротерпимости, Правительство вмѣнило себѣ прежде всего въ обязанность подвергнуть пересмотру все дѣйствующее отечественное законодательство и выяснить тѣ измѣненія, которымъ оно должно подлежать въ цѣляхъ согласованія съ указами 17 апрѣля и 17 октября 1905 года.

Но ранѣе этого Правительство должно было остановиться на своихъ отношеніяхъ къ Православной Церкви и твердо установить, что многовѣковыя связь Русскаго Государства съ Христіанскою Церковью обязываетъ его положить въ основу всѣхъ законовъ о свободѣ совѣсти начало Государства Христіанскаго, въ

которомъ Православная Церковь, какъ господствующая, пользуется данью особаго уваженія и особою со стороны Государства охраною. Оберегая права и преимущества Православной Церкви, власть тѣмъ самымъ призвана оберегать полную свободу ея внутренняго управленія и устройства и идти навстрѣчу всѣмъ ея начинаніямъ, находящимся въ соотвѣтствіи съ общими законами Государства. Государство же и въ предѣлахъ новыхъ положеній не можетъ отойти отъ завѣтовъ исторіи, напоминающей намъ, что во всѣ времена и во всѣхъ дѣлахъ своихъ русскій народъ одушевляется именемъ православія, съ которымъ неразрывно связаны слава и могущество родной земли. вмѣстѣ съ тѣмъ права и преимущества Православной Церкви не могутъ и не должны нарушать правъ другихъ исповѣданій и вѣроученій. Поэтому, съ цѣлью проведенія въ жизнь Высочайше дарованныхъ узаконеній объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости и свободы совѣсти, Министерство вноситъ въ Государственную Думу и Совѣтъ рядъ законопроектовъ, опредѣляющихъ переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, безпрепятственное богомоленіе, сооруженіе молитвенныхъ зданій, отмѣну связанныхъ исключительно съ исповѣданіемъ ограниченій и т. п.

Переходя къ неприкосновенности личности, Государственная Дума найдетъ въ проектѣ Министерства обычное для всѣхъ правовыхъ государствъ обезпеченіе ея, причемъ личное задержаніе, обыскъ, вскрытіе корреспонденціи обусловливаются постановленіемъ соотвѣтственной судебной инстанціи, на которую возлагается и провѣрка въ теченіе сутокъ основаній законности ареста, послѣдовавшаго по распоряженію полиціи.

Отклоненіе отъ этихъ началъ признано допустимымъ лишь при введеніи, во время войны или народныхъ волненій, исключительнаго положенія, которое предполагается одно вмѣсто трехъ, нынѣ существующихъ, причемъ административную высылку въ опредѣленныя мѣста предположено совершенно упразднить.

Кромѣ этихъ законопроектовъ общаго характера, устанавливающихъ обязанности и права подданныхъ Россійской Державы, Правительство выработало рядъ законопроектовъ, перестраивающихъ мѣстную жизнь на новыхъ началахъ. Такъ какъ жизнь охватывается областью самоуправленія земскаго и городского, областью управленія (администрація) и полицейскими мѣропріятіями, то и проекты Министерства касаются именно этихъ отраслей нашего законодательства. Какъ въ губерніи, такъ и въ уѣздѣ дѣятельность административная, полицейская и земская течетъ по тремъ параллельнымъ русламъ, но чѣмъ ближе къ населенію, тѣмъ жизнь упрощается и тѣмъ необходимѣе остановиться на ячейкѣ, въ которой населеніе могло бы найти удовлетвореніе своихъ простѣйшихъ нуждъ. Такимъ установленіемъ, по проекту Министерства, должна явиться безсословная, самоуправляющаяся волость, въ качествѣ мелкой земской единицы. Полицейскія ея обязанности должны ограничиться простѣйшими обязанностями мѣстной общественной полиціи, а административныя предпола-

гается свести къ дѣламъ, касающимся воинской повинности, веденія посемейныхъ списковъ, нѣкоторымъ податнымъ дѣйствіямъ и т. п. Въ вѣдѣніе волости должны входить всѣ земли, имущества и лица, находящіяся въ ея предѣлахъ.

Волость будетъ самою мелко-административно-общественною единицею, съ которою будутъ имѣть дѣло частныя лица, но при этомъ лица, владѣющія землею совмѣстно, міромъ, т.-е. главнымъ образомъ владѣльцы надѣльной земли, образуютъ изъ себя, исключительно для рѣшенія своихъ земельныхъ дѣлъ, особыя земельныя общества, сохраняющія нѣкоторыя преимущества, а именно неотчуждаемость надѣльныхъ земель и примѣненіе къ наслѣдованію ими мѣстныхъ обычаевъ. Такимъ образомъ, Земельнымъ обществамъ не будетъ присвоено никакихъ административныхъ обязанностей; создаются они для совмѣстнаго вѣдѣнія бывшими надѣльными землями, причемъ предполагаются мѣры противъ чрезмѣрнаго сосредоточенія этихъ земель въ однѣхъ рукахъ и противъ чрезмѣрнаго дробленія ихъ, а равно къ упроченію совершенія на нихъ актовъ.

Для удовлетворенія же простѣйшихъ потребностей села, вытекающихъ изъ совмѣстнаго проживанія, предположено ввести въ селахъ крупныхъ, а также такихъ, въ которыхъ проживаютъ постороннія крестьянамъ лица, особыя поселковыя управленія, съ участіемъ помянутыхъ постороннихъ лицъ и въ управленіи, и въ обложеніи.

Всѣ сказанныя организаціи получили свое выраженіе во вносимыхъ въ Государственную Думу и Государственный Совѣтъ проектахъ Земельныхъ обществъ, поселковаго и волостного управленія.

Выше волостной мелкой земской единицы отрасли управленія осложняются и въ соотвѣтствіи съ этимъ Министерство должно было заняться реформою самоуправленія земскаго и городского, реформою управленія губернскаго, уѣзднаго и участковаго и реформою полицейскою.

Въ области самоуправленія Министерство коснулось трехъ важнѣйшихъ, по его мнѣнію, общихъ вопросовъ: вопроса земскаго и городского представительства, вопроса объ его компетенціи и вопроса объ отношеніи къ самоуправленію со стороны администраціи. Одновременно Министерство приступило къ существенному и необходимому труду пересоставленія всѣхъ уставовъ, точно устанавливающихъ обязанности земства и администраціи. Въ настоящее время Министерство вноситъ въ Государственную Думу уставъ общественнаго призрѣнія, уставъ о гужевыхъ земскихъ дорогахъ и временный законъ о передачѣ продовольственнаго дѣла въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій. Составляются уставы—врачебный и строительный.

Возвращаясь къ общимъ вопросамъ, выдвинутымъ въ области самоуправленія, [illegible] за то, что вносимый въ Думу проектъ о земскомъ представительствѣ строитъ его на принципѣ налоговаго

ценза, расширяя этимъ путемъ кругъ лицъ, принимающихъ участіе въ земской жизни, но обезпечивая одновременно участіе въ ней культурнаго класса землевладѣльцевъ; компетенція же органовъ самоуправленія увеличивается передачею имъ цѣлаго ряда новыхъ обязанностей, а отношеніе къ нимъ администраціи заключается въ надзорѣ за законностью ихъ дѣйствій.

Самоуправленіе на тѣхъ же общихъ основахъ съ нѣкоторыми, вызванными мѣстными особенностями, измѣненіями предполагается ввести въ Прибалтійскомъ, Западномъ краѣ и Царствѣ Польскомъ, за выдѣленіемъ въ особую административную единицу мѣстностей, въ которыхъ сосредоточивается изстари чисто русское населеніе, имѣющее свои спеціальные интересы.

Что касается административныхъ органовъ, то Министерство вноситъ въ думу проекты законовъ о губернскомъ управленіи, объ уѣздномъ управленіи и объ участковыхъ комисарахъ.

Въ губернскомъ и уѣздномъ управленіи получаетъ осуществленіе принципъ возможнаго объединенія всѣхъ гражданскихъ властей, всѣхъ отдѣльныхъ многочисленныхъ нынѣ присутствій и, главнымъ образомъ, осуществленіе начала административнаго суда. Такимъ путемъ всѣ жалобы на постановленія административныхъ и выборныхъ должностныхъ лицъ и учрежденій будутъ согласно проекту, разсматриваться смѣшанною административно-судною коллегіею съ соблюденіемъ формъ состязательнаго процесса. Во главѣ уѣзда предполагается поставить начальника уѣзднаго управленія, который и объединялъ бы гражданскія власти уѣзда. Въ предѣлахъ уѣзда, въ качествѣ агентовъ администраціи, предположены участковые комисары. Земскіе начальники упраздняются. Полицію предполагается преобразовать въ смыслѣ объединенія полиціи жандармской и общей, причемъ съ жандармскихъ чиновъ будутъ сняты обязанности по производству политическихъ дознаній, которыя будутъ переданы власти слѣдственной. Новымъ въ области полицейской будетъ предлагаемый вниманію Государственной Думы уставъ полицейскій, который долженъ замѣнить устарѣлый уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и точно установить сферу дѣйствій полицейской власти.

Въ строгой связи съ преобразованіемъ мѣстнаго управленія стоитъ и преобразованіе суда. Съ отмѣною учрежденія земскихъ начальниковъ и волостныхъ судовъ необходимо создать мѣстный судъ, доступный, дешевый, скорый и близкій къ населенію. Министерство юстиціи представляетъ по этимъ соображеніямъ въ Государственную Думу проектъ преобразованія мѣстнаго суда съ сосредоточеніемъ судебной власти по дѣламъ мѣстной юстиціи въ рукахъ избираемыхъ населеніемъ изъ своей среды мировыхъ судей, къ компетенціи которыхъ будетъ отнесена значительная часть дѣлъ, подчиненныхъ нынѣ юрисдикціи общихъ судебныхъ установленій, связь съ которыми будетъ поддерживаться образованіемъ для нихъ аппеляціонной инстанціи, въ видѣ уѣздныхъ

отдѣленій окружнаго суда съ кассаціонной инстанціей въ лицѣ Правительствующаго Сената.

Далѣе, въ цѣляхъ обезпеченія въ государствѣ законности и укрѣпленія въ населеніи сознанія святости и ненарушимости закона, Министерство юстиціи вноситъ въ Государственную Думу проектъ о гражданской и уголовной отвѣтственности служащихъ дѣйствительно обезпечивающей примѣненіе начала уголовной и имущественной отвѣтственности служащихъ за ихъ проступки и охраняющей вмѣстѣ съ тѣмъ спокойное и увѣренное отправленіе ими службы и ограждающей ихъ отъ обвиненій явно неосновательныхъ. Дѣянія эти предположено поэтому подчинить общимъ процессуальнымъ постановленіямъ, устранивъ всѣ тѣ въ указанномъ отношеніи отступленія отъ общаго порядка, которыя не представляются безусловно необходимы.

Не останавливаясь на проектахъ объ увеличеніи содержанія должностнымъ лицамъ судебнаго вѣдомства и усиленія дѣйствующихъ штатовъ, не могу не обратить вниманія Государственной Думы на законопроекты въ области уголовнаго права и процесса, устанавливающіе цѣлый рядъ мѣръ, которыя, за сохраненіемъ незыблемыми основныхъ началъ судебныхъ уставовъ Александра II, оправдываются указаніями практики или же отвѣчаютъ нѣкоторымъ, получившимъ за послѣднее время преобладаніе въ наукѣ и уже прянятымъ законодательствами многихъ государствъ Европы воззрѣніямъ. Такъ, предполагается допущеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи, введеніе состязательнаго начала въ обрядъ преданія суду, установленіе институтовъ условнаго осужденія и условнаго досрочнаго освобожденія и т. п. Наряду съ этимъ предположено введеніе въ полномъ объемѣ новаго уголовнаго уложенія, по согласованіи его со всѣми изданными за послѣднее время законоположеніями.

Вносится также цѣлый рядъ законопроектовъ въ области гражданскаго законодательства, проектъ охранительнаго судопроизводства и наряду со многими, имѣющими меньшее значеніе законопроектами, проекты вотчиннаго устава и дополнительныхъ къ нему узаконеній, направленныхъ къ установленію у насъ ипотечной системы, въ цѣляхъ внесенія въ область земельныхъ правоотношеній надлежащей гласности, опредѣленности и твердости.

Область эта находится въ тѣсной связи съ дѣломъ землеустройства, составляющаго предметъ вѣдѣнія другого вѣдомства —Главнаго Управленія землеустройства и земледѣлія. Названное вѣдомство стоитъ передъ задачею громаднаго значенія. Оно призвано, главнымъ образомъ, содѣйствовать экономическому возрожденію крестьянства, которое ко времени окончательнаго освобожденія отъ обособленнаго положенія въ государствѣ выступаетъ на арену общей борьбы за существованіе, экономически слабымъ, неспособнымъ, путемъ занятія своимъ исконнымъ

земледѣльческимъ промысломъ, обезпечить себѣ безбѣдное существованіе.

Поэтому Главное Управленіе поставило себѣ цѣлью увеличеніе площади землевладѣнія крестьянъ и упорядоченіе этого землевладѣнія, т. е. землеустройство.

Среди мѣръ первой категоріи Главное Управленіе придаетъ особое значеніе обезпеченію земельнаго быта тѣхъ обществъ, которыя, получивъ дарственные надѣлы, не имѣли возможности до настоящаго времени обезпечить себя землею путемъ покупки. Соотвѣтственный законопроектъ будетъ внесенъ въ Государственную Думу.

Способъ устраненія остраго малоземелья Главное Управленіе видитъ въ льготной, соотвѣтствующей цѣнности покупаемаго и платежнымъ способностямъ пріобрѣтателя, продажѣ земель земледѣльцамъ. Для этой цѣли въ распоряженіи Правительства имѣется, согласно указа 12 и 27 августа 1906 года, 9 мил. десятинъ и купленныя съ 3 ноября 1905 г. Крестьянскимъ Банкомъ свыше 2 мил. десятинъ. Но для успѣха дѣла увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія надлежитъ связать съ улучшеніемъ формъ землепользованія, для чего необходимы мѣры поощренія и главнымъ образомъ кредитъ. Главное Управленіе намѣрено идти въ этомъ дѣлѣ путемъ широкаго развитія и организаціи кредита земельнаго, меліоративнаго и переселенческаго.

Что касается землеустройства, то вносимое по этому предмету „положеніе“ имѣетъ цѣлью устраненіе неудобствъ, сопряженныхъ съ внутри-надѣльнымъ расположеніемъ участковъ отдѣльныхъ селеній и домохозяевъ, облегченіе разверстанія черезполосицы, облегченіе выдѣленія домохозяевамъ отрубныхъ участковъ, упрощеніе способовъ отграничительныхъ межеваній и принудительное разверстаніе черезполосныхъ владѣній, при условіи признанія этой черезполосности вредною.

Успѣшное осуществленіе аграрныхъ мѣропріятій находится въ зависимости отъ дѣятельности мѣстныхъ землеустроительныхъ комиссій, необходимость переустройства которыхъ сознается Главнымъ Управленіемъ, составившимъ проектъ, имѣющій цѣлью-1) тѣснѣе связать эти комиссіи съ мѣстнымъ населеніемъ путемъ усиленія въ нихъ выборнаго начала начала и 2) придать имъ рабочія силы для проектированія и осуществленія землеустроительныхъ плановъ.

Хотя преобладающимъ по численности населеніемъ у насъ является населеніе сельское, но Правительство считаетъ настоятельно необходимымъ принять въ законодательномъ порядкѣ рядъ мѣръ и по отношенію къ рабочимъ.

Въ основу предполагаемой реформы положены признаніе безусловной необходимости положительнаго и широкаго содѣйствія государственной власти благосостоянію рабочихъ и стремленіе къ исправленію недостатковъ въ ихъ положеніи.

Разсматривая рабочее движеніе, какъ естественное стремле-

ній рабочихъ къ улучшенію своего положенія, реформа должна предоставить этому движенію естественный выходъ, съ устраненіемъ всякихъ мѣръ, направленныхъ къ искусственному его поощренію, а также къ стѣсненію этого движенія, поскольку оно не угрожаетъ общественному порядку и общественной безопасности.

Поэтому реформа рабочаго законодательства должна быть проведена въ двоякаго рода направленіи: въ сторону оказанія рабочимъ положительной помощи и въ направленіи ограниченія административнаго вмѣшательства въ отношенія промышленниковъ и рабочихъ, при предоставленіи какъ тѣмъ, такъ и другимъ необходимой свободы дѣйствій черезъ посредство профессіональныхъ организацій и путемъ ненаказуемости экономическихъ стачекъ.

Главнѣйшей задачей въ области оказанія рабочимъ положительной помощи является государственное попеченіе о неспособныхъ къ труду рабочихъ, осуществляемое путемъ страхованія ихъ, въ случаяхъ болѣзни, увѣчій, инвалидности и старости. Въ связи съ этимъ намѣчена организація врачебной помощи рабочимъ.

Въ цѣляхъ охраненія жизни и здоровья подростающаго рабочаго поколѣнія, установленныя нынѣ нормы труда малолѣтнихъ рабочихъ и подростковъ должны быть пересмотрѣны съ воспрещеніемъ имъ, какъ и женщинамъ, производства ночныхъ и подземныхъ работъ. Въ связи съ этимъ установленную закономъ 2 іюня 1897 г. продолжительность труда взрослыхъ рабочихъ предполагается понизить.

Независимо отъ цѣлаго ряда менѣе важныхъ преобразованій въ области рабочаго законодательства Министерство торговли и промышленности полагаетъ внести на обсужденіе Государственной Думы вопросъ о защитѣ интересовъ русской торговли и промышленности на Дальнемъ Востокѣ путемъ закрытія тамъ порто-франко, установленнаго вслѣдствіе военныхъ дѣйствій Высочайшимъ указомъ отъ 1 мая 1904 года.

Въ числѣ многочисленныхъ проектовъ, вносимыхъ въ государственную думу Министерствомъ путей сообщенія, я считаю долгомъ обратить вниманіе на настоятельную необходимость тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ цѣлью развитіе и улучшеніе нашей рельсовой сѣти, разросшейся за послѣднее десятилѣтіе съ 35,300 верстъ до 61,725 верстъ. Изъ предполагаемыхъ же къ постройкѣ новыхъ дорогъ я считаю долгомъ указать на амурскую дорогу, которую предполагается провести отъ одной изъ конечныхъ станцій забайкальской желѣзной дороги до Хабаровска для созданія непрерывнаго, пролегающаго по русской территоріи, рельсоваго пути, соединяющаго Европейскую Россію съ дальневосточными окраинами. Этого требуютъ жизненные интересы Россіи.

Кромѣ этого вниманію Государственной Думы будетъ предло-

женъ цѣлый рядъ проектовъ о работахъ по развитію и улучшенію внутреннихъ водныхъ путей и шоссейныхъ дорогъ, а также срочные, имѣющіе большую важность, проекты, касающіеся правовыхъ отношеній, какъ напримѣръ, законъ о судоходствѣ и сплавѣ и новый законъ объ отчужденіи недвижимыхъ имуществъ для нуждъ государственныхъ и общественныхъ.

Сознавая необходимость приложенія величайшихъ усилій для поднятія экономическаго благосостоянія населенія, Правительство ясно отдаетъ себѣ отчетъ, что усилія эти будутъ безплодны, пока просвѣщеніе народныхъ массъ не будетъ устранены тѣ явленія, которыми постояно нарушается правильное теченіе школьной жизни въ послѣдніе годы,—явленія, свидѣтельствующія о томъ, что безъ коренной реформы наши учебныя заведенія могутъ дойти до состоянія полнаго разложенія. Школьная реформа на всѣхъ ступеняхъ образованія строится Министерствомъ народнаго просвѣщенія на началахъ непрерывной связи низшей, средней и высшей школы, но съ законченнымъ кругомъ знаній на каждой изъ школьныхъ ступеней. Особыя заботы Министерства народнаго просвѣщенія будутъ направлены къ подготовкѣ преподавателей для всѣхъ ступеней школы и къ улучшенію ихъ матеріальнаго положенія.

Затѣмъ; 1) ближайшей своей задачей Министерство народнаго просвѣщенія ставитъ установленіе совмѣстными усиліями правительства и общества общедоступности, а впослѣдствіи и обязательности, начальнаго образованія для всего населенія имперіи.

2) Въ области средней школы Министерство будетъ озабочено созданіемъ разнообразныхъ типовъ учебныхъ заведеній, съ широкимъ развитіемъ профессіональныхъ знаній, но съ обязательнымъ для всѣхъ типовъ минимумомъ общаго образованія, требуемаго государствомъ.

3) Въ реформѣ высшей школы Министерство ставитъ себѣ задачей укрѣпленіе тѣхъ началъ, которыя положены въ основу предположенныхъ преобразованій Высочайшимъ указомъ 27 августа 1905 года, и согласованіе ихъ съ интересами общегосударственными, на основаніи опыта примѣненія дѣйствующихъ временныхъ правилъ.

Проведеніе въ жизнь всѣхъ вышеизложенныхъ законодательныхъ предположеній находится въ зависмости отъ возможности ихъ осуществленія въ финансовомъ отношеніи. Съ этой стороны Государственной Думѣ и Государственному Совѣту предстоитъ задача первостепенной важности: на разсмотрѣніе ихъ вносится государственная роспись, затрагивающая самыя жизненныя потребности государства. Правительство приглашаетъ Государственную Думу приступить къ немедленному ея разсмотрѣнію, такъ такъ вопросы бюджета настоятельно срочны и требуютъ величайшаго вниманія, тѣмъ болѣе, что положеніе Россіи вызываетъ необходимость строгой бережливости, тогда какъ новыя реформы требуютъ новыхъ затратъ. Настоящая минута тѣмъ болѣе трудна,

Русская Публичная библіотека въ Бѣлградѣ

что она совпала съ весьма крупнымъ сокращеніемъ доходнаго бюджета, образовавшагося вслѣдствіе отмѣны манифестомъ 3 ноября 1905 года выкупныхъ платежей крестьянъ и увеличенія расходовъ на платежи процентовъ и погашенія по займамъ, заключеннымъ для покрытія военныхъ расходовъ. Осложняетоя положеніе еще и тѣмъ, что искусственное задерживаніе нарстанія государственныхъ потребностей на долгое время невозможно. Въ развитіи Государства, какъ отдѣльнаго лица, бываютъ критическіе періоды усиленнаго роста. Происшедшее въ октябрѣ 1905 года коренное измѣненіе въ нашемъ государственномъ устройствѣ открыло собою, какъ указано выше, эту эпоху и выдвинуло на очередь цѣлый рядъ потребностей въ самыхъ различныхъ отрасляхъ государственной жизни.

Наконецъ, неудачная для насъ война вызываетъ необходимость крупныхъ затратъ на возрожденіе нашей арміи и флота. Какъ бы ни было велико стремленіе наше къ миру, какъ бы ни громадна была потребность страны въ успокоеніи, но если мы хотимъ сохранить наше военное могущество, ограждая вмѣстѣ съ тѣмъ самое достоинство нашей родины и не согласны на утрату принадлежащаго намъ по праву мѣста среди великихъ державъ, то намъ не приходится отступить передъ необходимостью затратъ, въ которыхъ насъ обязываетъ все великое прошлое Россіи. Конечно, чрезвычайному характеру этихъ потребностей можетъ соотвѣтствовать только обращеніе къ чрезвычайнымъ рессурсамъ.

Эти соображенія должны быть предпосланы разсмотрѣнію Госуд. Думою внесенныхъ въ нее Министерствомъ финансовъ законодательныхъ предположеній объ установленіи новыхъ налоговъ и преобразованіи нѣкоторыхъ существующихъ видовъ обложеній. Въ этихъ предположеніяхъ руководящею мыслью Министерства финансовъ было достиженіе возможной равномѣрности обложенія и возможное освобожденіе широкихъ массъ неимущаго населенія отъ дополнительнаго налогового бремени. Нѣкоторое исправленіе въ недостаточную уравнительность нашей податной системы внесетъ по проекту Министерства финансовъ подоходный. Проекты же обложенія нѣкоторыхъ предметовъ, доступныхъ лицамъ достаточнымъ, вызваны стремленіемъ Министерства избѣжать отягощенія малоимущихъ слоевъ населенія. Остальные проекты Министерства финансовъ относятся къ осуществленію мысли о пересмотрѣ системы реальнаго обложенія и о преобразованіи нѣкоторыхъ видовъ пошлинъ и, главнымъ образомъ, пошлинъ наслѣдственныхъ.

Всѣ эти преобразованія не являются осуществленіемъ полной и стройной системы податного строя. При теперешнихъ обстоятельствахъ Правительство надѣется достигнуть ими лишь при наименьшихъ жертвахъ со стороны плательщиковъ возможности не только проведенія настоятельно необходимыхъ государственныхъ реформъ, но и оживленія дѣятельности органовъ обще-

ственнаго самоуправленія путемъ передачи имъ нѣкоторой части нынѣшнихъ государственныхъ доходовъ, такъ какъ, расширяя кругъ дѣйствія земствъ и городовъ, Правительство обязано дать имъ возможность выполнить возложенныя на нихъ обязанности. Изложивъ передъ Госуд. Думою программу законодательныхъ предположеній Правительства, я бы не выполнилъ своей задачи, если бы не выразилъ увѣренности, что лишь обдуманное и твердое проведеніе въ жизнь высшими законодательными учрежденіями новыхъ началъ государственнаго строя поведетъ къ успокоенію, возрожденію великой нашей родины. Правительство готово въ этомъ направленіи приложить величайшія усилія: его трудъ, добрая воля, накопленный опытъ предоставляются въ распоряженіе Госуд. Думы, которая встрѣтитъ, въ качествѣ сотрудника, Правительство, сознающее свой долгъ, хранить историческіе завѣты Россіи и возстановить въ ней порядокъ и спокойствіе, т.-е. Правительство стойкое и чисто русское, каковымъ должно быть и будетъ правительство Его Величества.

Засѣданіе Г. Д. 9/III 07 г. Отвѣтъ на запросъ объ оказаніи помощи голодающимъ.

Правительство желаетъ сдѣлать заявленіе о постановкѣ вопроса. Правительство полагаетъ, что, согласно статьѣ 5 учрежденія о Г. Думѣ, Г. Дума можетъ для предварительной разработки подлежащихъ ея разсмотрѣнію дѣлъ образовать изъ своей среды отдѣлы и комиссіи. Статьи 31, 32, 33, разъясняются, какія дѣла подлежать вѣдѣнію Г. Думы. Это—дѣла, требующія изданія законовъ, затѣмъ предположенія объ отмѣнѣ и измѣненіи дѣйствующихъ законовъ. Наконецъ, Г. Дума можетъ обращаться къ Министрамъ съ запросами. Въ данномъ случаѣ предложено образовать комисію для разсмотрѣнія отчета о продовольственномъ дѣлѣ. Собственно говоря, изъ отчетовъ разсмотрѣнію Думы подлежитъ только отчетъ Государственнаго Контроля. Въ данномъ случаѣ всѣ сегодняшнія рѣчи имѣютъ характеръ запросовъ къ правительству о незаконномѣрности его дѣйствій. Поэтому, предложенія, высказанныя здѣсь, Правительство понимаетъ, какъ запросъ къ нему и, такъ какъ въ скоромъ времени,—на-дняхъ, долженъ быть опубликованъ отчетъ о продовольственной и сѣменной компаніи, то Правительство внесетъ этотъ отчетъ въ Г. Думу, какъ отвѣтъ на запросъ. Затѣмъ, согласно ст. 40 положенія о Г. Думѣ, Г. Дума можетъ обращаться къ Министрамъ и управляющимъ отдѣльными частями за разъясненіями, непосредственно касающимися разсматриваемыхъ ею дѣлъ.

Слѣдовательно, если комисія при разсмотрѣніи отчета обратится къ Министру внутреннихъ дѣлъ или иному Министру за разъясненіями дополнительными, то такія разъясненія будутъ

немедленно представлены Госуд. Думѣ. Затѣмъ, правительство имѣло въ виду войти въ Госуд. Думу съ ходатайствомъ о дополнительномъ ассигнованіи на продовольственное дѣло. Слѣдовательно, при разсмотрѣніи этого ходатайства, Госуд. Дума можетъ обратиться за разъясненіями, которыя будутъ представлены Госуд. Думѣ. Несомнѣнно, что въ порядкѣ ст. 40 Правительство представитъ Госуд. Думѣ самыя подробныя разъясненія, такъ какъ Правительству желательно пролить на это дѣло исключительно полный свѣтъ, доказательствомъ чего служатъ сдѣланныя Правительствомъ усилія для полнаго и гласнаго освѣщенія несчастнаго дѣла Лидваля. Что касается собственно продовольственнаго закона, то Правительство не скрываетъ дефектовъ существующаго закона и вноситъ на утвержденіе Госуд. Думы новыя временныя продовольственныя правила. Обращаясь къ существу тѣхъ нападокъ, которыя правительство слышало въ теченіе сегодняшнихъ преній, полагаю, что комиссія, имѣющая столь существенно важное значеніе, не будетъ только орудіемъ для опороченія Правительства въ глазахъ народа, и потому Правительство представитъ свои разъясненія по существу—какъ въ самой комиссіи, такъ и, по окончаніи ея работъ, въ Госуд. Думѣ. Въ виду этого я заявляю, что Правительство всецѣло и всемѣрно присоединяется къ предложенію, внесенному членомъ Госуд. Думы Родичевымъ.

Засѣданіе Г. Д. 13/III 07 г. Объ отмѣнѣ временнаго закона 19 авг. 1906 г.

По обсуждаемому вопросу я, прежде всего, долженъ обратить вниманіе Гос. Думы на то, что, по мнѣнію Правительства, онъ получаетъ неправильное направленіе. Временные законы, которые вошли въ силу во время пріостановленія дѣйствія Думы, могутъ быть отмѣнены только согласно ст. 87 основныхъ государственныхъ законовъ. Статья 87 гласитъ, что дѣйствіе такой мѣры прекращается, если подлежащимъ министромъ или главноуправляющимъ отдѣльною частью не будетъ внесенъ въ Гос. Думу въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ возобновленія занятій Думы соотвѣтствующій принятымъ мѣрамъ законопроектъ. Слѣдовательно, самимъ закономъ установленъ порядокъ прекращенія такого временнаго закона. Казалось бы, что другого порядка быть не можетъ, но если даже принять другую точку зрѣнія, т.-е. что и временные законы могутъ быть прекращены такимъ же порядкомъ, какъ и законы постоянные, т.-е. согласно ст. 55 учрежденія о Гос. Думѣ, то, и въ этомъ случаѣ, обсуждаться по существу этотъ вопросъ можетъ не ранѣе мѣсяца послѣ представленія г. Предсѣдателемъ Думы письменнаго о томъ

заявленія за подписью 30 членовъ Думы. Итакъ, по закону вопросъ этотъ могъ бы обсуждаться не ранѣе 12 апрѣля, такъ какъ 12 марта было подано такого рода заявленіе. Если проектъ наказа противорѣчитъ этому закону, то проектъ неправиленъ, и потому онъ и не былъ опубликованъ Сенатомъ въ прошломъ году. Я говорю только для того, чтобы установить, что въ порядкѣ ст. 87 или ст. 56 законъ о военно-полевыхъ судахъ законнымъ образомъ могъ бы, во всякомъ случаѣ, потерять силу не ранѣе конца апрѣля. Но это, господа, формальная сторона дѣла. Тутъ пренія шли по существу.

Мы слышали тутъ обвиненія Правительству, мы слышали о томъ, что у него руки въ крови, мы слышали, что для Россіи стыдъ и позоръ, что въ нашемъ Государствѣ были осуществлены такія мѣры, какъ военно-полевые суды. Я понимаю, что хотя эти пренія не могутъ привести къ реальному результату, но вся Дума ждетъ отъ Правительства отвѣта прямаго и яснаго на вопросъ: какъ Правительство относится къ продолженію дѣйствія въ странѣ закона о военно-полевыхъ судахъ?

Я, господа, отъ отвѣта не уклоняюсь. Я не буду отвѣчать на нападки за превышеніе власти, за неправильности, допущенныя при примѣненіи этого закона. Нареканія эти голословны, необоснованы, и на нихъ отвѣчать преждевременно. Я буду говорить по другому болѣе важному вопросу. Я буду говорить о нападкахъ на самую природу этого закона, на то, что это позоръ, злодѣяніе и преступленіе, вносящее развратъ въ основы самого государства.

Самое яркое отраженіе эти доводы получили въ рѣчи члена Гос. Думы Маклакова. Если бы я началъ ему возражать, то, несомнѣнно, мнѣ пришлось бы вступить съ нимъ въ юридическій споръ. Я долженъ былъ бы стать защитникомъ военно-полевыхъ судовъ, какъ судебнаго, какъ юридическаго института. Но въ этой плоскости мышленія, я думаю, что я ни съ г. Маклаковымъ, ни съ другими ораторами, отстаивающими тотъ же принципъ —я думаю, я съ ними не разошелся бы. Трудно возражать тонкому юристу, талантливо отстаивающему доктрину. Но, господа, Государство должно мыслить иначе, оно должно становиться на другую точку зрѣнія, и въ этомъ отношеніи мое убѣжденіе неизмѣнно. Государство можетъ. Государство обязано, когда оно находится въ опасности, принимать самые строгіе, самые исключительные законы, чтобы оградить себя отъ распада. Это было, это есть, это будетъ всегда и неизмѣнно. Этотъ принципъ въ природѣ человѣка, онъ въ природѣ самого государства. Когда домъ горитъ, господа, вы вламываетесь въ чужія квартиры, ломаете двери, ломаете окна. Когда человѣкъ боленъ, его организмъ лечатъ, отравляя его ядомъ. Когда на васъ нападаетъ убійца, вы его убиваете. Этотъ порядокъ признается всѣми государствами. Нѣтъ законодательства, которое не давало бы права Правительству пріостанавливать теченіе закона, когда

государственный организмъ потрясенъ до корней, которое не давало бы ему полномочія пріостанавливать всѣ нормы права. Это, господа, состояніе необходимой обороны: оно доводило Государство не только до усиленныхъ репрессій, не только до примѣненія различныхъ репрессій къ различнымъ лицамъ и къ различнымъ категоріямъ людей,—оно доводило Государство до подчиненія всѣхъ одной волѣ, произволу одного человѣка, оно доводило до диктатуры, которая иногда выводила Государство изъ опасности и приводила до спасенія. Бываютъ, господа, роковые моменты въ жизни Государства, когда государственная необходимость стоитъ выше права, и когда надлежитъ выбирать между цѣлостью теорій и цѣлостью отечества. Но съ этой каѳедры былъ сдѣланъ, господа, призывъ къ моей политической честности, къ моей прямотѣ. Я долженъ открыто отвѣтить, что такого рода временныя мѣры не могутъ пріобрѣтать постояннаго характера: когда онѣ становятся длительными, то, во-первыхъ, онѣ теряютъ свою силу, и затѣмъ онѣ могутъ отразиться на самомъ народѣ, нравы котораго должны воспитываться закономъ. Временная мѣра—мѣра суровая, она должна сломить преступную волю, должна сломить уродливыя явленія и отойти въ вѣчность. Поэтому правительство должно въ настоящее время ясно дать себѣ отчетъ о положеніи страны, ясно дать отвѣтъ, что оно обязано дѣлать.

И вотъ возникаютъ два вопроса. Можетъ ли Правительство, въ силѣ ли оно оградить жизнь и собственность русскаго гражданина обычными способами, примѣненіемъ обыкновенныхъ законовъ? Но можетъ быть и другой вопросъ. Надо себя спросить, не является ли такой исключительный законъ преградой для естественнаго теченія народной жизни, для направленія ея въ естественное, спокойное русло?

На первый вопросъ, господа, отвѣтъ не труденъ, онъ ясенъ изъ бывшихъ тутъ преній. Къ сожалѣнію, кровавый бредъ, господа, не пошелъ еще на убыль и едва ли обыкновеннымъ способомъ подавить его по плечу нашимъ обыкновеннымъ установленіямъ. Второй вопросъ сложнѣе: что будетъ, если противоправительственному теченію дать естественный ходъ, если не противопоставить ему силу? Мы слышали тутъ заявленіе группы соціалистовъ-революціонеровъ. Я думаю, что ихъ ученіе не сходно съ ученіемъ соціалистическихъ и революціонныхъ партій, что тутъ играетъ роль созвучіе названій, и что здѣсь присутствующіе не раздѣляютъ программы этихъ партій. На заданный вопросъ отвѣтъ надо черпать изъ документовъ. Я беру документъ оффиціальный, избирательную программу россійской соціальной рабочей партіи. Я читаю въ ней: „Только подъ натискомъ широкихъ народныхъ массъ, подъ напоромъ народнаго возстанія поколеблется армія, на которую опирается Правительство, падутъ твердыни самодержавнаго деспотизма, только борьбою завоюетъ народъ государственную власть, завоюетъ землю и волю“. Въ

окончательномъ тезисѣ я прочитываю: „Чтобы основа Государства была установлена свободно-избранными представителями всего народа, чтобы для этой цѣли было созвано учредительное собраніе всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ, безъ различія вѣры, пола и національности, голосованіемъ; чтобы всѣ власти и должностныя лица избирались народомъ и смѣщались имъ; въ странѣ не можетъ быть иной власти, кромѣ поставленной народомъ и отвѣтственной передъ нимъ и его представителями; чтобы Россія стала демократической республикой". Передо мной другой документъ: резолюція съѣзда, бывшаго въ Таммерфорсѣ передъ началомъ дѣйствія Г. Думы. Въ резолюціи я читаю: „съѣздъ рѣшительно высказывается противъ тактики, опредѣляющей задачи Думы, какъ органическую работу въ сотрудничествѣ съ Правительствомъ при самоограниченіи рамками Думы для многихъ основныхъ законовъ, не санкціонированныхъ народной волей". Затѣмъ резолюція окончательная: „съѣздъ находитъ необходимымъ, въ видѣ временной мѣры, всѣ центральные и мѣстные террористическіе акты, направленные противъ агентовъ власти, имѣющихъ руководящее, административно политическое значеніе, поставить подъ непосредственный контроль и руководство центральнаго комитета. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съѣздъ находитъ, что партія должна возможно болѣе широко использовать, для этого расширенія и углубленія своего вліянія въ странѣ, всѣ новыя средства и поводы агитаціи и безостановочно развивать въ странѣ, въ цѣляхъ поддержки, основныя требованія широкаго народнаго движенія, имѣющаго перейти во всеобщее возстаніе".

Господа, я не буду утруждать вашего вниманія чтеніемъ другихъ, не менѣе оффиціальныхъ документовъ. Я задаю себѣ лишь вопросъ о томъ, вправѣ ли Правительство, при такомъ положеніи дѣла, сдѣлать демонстративный шагъ, не имѣющій за собою реальной цѣны, шагъ въ сторону формальнаго нарушенія закона? Вправѣ ли Правительство передъ лицомъ своихъ вѣрныхъ слугъ, ежеминутно подвергающихся смертельной опасности, сдѣлать гласную уступку революціи?

Вдумавшись въ этотъ вопросъ, всесторонне его взвѣшивая, Правительство пришло къ заключенію, что страна ждетъ отъ него не оказательства слабости, а оказательства вѣры. Мы хотимъ вѣрить, мы должны вѣрить, что отъ васъ, господа, мы услышимъ слова умиротворенія, что вы прекратите кровавое безуміе. Мы вѣримъ, что вы скажете то слово, которое заставитъ насъ всѣхъ стать не на разрушеніе историческаго зданія Россіи, а на пересозданіе, переустройство его и украшеніе.

Въ ожиданіи этого слова Правительство приметъ мѣры для того, чтобы ограничить суровый законъ только самыми исключительными случаями самыхъ дерзновенныхъ преступленій, съ тѣмъ, чтобы, когда Дума толкнетъ Россію на спокойную работу, законъ этотъ палъ самъ собою—путемъ невнесенія его на утвержденіе законодательнаго собранія.

Господа, въ вашихъ рукахъ успокоеніе Россіи, которая, конечно, съумѣетъ отличить кровь, о которой такъ много здѣсь говорилось, кровь на рукахъ палечей, отъ крови на рукахъ добросовѣстныхъ врачей, примѣняющихъ самыя чрезвычайныя, можетъ быть, мѣры съ однимъ только упованіемъ, съ одной надеждой, съ одной вѣрой—исцѣлить трудно больного.

Засѣданіе Г. Д. 20/III 07 г.
По вопросу о бюджетѣ.

Господа! Я не буду долго утруждать ваше вниманіе. Я вхожу на каѳедру въ качествѣ Министра внутреннихъ дѣлъ лишь для того, чтобы сдѣлать маленькую поправку къ рѣчи члена Думы Николая Николаевича Кутлера. Рѣчь эту я слушалъ съ особымъ вниманіемъ, и то, что я скажу, является результатомъ внимательнаго отношенія къ рѣчи г. Кутлера. Я полагаю, что разсмотрѣніе бюджета въ Государственной Думѣ есть одно изъ самыхъ существенныхъ ея правъ. Результатомъ его должно быть пролитіе свѣта на такія тѣневыя стороны бюджета, выясненіе которыхъ ожидается отъ Государственной Думы. Я полагалъ, что рѣчь Кутлера должна пролить этотъ свѣтъ еще потому, что у него не можетъ быть тайнъ въ бюрократическомъ мірѣ, въ которомъ онъ такъ долго служилъ. Слушая его рѣчь, я остановился на одномъ его упрекѣ а именно: „въ то время", говоритъ Кутлеръ, „когда Манифестомъ Государя Императора была дарована полная свобода слова и свобода печати, въ то самое время Министерство внутреннихъ дѣлъ увеличило окладъ Начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати и его помощника". Кажется, я не ошибаюсь. Это было сказано именно такъ. И долженъ сказать, что замѣчаніе это вызвало со стороны членовъ Государственной Думы и апплодисменты и смѣхъ. Противъ этого я ничего не имѣю. Смѣхъ—прекрасное оружіе и бичъ, въ особенности для Правительства... и я думаю, что можно смѣяться надъ человѣкомъ или учрежденіемъ, если они ставятъ себя въ смѣшное положеніе. Было ли въ данномъ случаѣ такое положеніе.? Было бы, если бы замѣчаніе члена Думы Кутлера было основано на вѣрныхъ фактахъ. Это условіе особенно важно для серьезной рѣчи, основанной на предварительномъ изученіи вопроса, не могущей не произвести впечатлѣнія, загладить которое не всегда возможно, не имѣя подъ руками документовъ. Въ теченіе получасового перерыва мнѣ трудно было провѣрить достовѣрность сказаннаго, но я, всетаки, это сдѣлалъ и теперь могу сказать, что утвержденія г. Кутлера не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Другого выраженія я не могу подобрать. Ни начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, ни одинъ изъ служащихъ никакой прибавки къ содержанію не получали. Я докажу это документами. Штаты Главнаго Управленія по дѣ-

ламъ печати существуютъ съ 1862 г. Бывшій Начальникъ Главнаго Управленія, по Высочайшему повелѣнію, вмѣсто прибавки въ 3,000 р., которые онъ получалъ къ своему содержанію, получилъ 8-го августа 1902 г. 3,000 р. квартирныхъ. Эти деньги ассигновывались изъ суммъ „Правительственнаго Вѣстника" и отпускъ ихъ былъ продолженъ и теперешнему Начальнику Главнаго Управленія по дѣламъ печати 1-го апрѣля 1905 г., т. е. до манифеста 17 октября. Помощника у Начальника Главнаго Управленія нѣтъ, поэтому прибавки содержанія некому было и давать. Остальные служащіе удовлетворяются по штату 1862 г., и такъ какъ штаты эти весьма незначительны, то они получали добавочное содержаніе изъ суммъ „Правительственнаго Вѣстника" по 150,000 р. въ годъ. Такъ было въ 1902, 1903, 1904 г., но такъ какъ эти суммы „Правительственнаго Вѣстника" были обращены на другіе расходы, то эти именно 150,000 р. были внесены въ 1907 году въ общую государственную смѣту. Знать это г. Кутлеру слѣдовало бы, такъ какъ перенесеніе кредита въ общую смѣту было произведено тѣмъ Совѣтомъ Министровъ, предсѣдателемъ котораго я не былъ, но членомъ котораго состоялъ г. Кутлеръ. Здѣсь былъ нанесенъ ввѣренному мнѣ вѣдомству ударъ сильный и смѣлый, но пришелся онъ во-истину не по коню, а по оглоблямъ.

Засѣданіе Г. Д. 10/IV 07 г. Декларація Правительства по аграрному вопросу.

Господа члены Государственной Думы! Прислушиваясь къ преніямъ по земельному вопросу и знакомясь съ ними изъ стенографическихъ отчетовъ, я пришелъ къ убѣжденію, что необходимо нынѣ же, до окончанія преній, сдѣлать заявленіе какъ по возбуждавшемуся тутъ вопросу, такъ и о предположеніяхъ самого Правительства.

Я, господа, не думаю представлять вамъ полной аграрной программы Правительства: это предполагалось сдѣлать поддежащимъ компетентнымъ вѣдомствомъ въ аграрной комисіи, Сегодня я только узналъ, что въ аграрной комиссіи, въ которую не приглашаются члены Правительства и не выслушиваются даже тѣ данныя и матеріалы, которыми Правительство располагаетъ принимаютъ принципіальныя рѣшенія. Тѣмъ болѣе я считаю необходимымъ высказаться только въ предѣлахъ тѣхъ вопросовъ, которые тутъ подымались и обсуждались. Я исхожу изъ того положенія, что всѣ лица, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ самымъ искреннимъ образомъ, желаютъ его разрѣшенія. Я думаю, что крестьяне не могутъ не желать разрѣшенія того вопроса, который для нихъ является самымъ близкимъ и самымъ больнымъ; я думаю, что и землевладѣльцы не могутъ не желать имѣть

своими сосѣдями людей спокойныхъ и довольныхъ, вмѣсто голодающихъ и погромщиковъ; я думаю, что и всѣ русскіе люди, жаждущіе успокоенія своей страны, желаютъ скорѣйшаго несомнѣнно, хотя бы отчасти, питаетъ смуту.

Я поэтому обойду всѣ тѣ оскорбленія и обвиненія, которыя раздавались здѣсь противъ Правительства. Я не буду останавливаться и на тѣхъ нападкахъ, которые имѣли характеръ агитаціоннаго напора на власть; я не буду останавливаться и на провозглашавшихся здѣсь началахъ классовой мести со стороны бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ дворянамъ, — а постараюсь встать на чисто государственную точку зрѣнія, постараюсь отнестись совершенно безпристрастно, даже болѣе того, безстрастно къ данному вопросу. Постараюсь вникнуть въ существо высказывавшихся мнѣній, памятуя, что мнѣнія, несогласныя со взглядами Правительства, не могутъ почитаться послѣднимъ за крамолу. Правительству тѣмъ болѣе, мнѣ кажется, подобаетъ высказываться въ общихъ чертахъ, что изъ бывшихъ здѣсь преній, изъ бывшаго предварительнаго обсужденія вопроса ясно, какъ мало шансовъ сблизить различныя точки зрѣнія, какъ мало шансовъ дать аграрной комиссіи опредѣленныя заданія, очерченныя строгими рамками наказъ.

Переходя къ предложеніямъ разныхъ партій, я, прежде всего, долженъ остановиться на предложеніи партій лѣвыхъ, ораторами которыхъ выступили здѣсь прежде всего г.г. Караваевъ, Церетелли, Волкъ-Карачевскій и другіе. Я не буду оспаривать тѣхъ весьма спорныхъ, по мнѣ, цифръ, которыя здѣсь представлялись ими. Я охотно соглашусь и съ нарисованной ими картиной оскудѣнія земледѣльческой Россіи. Встревоженное этимъ Правительство уже начало принимать рядъ мѣръ для поднятія земледѣльческаго класса. Я долженъ указать только, на то, что тотъ способъ, который здѣсь предложенъ, тотъ путь, который здѣсь намѣченъ, поведетъ къ полному перевороту во всѣхъ существующихъ гражданскихъ правоотношеніяхъ; онъ ведетъ къ тому, что подчиняетъ интересамъ одного, хотя и многочисленнаго класса интересы всѣхъ другихъ слоевъ населенія. Онъ ведетъ, господа, къ соціальной революціи. Это сознается, мнѣ кажется, и тѣми ораторами, которые тутъ говорили. Одинъ изъ нихъ приглашалъ государственную власть возвыситься въ этомъ случаѣ надъ правомъ и заявлялъ, что вся задача настоящаго момента заключается именно въ томъ, чтобы разрушить государственность съ ея помѣщичьей бюрократической основой, и на развалинахъ государственности создать государственность современную, на новыхъ культурныхъ началахъ. Согласно этому ученію, государственная необходимость должна возвыситься надъ правомъ не для того, чтобы вернуть государственность на путь права, а для того, чтобы уничтожить въ самомъ корнѣ именно существующую государственность, существующій въ настоящее время государственный строй. Словомъ, признаніе націолизаціи земли, при

условіи вознагражденія за отчуждаемую землю или безъ него, поведетъ къ такому соціальному перевороту, къ такому перемѣщенію всѣхъ цѣнностей, къ такому измѣненію всѣхъ соціальныхъ, правовыхъ и гражданскихъ отношеній, какого еще не видѣла исторія. Но это, конечно, не доводъ противъ предложенія лѣвыхъ партій, если это предложеніе будетъ признано спасительнымъ. Предположимъ же на время, что Государство признаетъ это за благо, что оно перешагнетъ черезъ раззореніе цѣлаго, какъ бы тамъ ни говорили, многочисленнаго образованнаго класса землевладѣльцевъ, что оно примирится съ разрушеніемъ рѣдкихъ культурныхъ очаговъ на мѣстахъ. Что же изъ этого выйдетъ? Что, былъ бы, по крайней мѣрѣ, этимъ способомъ разрѣшенъ, хотя бы съ матеріальной стороны, земельной вопросъ? Далъ бы или нѣтъ возможность устроить крестьянъ у себя на мѣстахъ?

На это отвѣтъ могутъ дать цифры, а цифры, господа, таковы: если бы не только частновладѣльческую, но даже всю землю безъ малѣйшаго исключенія, даже землю, находящуюся въ настоящее время подъ городами, отдать въ распоряженіе крестьянъ, владѣющихъ нынѣ надѣльною землею, то въ то время, какъ въ Вологодской губерніи пришлось бы всего вмѣстѣ, съ имѣющимися нынѣ, по 147 дес. на дворъ, въ олонецкой по 185 дес., въ Архангельской даже по 1009 дес., въ 14 губерніяхъ не достало бы и по 15 дес., а въ Полтавской пришлось бы лишь по 9 дес., въ Подольской всего по 8 дес. Это объясняется крайне неравномѣрнымъ распредѣленіемъ по губерніямъ не только казенныхъ и удѣльныхъ земель, но и частновладѣльческихъ. Четвертая часть частновладѣльческихъ земель находится въ тѣхъ губерніяхъ, которыя имѣютъ надѣлъ свыше 15 дес. на дворъ и лишь седьмая часть частновладѣльческихъ земель расположена въ 10 губерніяхъ съ наименьшимъ надѣломъ, т. е. по 7 дес. на одинъ дворъ. При этомъ принимается въ разсчетъ вся земля всѣхъ владѣльцевъ т. е. не только 107000 дворянъ, но и 490000 крестьянъ, купившихъ себѣ землю, и 8500 мѣщанъ, — а эти два послѣдніе разряда владѣютъ до 17.000 000 дес. Изъ этого слѣдуетъ, что поголовное раздѣленіе всѣхъ земель едва ли можетъ удовлетворить земельную нужду на мѣстахъ; придется прибѣгнуть къ тому же средству, которое предлагаетъ Правительство, т. е. къ переселенію; придется отказаться отъ мысли надѣлить землей весь трудовой народъ и не выдѣлять изъ него извѣстной части населенія въ другія области труда. Это подтверждается и другими цифрами, подтверждается изъ цифръ прироста населенія за десятилѣтній періодъ, въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи. Россія, господа, не вымираетъ; приростъ ея населенія превосходитъ приростъ всѣхъ остальныхъ государствъ всего міра, достигая на 1,000 человѣкъ 15,1 въ годъ. Такимъ образомъ, это дастъ на одну Европейскую Россію всего на 50 губерній 1,625,000 душъ естественнаго прироста въ годъ или, считая семью въ пять человѣкъ 341,000 семей. Такъ что, для удовлетворенія

землей одного только прирастающаго населенія, считая по 10 дес. на одинъ дворъ, потребно было бы ежегодно $8^1/_2$ милліона десятинъ.

Изъ этого ясно, господа, что путемъ отчужденія, раздѣленія частновладѣльческихъ земель, земельный вопросъ не разрѣшается. Это равносильно наложенію пластыря на засоренную рану. Но кромѣ упомянутыхъ матеріальныхъ результатовъ, что дастъ этотъ способъ странѣ, что дастъ онъ съ нравственной стороны? Та картина, которая наблюдается теперь въ нашихъ сельскихъ обществахъ, та необходимость подчиняться всѣмъ одному способу веденія хозяйства, необходимость постояннаго передѣла, невозможность для хозяина съ иниціативой примѣнить къ временно находящейся въ его пользованіи землѣ свою склонность къ опредѣленной отрасли хозяйства, все это распространится на всю Россію. Все и всѣ были бы сравнены, земля стала бы общей, какъ вода и воздухъ. Но къ водѣ и къ воздуху не прикасаетея рука человѣческая, не улучшаетъ ихъ рабочій трудъ; иначе на улучшенные воздухъ и воду несомнѣнно наложена была бы плата и на нихъ установлено было бы право собственности. Я полагаю, что земля, которая распредѣлилась бы между гражданами, отчуждалась бы у однихъ и предоставлялась бы другимъ мѣстнымъ социалъ-демократическимъ присутственнымъ мѣстомъ, что эта земля получила бы скоро тѣ же свойства, какъ и вода и воздухъ. Ею бы стали пользоваться, но улучшать ее, прилагать къ ней свой трудъ съ тѣмъ, чтобы результаты этого труда перешли къ другому лицу—этого никто не сталъ бы дѣлать. Вообще стимулъ къ труду, та пружина, которая заставляетъ людей трудиться, была бы сломлена. Каждый гражданинъ, а между ними всегда были и будутъ тунеядцы—будетъ знать, что онъ имѣетъ право заявить о желаніи получить землю, приложить свой трудъ къ землѣ, затѣмъ, когда занятіе это ему надоѣстъ, бросить ее и пойти опять бродить по бѣлу свѣту. Все будетъ стравлено, но приравнять всѣхъ можно только къ низшему уровню. Нельзя человѣка лѣниваго приравнять къ трудолюбивому, нельзя человѣка тупоумнаго приравнять къ трудоспособному.

Вслѣдствіе этого культурный уровень страны понизится. Добрый хозяинъ, хозяинъ изобрѣтатель, самою силою вещей будетъ лишенъ возможности приложить свои знанія къ землѣ. Надо думать, что при такихъ условіяхъ совершился бы новый переворотъ и человѣкъ даровитый, сильный, способный, силою возстановилъ бы свое право на собственность, на результаты своихъ трудовъ. Вѣдь, господа, собственность имѣла всегда своимъ основаніемъ силу, за которою стояло и нравственное право. Вѣдь и раздача земли при Екатеринѣ Великой оправдывалась необходимостью заселенія незаселенныхъ громадныхъ пространствъ. И тутъ была государственная мысль. Точно также право способнаго, право даровитаго создало и право собственности на Западѣ. Неужели же намъ возобновлять этотъ опытъ и переживать новое возсоз-

даніе права собственности на уравненныхъ и раззоренныхъ поляхъ. Россіи? А эта перекроенная и уравненная Россія — что, стала ли бы она и болѣе могущественной и богатой? Вѣдь богатство народовъ создаетъ и могущество страны. Путемъ же передѣленія всей земли государство въ своемъ цѣломъ не пріобрѣтаетъ ни одного лишняго колоса хлѣба. Уничтожены, конечно, будутъ культурныя хозяйства. Временно будутъ увеличены крестьянскіе надѣлы, но при ростѣ населенія они скоро обратятся въ пыль, и эта распыленная земля будетъ высылать въ города массы обнищавшаго пролетаріата. Но, положимъ, что эта картина невѣрна, что краски тутъ сгущены, кто же, однако, будетъ возражать противъ того, что такое потрясеніе, такой громадный соціальный переворотъ не отразится, можетъ быть, на самой цѣлости Россіи. Вѣдь тутъ, господа, предлагаютъ разрушеніе существующей государственности, предлагаютъ намъ, среди другихъ сильныхъ и крѣпкихъ народовъ, превратить Россію въ развалины для того, чтобы на этихъ развалинахъ строить новое, невѣдомое намъ отечество. Я думаю, что на второмъ тысячелѣтіи своей жизни Россія не развалится. Я думаю, что она обновится, улучшитъ свой укладъ, пойдетъ впередъ, но путемъ разложенія не пойдетъ, потому что, гдѣ разложеніе, тамъ смерть.

Теперь обратимся, господа, къ другому предложенному намъ проекту партіи народной свободы. Проектъ этотъ не обнимаетъ задачу въ такомъ большомъ объемѣ, какъ предыдущій проектъ и задается увеличеніемъ пространства крестьянскаго землевладѣнія. Проектъ этотъ даже отрицаетъ, не признаетъ и не создаетъ ни за кѣмъ права на землю. Однако, я долженъ сказать, что въ этомъ проектѣ для меня не все понятно и онъ представляется мнѣ во многомъ противорѣчивымъ. Докладчикъ этой партіи въ своей рѣчи отнесся очень критически къ началамъ націонализаціи земли. Я полагалъ, что онъ логически долженъ поэтому придти къ противоположному, къ признанію принципа собственности, отчасти это и было сдѣлано. Онъ призналъ за крестьянами право неизмѣннаго постояннаго пользованія землей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, для расширенія его владѣній онъ призналъ необходимымъ нарушить постоянное пользованіе его сосѣдей землевладѣльцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ гарантируетъ крестьянамъ ненарушимость ихъ владѣній въ будущемъ. Но разъ признанъ принципъ отчуждаемости, то кто же повѣритъ тому, что если понадобится современемъ отчудить земли крестьянъ, онѣ не будутъ отчуждены. И потому мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи проектъ лѣвыхъ партій гораздо болѣе искренненъ и правдивъ, признавая возможность пересмотра трудовыхъ нормъ, отнятіе излишка земли у домохозяевъ. Вообще, если признавать принципъ обязательнаго количественнаго отчужденія, то есть приципъ возможности отчужденія земли у того, у кого ея много, чтобы дать тому, у кого ея мало, надо знать къ чему поведетъ это въ конечномъ выводѣ,—это приведетъ къ той же націона-

лизаціи земли: Вѣдь, если теперь, въ 1907 году, у владѣльца, скажемъ, 3000 десятинъ, будетъ отнято 2500 и за нимъ останутся 500 дес. культурныхъ, то вѣдь съ измѣненіемъ понятія о культурности и съ ростомъ населенія онъ, несомнѣнно, подвергается риску отнятія остальныхъ 500 десятинъ. Мнѣ кажется, что и крестьянинъ не пойметъ, почему онъ долженъ переселяться куда то въ даль, въ виду этого только, что его сосѣдъ не разоренъ, а имѣетъ, по нашимъ понятіямъ, культурное хозяйство. Почему онъ долженъ идти въ Сибирь и почему не можетъ быть направленъ,—по картинному выраженію одного изъ ораторовъ партіи народной свободы,—на сосѣднюю помѣщичью землю? Мнѣ кажется, ясно, что и по этому проекту право собственности на землю отмѣняется: она изъемлется изъ области купли и продажи. Никто не будетъ прилагать свой трудъ къ землѣ, зная, что плоды его трудовъ могутъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ отчуждены. Докладчикъ партіи прикидывалъ цѣну на отчужденную землю въ среднемъ по 80 руб. на десятину въ Европейской Россіи. Вѣдь это не можетъ поощрить къ примѣненію своего труда къ землѣ. скажемъ, тѣхъ лицъ; которыя за землю годъ передъ тѣмъ заплатили по 200—300 руб. за десятину и вложили въ нее свое достояніе. Но между мыслями, предложенными докладчикомъ партіи народной свободы, есть и мысль, которая должна сосредоточить на себѣ самое серьезное вниманіе, Докладчикъ заявилъ, что надо предоставить самимъ крестьянамъ устраиваться такъ, какъ имъ удобно. Законъ не призванъ учить крестьянъ и навязывать имъ какія-либо теоріи, хотя бы эти теоріи и признавались законодателями совершенно основательными и правильными. Пусть каждый устраивается по своему, и только тогда мы дѣйствительно поможемъ населенію. Нельзя такого заявленія не привѣтствовать. И само правительство, во всѣхъ своихъ стремленіяхъ, указываетъ только на одно: нужно снять тѣ оковы, которыя наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тотъ способъ пользованія землей, который наиболѣе его устраиваетъ. Интересно еще въ проектѣ партіи народной свободы другое провозглашаемое начало. Это начало государственной помощи. Предлагается отнести на расходы казны половину стоимости земли, пріобрѣтаемой крестьянами. Я къ этому началу еще вернусь, а теперь укажу, что оно, мнѣ кажется, нѣсколько противорѣчивымъ провозглашаемому принципу принудительнаго отчужденія. Если признать принудительное отчужденіе, то какъ же, наряду съ этимъ, признать необходимость для всего населенія, для всего государства, для всѣхъ классовъ населенія придти на помощь самой нуждающейся части населенія? Почему наряду съ этимъ необходимо съ этою цѣлью обездолить 130,000 владѣльцевъ, и не только обездолить, но и оторвать ихъ отъ привычнаго и полезнаго дли государства труда. Можетъ быть, господа, безъ этого обойтись нельзя?

Прежде, чѣмъ изложить вамъ въ общихъ чертахъ виды правительства, я позволю себѣ остановиться еще на одномъ способѣ разрѣшенія земельнаго вопроса. который засѣлъ во многихъ головахъ. Этотъ способъ, этотъ путь—это путь насилія. Вамъ всѣмъ извѣстно, господа, насколько легко прислушивается нашъ крестьянинъ—простолюдинъ къ всевозможнымъ толкамъ. насколько легко онъ подается толчку. особенно въ направленіи разрѣшенія своихъ земельныхъ вожделѣній явочнымъ путемъ, путемъ, такъ сказать, насилія. За это уже платился нѣсколько разъ нашъ сѣрый крестьянинъ. Я не могу не заявить, что въ настоящее время опасность новыхъ насилій, новыхъ бѣдъ въ деревнѣ возрастаетъ. Правительство должно учитывать два явленія: съ одной стороны — несомнѣнное желаніе, потребность, стремленіе широкихъ круговъ общества поставить работу въ государствѣ на правильныхъ законныхъ началахъ и приступить къ правильному новому законодательству для улучшенія жизни страны. Это стремленіе правительство не можетъ не привѣтствовать и обязано приложить всѣ силы для того, чтобы помочь ему; но наряду съ этимъ существуетъ и другое—существуетъ желаніе усилить броженіе въ странѣ, бросать въ населеніе сѣмена возбужденія смуты съ цѣлью возбужденія недовѣрія къ правительству, съ тѣмъ, чтобы подорвать его авторитетъ, для того, чтобы соединить во-едино всѣ враждебныя правительству силы. Вѣдь съ этой каѳедры, господа, была брошена фраза: «Мы пришли сюда не покупать землю, а ее взять». Отсюда, господа, распространялись и письма въ провинцію, въ деревни, письма, которыя печатались въ провинціальныхъ газетахъ, почему я о нихъ и упоминаю, письма, вызывавшія и смущеніе, и возмущеніе на мѣстахъ. Авторы этихъ писемъ привлекались къ отвѣтственности. но поймите, господа, что дѣлалось въ понятіяхъ тѣхъ сельскихъ обывателей, которымъ предлагалось, въ виду яко бы насилій, кровожадности и преступленій правительства, обратиться къ насилію и взять землю силой. Я не буду утруждать васъ, господа, ознакомленіемъ съ этими документами. Я скажу только, при наличности ихъ,—и я откровенно это заявляю, такъ какъ русскій Министръ и не можетъ иначе говорить въ русской Г. Думѣ—можно предвидѣть и наличность новыхъ попытокъ пріобрѣтенія земли силою и насиліемъ. Я долженъ сказать, что въ настоящее время опасность эта еще далеко, но необходимо опредѣлить ту черту, за которой опасность эта, опасность успѣшнаго воздѣйствія на населеніе въ смыслѣ открытаго выступленія становится дѣйствительно тревожной. Государство, конечно, переступить эту черту, этотъ предѣлъ не дозволитъ, иначе оно перестанетъ быть государствомъ и станетъ пособникомъ собственнаго своего разрушенія. Все, что я сказалъ, господа, является разборомъ тѣхъ стремленій, которыя, по мнѣнію правительства, не даютъ того отвѣта на запросы, того разрѣшенія дѣла, котораго ожидаетъ Россія Насилія допущены не будутъ. Національ-

зація земли представляется Прзвительству гибельною для страны, а проектъ партіи народной свободы, т.-е. полуэкспропріація, полунаціонализація въ конечномъ выводѣ, по нашему мнѣнію, приведетъ къ тѣмъ же результатамъ, какъ и предложеніе лѣвыхъ партій.

Гдѣ же выходъ? Думаетъ ли Правительство ограничиться полумѣрами и полицейскимъ охраненіемъ порядка? Но, прежде чѣмъ говорить о способахъ, нужно ясно себѣ представить цѣль, а цѣль у Правительства вполнѣ опредѣленна: Правительство желаетъ поднять крестьянское землевладѣніе, оно желаетъ видѣть крестьянина богатымъ, достаточнымъ, такъ какъ гдѣ достатокъ, тамъ, конечно, и просвѣщеніе, тамъ и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному трудолюбивому крестьянину, т. е. соли земли русской, освободиться отъ тѣхъ тисковъ, отъ тѣхъ теперешнихъ условій жизни, въ которыхъ онъ въ настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрѣпить за собой плоды трудовъ своихъ и представить ихъ въ неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будетъ общая тамъ, гдѣ община еще не отжила, пусть она будетъ подворная тамъ, гдѣ община уже не жизненна, но пусть она будетъ крѣпкая, пусть будетъ наслѣдственная. Такому собственнику-хозяину Правительство обязано помочь совѣтомъ, помочь кредитомъ, то есть деньгами. Теперь же надлежитъ немедленно браться за незамѣтную черную работу, надлежитъ сдѣлать учетъ всѣмъ тѣмъ малоземельнымъ крестьянамъ, которые живутъ земледѣліемъ. Придется всѣмъ этимъ малоземельнымъ крестьянамъ дать возможность воспользоваться изъ существующаго земельнаго запаса такимъ количествомъ земли, которое имъ необходимо, на льготныхъ условіяхъ. Мы слышали тутъ, что для того, чтобы дать достаточное количество земли всѣмъ крестьянамъ, необходимо имѣть запасъ въ 57 мил. дес. земли. Опять таки говорю, я цифры не оспариваю, тутъ же указывалось на то, что въ распоряженіи Правительства находится только 10 милл. дес. земли. Но, господа, вѣдь Правительство только недавно начало образовывать земельный фондъ. Вѣдь Крестьянскій банкъ перегруженъ предложеніями. Здѣсь нападали и на Крестьянскій банкъ, и нападки эти были достаточно вѣскіе. Была при этомъ брошена фраза: „это надо бросить“. По мнѣнію Правительства бросать ничего не нужно. Начатое дѣло надо улучшать. При этомъ должно, быть можетъ, обратиться къ той мысли, на которую я указывалъ раньше—мысли о государственной помощи. Остановитесь, господа, на томъ соображеніи, что государство есть одинъ цѣлый организмъ, и что если между частями организма, частями государства начнется борьба, то Государство неминуемо погибнетъ и превратится „въ Государство, раздѣлившееся на ся“. Въ настоящее время Государство у насъ хвораетъ. Самой больною, самой слабою частью, которая хирѣетъ, которая завядаетъ является крестьянство. Ему надо помочь. Предлагается

простой, совершенно автоматическій, совершенно механическій способъ: взять и раздѣлить всѣ 130,000 существующихъ въ настоящее время помѣстій. Государственно ли это? Не напоминаетъ ли это исторію Тришкина кафтана — обрѣзать полы, чтобы сшить изъ нихъ рукава? Господа! Нельзя укрѣпить больное тѣло, питая его вырѣзанными изъ него самого кусками мяса; надо дать толчекъ организму, создать приливъ питательныхъ соковъ къ больному мѣсту, и тогда организмъ осилитъ болѣзнь; въ этомъ должно, несомнѣнно, участвовать все государство, всѣ части государства должны придти на помощь той его части, которая въ настоящее время является слабѣйшей. Въ этомъ — смыслъ государственности, въ этомъ оправданіе государства, какъ одного соціальнаго цѣлаго. Мысль о томъ, что всѣ государственныя силы должны придти на помощь слабѣйшей его части, можетъ напоминать принципы соціализма: но если это принципъ соціализма, то соціализма государственнаго, который примѣнялся не разъ въ Западной Европѣ и приносилъ реальные и существенные результаты. У насъ принципъ этотъ могъ бы осуществиться въ томъ, что государство брало бы на себя уплату части процентовъ, которые взыскиваются съ крестьянъ за предоставленную имъ землю. Въ общихъ чертахъ дѣло сводилось бы къ слѣдующему: Государство закупало бы предлагаемыя въ продажу частныя земли, которыя, вмѣстѣ съ землями удѣльными и государственными, составляли государственный земельный фондъ. При массѣ земель, предлагаемыхъ въ продажу. цѣны на нихъ при этомъ не возрасли бы.

Изъ этого фонда получали бы землю на льготныхъ условіяхъ тѣ малоземельные крестьяне, которые въ ней нуждаются и, дѣйствительно, прилагаютъ теперь свой трудъ къ землѣ и затѣмъ тѣ крестьяне, которымъ необходимо улучшить формы теперешняго землепользованія. Но такъ какъ въ настоящее время крестьянство оскудѣло, ему не подъ силу платить тотъ сравнительно высокій процентъ, который взыскивается Государствомъ, то послѣднее и приняло бы на себя разницу въ процентѣ, выплачиваемомъ по выпускаемымъ имъ листамъ и тѣмъ процентомъ, который былъ бы посиленъ крестьянину, который былъ бы опредѣляемъ государственными учрежденіями. Вотъ эта разница обременяла бы государственный бюджетъ; она должна была бы вноситься въ ежегодную роспись государственныхъ расходовъ. Такимъ образомъ, вышло бы, что все Государство, всѣ классы населенія помогаютъ крестьянамъ пріобрѣсти ту землю, въ которой они нуждаются. Въ этомъ участвовали бы всѣ плательщики государственныхъ повинностей, чиновники, купцы, лица свободныхъ профессій, тѣ же крестьяне и тѣ же помѣщики. Но тягость была бы разложена равномѣрно и не давила бы на плечи одного немногочисленнаго класса, 130.000 человѣкъ, съ уничтоженіемъ котораго уничтожены были бы, чтобы тамъ не говорили, и очаги культуры. Этимъ именно путемъ Правитель-

ство начало идти, понизивъ, временно проведеннымъ по 87 статьѣ закономъ, проценты платежа, Крестьянскому банку. Способъ этотъ болѣе гибкій, менѣе огульный, чѣмъ тотъ способъ повсемѣстнаго принятія на себя государствомъ платежа половинной стоимости земли, которую предлагаетъ партія народной свободы. Если бы одновременно былъ установленъ выходъ изъ общины и создана, такимъ образомъ, крупная индивидуальная собственность, было бы упорядочено переселеніе, было бы облегчено полученіе ссудъ подъ надѣльныя земли, былъ бы созданъ широкій мелліоративный землеустроительный кредитъ, то, хотя кругъ предполагаемыхъ Правительствомъ земельныхъ реформъ и не былъ бы вполнѣ замкнутъ, но виденъ былъ бы просвѣтъ; при разсмотрѣніи вопроса въ его полнотѣ, можетъ быть и въ болѣе ясномъ свѣтѣ представился бы и пресловутый вопросъ объ обязательномъ отчужденіи. Пора этотъ вопросъ двинуть въ его настоящія рамки, пора, господа, не видѣть въ этомъ волшебнаго средства какой то панацеи противъ всѣхъ бѣдъ. Средство это представляется смѣлымъ потому только, что въ раззоренной Россіи оно создастъ еще классъ раззоренныхъ въ конецъ землевладѣльцевъ. Обязательное отчужденіе дѣйствительно можетъ явиться необходимымъ. Но, господа, въ видѣ исключенія, а не общаго правила и обставленнымъ ясными и точными гарантіями закона. Обязательное отчужденіе можетъ быть не количественнаго характера, а только качественнаго.

Оно должно примѣняться, главнымъ образомъ, тогда, когда, крестьянъ можно устроить на мѣстахъ, для улучшенія способовъ пользованія ими землей; оно представляется возможнымъ тогда, когда необходимо при переходѣ къ лучшему способу хозяйства— устроить водопой, устроить выгонъ, пастбиша, устроить дороги, наконецъ, избавиться отъ вредной черезполосицы. Но я, господа, не предлагаю вамъ, какъ я сказалъ ранѣе, полнаго аграрнаго проекта. Я предлагаю вашему вниманію только тѣ вѣхи, которыя поставлены правительствомъ Болѣе полный проектъ предлагалось внести со стороны компетентнаго вѣдомства въ соотвѣтствующую комиссію, если бы въ нее были приглашены представители правительства для того, чтобы быть тамъ выслушанными.

Пробывъ около 10-ти лѣтъ у дѣла земельнаго устройства, я пришелъ къ глубокому убѣжденію, что въ дѣлѣ этомъ нуженъ упорный трудъ, нужна продолжительная черная работа. Разрѣшить этого вопроса нельзя, его надо разрѣшать. Въ западныхъ государствахъ на это потребовались десятилѣтія. Мы предлагаемъ вамъ скромный, но вѣрный путь. Противникамъ государственности хотѣлось бы избрать путь радикализма, путь освобожденія отъ историческаго прошлаго Россіи, освобожденія отъ культурныхъ традицій. Имъ нужны великія потрясенія, намъ нужна великая Россія!

Засѣданіе Г. Д. 17/V 07г. По запросу о заговорѣ противъ Государя Императора.

Я прежде всего долженъ заявить, что только что оглашенный г. Предсѣдателемъ Госуд. Думы запросъ не относится къ разряду тѣхъ, по которымъ Правительству предоставлено право давать Госуд. Думѣ разъясненія, такъ какъ по ст. 40 учр. Госуд. Думы, разъясненія эти даются по предметамъ, непосредственно касающимся разсматриваемыхъ Госуд. Думой дѣлъ, а по ст. 58— касающимся поступковъ или дѣйствій незакономѣрныхъ. Тѣмъ не менѣе, ознакомившись вчера изъ газетныхъ сообщеній съ имѣющимъ послѣдовать запросомъ и освѣдомившись о крайне преувеличенныхъ толкахъ. которые циркулируютъ по этому поводу въ городѣ, Правительство нашло необходимымъ опубликовать по этому вопросу оффиціальное сообщеніе. Понимая встревоженное чувство гг. членовъ Госуд. Думы по вопросу о безопасности Священной Особы Государя Императора, я, въ видахъ успокоенія Госуд. Думы, позволю себѣ огласить это сообщеніе, которое сегодня появится въ бюллетеняхъ «Освѣдомительнаго бюро» и „С.-Петербургскомъ телеграфномъ агентствѣ“:

Въ февралѣ текущаго года отдѣленіе по охраненію общественнаго порядка и безопасности въ Петербургѣ получило свѣдѣнія о томъ, что въ столицѣ образовалось преступное сообщество, поставившее ближайшею цѣлью своей дѣятельности совершеніе ряда террористическихъ актовъ.

Установленное, въ цѣляхъ повѣрки полученныхъ свѣдѣній, продолжительное и обставленное большими трудностями наблюденіе обнаружило кругъ лицъ, какъ вошедшихъ въ составъ указаннаго сообщества, такъ и имѣвшихъ съ членами его непосредственныя сношенія. Сношенія, какъ выяснилось, происходили между нѣкоторыми изъ членовъ сообщества на конспиративныхъ квартирахъ, постоянно мѣнявшихся, при условіяхъ строгой таинственности, и были обставлены паролями и условными текстами въ тѣхъ случаяхъ, когда сношенія были письменныя.

Установленный наблюденіемъ кругъ лицъ, прикосновенныхъ къ преступному сообществу, въ числѣ 28 человѣкъ, былъ 31-го марта подвергнутъ задержанію.

Вслѣдъ за этимъ, отдѣленіе по охраненію общественнаго порядка и безопасности 4 го апрѣля донесло прокурору С.-Петербургской судебной палаты о данныхъ, послужившихъ къ задержанію 28 лицъ. Съ своей стороны, прокуроръ судебной палаты, усмотрѣвъ въ этихъ данныхъ указанія на признаки составленія преступнаго сообщества, поставившаго своею цѣлью насильственныя посягательства на измѣненіе въ Россіи образа правленія (ст. 102 угол. улож.), того же 4-го апрѣля предложилъ судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ при С. Петербургскомъ окружномъ судѣ приступить къ производству предвари-

тельнаго слѣдствія, которое было начато немедленно подъ непосредственнымъ наблюденіемъ прокурорскаго надзора С.-Петербургской судебной палаты и производится безъ малѣйшаго промедленія.

Въ настоящее время предварительнымъ слѣдствіемъ установлено, что изъ числа задержанныхъ лицъ значительное число изобличается въ томъ, что они вступили въ образовавшееся въ составѣ партіи соціалистовъ революціонеровъ сообщество, поставившее цѣлью своей дѣятельности посягательство на Священную Особу Государя Императора и совершеніе террористическихъ актовъ, направленныхъ противъ Великаго Князя Николая Николаевича и Предсѣдателя Совѣта Министровъ, причемъ членами этого сообщества предприняты были попытки къ изысканію способовъ проникнуть во дворецъ, въ коемъ имѣетъ пребываніе Государь Императоръ, но попытки эти успѣха не имѣли".

Засѣданіе Г. Д. 17/V 07 г. По запросу объ обыскѣ въ квартирѣ депутата Озоля и задержаніи депутатовъ.

Гг. члены Госуд. Думы! Я не думалъ выступать сегодня по этому дѣлу и не ждалъ запроса, который здѣсь оглашенъ, такъ что онъ является для меня полной неожиданностью. Но я считаю своей обязанностью, какъ начальникъ полиціи въ государствѣ, выступить съ нѣсколькими словами въ защиту дѣйствій лицъ, мнѣ подчиненныхъ. Дѣло, которое здѣсь сегодня поднято, будетъ, вѣроятно, разсмотрѣно по обсужденіи въ комиссіи. Вѣроятно, мнѣ придется дать разъясненіе въ порядкѣ запроса о незаконномѣрныхъ дѣйствіяхъ полиціи. Теперь я желаю дать только предварительное разъясненіе. Насколько мнѣ извѣстно, дѣло произошло такимъ образомъ: полиція получила свѣдѣнія, что на Невскомъ собираются центральные революціонные комитеты, которые имѣютъ сношенія съ военной организаціей. Въ данномъ случаѣ, полиція не могла поступить иначе, какъ, я не допускаю выраженія „вторгнуться", войти въ эту квартиру, и въ силу власти, предоставленной полиціи, произвести обыскъ. Не забудьте, что г. Петербургъ находится на положеніи чрезвычайной охраны, и что въ этомъ городѣ происходили и событія чрезвычайныя. Такимъ образомъ, полиція должна была, имѣла право и правильно сдѣлала, что въ эту квартиру вошла. Въ квартирѣ оказались, дѣйствительно, члены Госуд. Думы, но кромѣ нихъ были и постороннія лица; въ числѣ 31 эти лица были задержаны, и при нихъ найдены документы, нѣкоторые изъ которыхъ оказались компрометирующими. Всѣмъ членамъ Госуд. Думы было предложено, не пожелаютъ-ли они тоже обнаружить то, что при нихъ находится. Изъ нихъ нѣсколько лицъ подчи-

нились, а другія лица отказались. Никакого насилія надъ ними не происходило, и до окончанія обыска всѣ они оставались въ квартирѣ, въ которую вошла полиція. Теперь я долженъ въ оправданіе дѣйствій полиціи сказать слѣдующее.

На слѣдующій день были произведены дополнительныя дѣйствія не только полицейской, но и слѣдственной властью, и обнаружено отношеніе квартиры депутата Озоля къ военно-революціонной организаціи, поставившей своей цѣлью вызвать возстаніе въ войскахъ. Въ этомъ случаѣ, господа, я долженъ сказать и заявляю открыто, что полиція впредь будетъ также дѣйствовать, какъ она дѣйствовала. Незаконом'рнаго ничего не было. Если были какія-нибудь детали, то это будетъ обнаружено впослѣдствіи. Я долженъ заявить, что, кромѣ огражденія депутатской неприкосновенности, на насъ, носителяхъ власти, лежитъ еще другая отвѣтственность: огражданіе общественной безопасности. Этотъ долгъ мы сознаемъ и исполнимъ его до конца. Какъ начальникъ, какъ отвѣтственное лицо за дѣйствія полиціи, я считаю своей обязанностью предъ лицомъ всей Россіи сказать нѣсколько словъ въ ея защиту и заявить, что если будутъ до нея доходить такіе слухи, и не только слухи, но, вообще, данныя, могущія имѣть серьезныя послѣдствія, за которыя правительство и администрація несутъ отвѣтственность, то она сумѣетъ поступать такъ же, какъ поступала, а судебное вѣдомство вспомнитъ свой долгъ и обнаружитъ виновныхъ.

Третья Государственная Дума.

Засѣданіе Г. Д. 16/XI 1907 г.
Декларація правительственной программы.

Господа члены Государственной думы!

Для успѣха совмѣстной работы Вашей съ Правительствомъ, Вамъ надлежитъ быть освѣдомленнымъ о цѣляхъ, преслѣдуемыхъ Правительствомъ, о способахъ, намѣченныхъ для ихъ достиженія, и о существѣ законодательныхъ его предположеній.

Ясная и опредѣленная правительственная програма является въ этихъ видахъ совершенно необходимою.

Поэтому, несмотря на то, что я еще такъ нвдавно излагалъ передъ второй Думой правительственные законопроекты, оставшіеся съ тѣхъ поръ безъ разсмотрѣнія, мнѣ приходится вновь выступить съ заявленіемъ отъ имени Правителства.

Хотя на разсмотрѣніе Ваше, господа члены Государственной Думы, вносятся тѣ же, за малыми исключеніями и измѣненіями, законопроекты, которые внесены были во вторую Думу, но условія, въ которыхъ приходится работать и достигать тѣхъ же цѣлей, не остались безъ измѣненія.

Для всѣхъ теперь стало очевиднымъ, что разрушительное движеніе, созданное крайними лѣвыми партіями, превратилось въ открытое разбойничество и выдвинуло впередъ всѣ противообщественные, преступные элементы, раззоряя честныхъ тружениковъ и развращая молодое поколѣніе.

Противопоставить этому явленію можно только силу. Какія-либо послабленія въ этой области Правительство сочло бы за преступленіе, такъ какъ дерзости враговъ общества возможно положить конецъ лишь послѣдовательнымъ примѣненіемъ всѣхъ законныхъ средствъ защиты.

По пути искорененія преступныхъ выступленій шло Правительство до настоящаго времени—этимъ путемъ пойдетъ оно и впередъ.

Для этого Правительству необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи, въ качествѣ орудія власти, должностныхъ лицъ,

связанныхъ чувствомъ долга и государственной отвѣтственности; поэтому проведеніе ими личныхъ политическихъ взглядовъ и впередъ будетъ считаться несовмѣстнымъ съ государственною службою.

Начала порядка, законности и внутренней дисциплины должны быть внѣдрены и въ школѣ, и новый строй ея, конечно, не можетъ препятствовать Правительству предъявлять соотвѣтственныя требованія къ педагогическому ея персоналу.

Сознавая настоятельность возвращенія Государства отъ положенія законовъ исключительныхъ къ обыденному порядку, Правительство рѣшило всѣми мѣрами укрѣпить въ странѣ возможность быстраго и правильнаго судебнаго возмездія.

Оно пойдетъ къ этому путемъ созидательнымъ, твердо вѣря что, благодаря чувству государственности и близости къ жизни русскаго судебнаго сословія, Правительство не будетъ доведено смутою до необходимости послѣдовать примѣру одного изъ передовыхъ западныхъ государствъ и предложить законодательнымъ собраніемъ законопроектъ о временной пріостановкѣ судебной несмѣняемости.

При наличіи Государственной Думы, задачи Правительства въ дѣлѣ укрѣпленія порядка могутъ только облегчиться, такъ какъ, помимо средствъ на преобразованіе администраціи и полиціи, Правительство разсчитываетъ получить цѣнную поддержку представительныхъ учрежденій путемъ обличенія незакономѣрныхъ поступковъ властей, какъ относительно превышенія власти, такъ и бездѣйствія оной.

При этихъ условіяхъ Правительство надѣется обезпечить спокойствіе страны, что дастъ возможность всѣ силы законодательныхъ собраній и Правительства обратить къ внутреннему ея устроенію.

Устроеніе это требуетъ крупныхъ преобразованій, но всѣ улучшенія въ мѣстныхъ распорядкахъ, въ судѣ и администраціи останутся поверхностными, не проникнутъ вглубь, пока не будетъ достигнуто поднятіе благосостоянія основного, земледѣльческаго класса государства.

Поставивъ на ноги, давъ возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомилліонному сельскому населенію, законодательныя учрежденія заложатъ то основаніе, на которомъ прочно будетъ воздвигнуто преобразованное Русское Государственное зданіе.

Поэтому коренною мыслью теперешняго Правительства, руководящею его идеею былъ всегда вопросъ землеустройства.

Не безпорядочная раздача земель, не успокоеніе бунта подачками—бунтъ погашается силою,—а признаніе неприкосновенности частной собственности и, какъ послѣдствіе, отсюда вытекающее, созданіе мелкой личной земельной собственности, реальное право выхода изъ общины и разрѣшеніе вопросовъ улучшеннаго землепользованія—вотъ задачи, осуществленіе ко-

торыхъ Правительство считало и считаетъ вопросами бытія Русской Державы.

Но задачи Правительства осуществляются дѣйствіемъ. Поэтому, никакія политическія событія не могли остановить дѣйствій Правительства въ этомъ направленіи, какъ не могли они остановить хода самой жизни. Вслѣдствіе сего Правительство считаетъ, что исполнило свой долгъ, осуществивъ рядъ аграрныхъ мѣропріятій въ порядкѣ ст. 87 осн. зак. и будетъ защищать ихъ передъ законодательными учрежденіями, отъ которыхъ ждетъ усовершенствованія, быть можетъ, поправокъ въ нихъ, но, въ конечномъ результатѣ, твердо надѣется на приданіе имъ упроченной силы путемъ законодательнаго учрежденія.

На устойчиво заложенномъ такимъ образомъ основаніи, Правительство предложитъ Вамъ строить необходимыя для страны преобразованія, посредствомъ расширенія и переустройства мѣстнаго самоуправленія, реформы мѣстнаго управленія, развитія просвѣщенія и введенія цѣлаго ряда усовершенствованій въ строѣ мѣстной жизни, между которыми государственное попеченіе о неспособныхъ къ труду рабочихъ, страхованіе ихъ и обезпеченіе имъ врачебной помощи останавливаютъ теперь особенное вниманіе Правительства. Соотвѣтственные проекты готовы. Большинство ихъ вносится немедленно въ Госуд. Думу. Другіе же, какъ затрагивающіе многосторонніе, мѣстные интересы, будутъ предварительно проводиться чрезъ Совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства и вноситься въ Думу постепенно, съ принятыми Правительствомъ поправками и, во всякомъ случаѣ, съ заключеніемъ названнаго Совѣта. Такой порядокъ устанавливается Правительствомъ въ виду того, что опубликованные во время сессіи 2-й Думы законопроекты Министерства Внутреннихъ Дѣлъ вызвали оживленное обсужденіе на мѣстахъ, и многочисленныя ходатайства о передачѣ ихъ на заключеніе земскихъ собраній. Замѣчанія мѣстныхъ дѣятелей могутъ быть быстрѣе всего сведены въ одно цѣлое и соображены Правительствомъ путемъ живого общенія съ представителями земствъ и городовъ, и результаты этой работы должны послужить драгоцѣннымъ матеріаломъ для законодательныхъ учрежденій и особенно ихъ комиссій.

Задержки въ работахъ Государственной Думы это не вызоветъ, такъ какъ Совѣтъ по дѣламъ мѣстнаго хозяйства созывается незамедлительно, и, по мѣрѣ разсмотрѣнія имъ законопроектовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, касающихся мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ, они будутъ тотчасъ же передаваться въ Государственную Думу, а до того времени Государственная Дума будетъ имѣть возможность, разсмотрѣть цѣлый рядъ непосредственно вносимыхъ въ Думу законопроектовъ, перечень которыхъ представляется вмѣстѣ съ симъ. Изъ проектовъ, касающихся земельнаго устройства, нынѣ же вносится въ Государственную Думу проектъ о земельныхъ обществахъ.

Въ области мѣстныхъ преобразованій принципіальное значеніе имѣетъ представляемый въ Думу проектъ Министерства Юстиціи о преобразованіи мѣстнаго суда, такъ какъ въ зависимости отъ принятія этого законопроекта стоитъ проведеніе въ жизнь другого:—о неприкосновенности личности, и цѣлый рядъ преобразованій въ мѣстномъ управленіи.

Точно также подлежали бы разсмотрѣнію въ первую очередь всѣ принципіальные законопроекты по другимъ вѣдомствамъ, а также тѣ, которые указываютъ правильный путь къ осуществленію дарованныхъ Высочайшими Манифестами населенію благъ.

При этомъ Правительство почтетъ своимъ долгомъ въ принадлежащей ему области содѣйствовать всѣмъ мѣропріятіямъ на пользу господствующей церкви и духовнаго сословія.

Правительство надѣется въ скоромъ времени предложить на обсужденіе Государственной Думы также проекты самоуправленія на нѣкоторыхъ окраинахъ, примѣнительно къ предполагаемому новому строю внутреннихъ губерній, причемъ идея государственнаго единства и цѣлости будетъ для Правительства руководящею.

Излишне добавлять, что, несмотря на наилучшія отношенія со всѣми державами, особыя заботы Правительства будутъ направляться къ осуществленію воли Державнаго Вождя нашихъ вооруженныхъ силъ о постановкѣ ихъ на ту высоту, которая соотвѣтствуетъ чести и достоинству Россіи.

Для этого нужно напряженіе матеріальныхъ силъ страны, нужны средства, которыя будутъ испрошены у Васъ, посланныхъ сюда страною для ея успокоенія и упроченія ея могущества.

Отъ наличія средствъ зависитъ, очевидно, осуществленіе всѣхъ реформъ и разрѣшеніе вопроса о послѣдовательности ихъ проведенія въ жизнь. Поэтому подсчетъ средствъ, которыми располагаетъ государство, является работою не только основною, но и самою срочною. Вамъ придется вслѣдствіе сего неминуемо обратиться въ первую очередь къ обсужденію внесенной въ Государственную Думу государственной росписи и при этомъ считаться, конечно, съ неизбѣжностью сохранить бюджетное равновѣсіе, къ основу возсозданія русскаго кредита.

Съ своей стороны, Правительство употребитъ всѣ усилія, чтобы облегчить работу законодательныхъ учрежденій и осуществить на дѣлѣ мѣропріятія, которыя, пройдя чрезъ Думу и Государственный Совѣтъ и получивъ утвержденіе Государя Императора, несомнѣнно, возстановятъ порядокъ и укрѣпятъ прочный правовой укладъ, соотвѣтствующій русскому народному самосознанію.

Въ этомъ отношеніи Монаршая воля неоднократно являла доказательства того, насколько Верховная власть, несмотря на встрѣченныя Ею на пути чрезвычайныя трудности, дорожитъ самыми основаніями законодательнаго порядка, вновь установленнаго въ странѣ и опредѣлившаго предѣлы Высочайше дарованнаго ей представительнаго строя.

Проявленіе Царской Власти во всѣ времена показывало также народу, что историческая Самодержавная Власть и свободная воля Монарха являются драгоцѣннѣйшимъ достояніемъ русской государственности, такъ какъ единственно эта власть и эта воля, создавъ существующія установленія и охраняя ихъ, призвана, въ минуты потрясеній и опасности для Государства, къ спасенію Россіи и обращенію ея на путь порядка и исторической правды.

Засѣданіе Г. Д. 5/V 08 г. Отвѣтъ на запросъ о Финляндіи.

Гг. члены Гос. Думы! Поднятый сегодня впервые въ Гос. Думѣ вопросъ, касающійся отношеній Имперіи къ составной ея части Финляндіи, мало извѣстенъ широкимъ слоямъ русскихъ образованныхъ людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вызываетъ къ себѣ особенно страстное отношеніе и общества, и печати. Вотъ почему, можетъ быть, въ нарушеніе установившихся обычаевъ, я рѣшился подѣлиться съ вами моими мыслями о Финляндіи въ первой стадіи развитія этого вопроса, такъ какъ говорить объ этомъ вопросѣ надо съ особеннымъ спокойствіемъ и самообладаніемъ, и, мнѣ кажется, что этимъ путемъ дѣло упростится, можетъ быть сократится и обсужденіе его, такъ какъ правительство сразу выскажетъ свою точку зрѣнія на отношеніе Имперіи къ великому княжеству. Но прежде всего я долженъ объяснить вамъ, почему я считаю необходимымъ давать вамъ поясненіе по финлядскимъ дѣламъ. Вѣдь существуетъ мнѣніе, что Финляндія—совершенно особое государство, управляемое особыми своими законами черезъ особое свое правительство. Если придерживаться этой точки зрѣнія, то Русское Имперское Правительство не имѣетъ никакого касательства къ Финляндіи, и Государь Императоръ, управляя Имперіей черезъ Имперское Правительство, управляетъ Финляндіей черезъ особое финляндское правительство—сенатъ, разрѣшая лишь, въ случаѣ надобности, создавшіяся между двумя сосѣдними подвластными ему государствами недоразумѣнія. Существуетъ и другая точка зрѣнія,—что Финляндія есть такая же окраинная провинція, какъ, скажемъ, Привислинскія губерніи или Кавказъ и что вся задача управленія Финляндіей сводится къ тому, чтобы приблизить форму этого управленія къ формѣ управленія Имперіей. И та, и другая точка зрѣнія неправильны. Что и какъ думаетъ Правительство, я разъясню дальше, но теперь, съ самаго начала, я хотѣлъ бы установить, что Имперское Правительство считаетъ и будетъ себя считать отвѣтственнымъ за финляндскія событія, такъ какъ Финляндія—составная часть Русской Имперіи, а Имперія управляется объединеннымъ Правительствомъ, которое отвѣтственно передъ Государемъ за все, происходящее въ государствѣ. Что же, гг., происходило и происходитъ въ Финляндіи?

Я долженъ признаться, что счелъ бы весьма трудною и неблагодарною задачу опровергать всѣ факты, которые лежатъ въ основѣ поданнаго въ Гос. Думу запроса. Вѣдь, гг., у всѣхъ на памяти дѣйствія финляндской красной гвардіи съ ея пресловутымъ предводителемъ, капитаномъ Кокомъ во главѣ. Этотъ бывшій офицеръ финляндскихъ войскъ еще въ маѣ 1906 г. въ Коткѣ открыто заявлялъ, что мы, т. е. красная гвардія, естественные помощники русской революціонной арміи, и если по счастливымъ обстоятельствамъ намъ пришлось достигнуть первенствующаго значенія, то это лишь случайно. Всѣмъ памятны и дѣйствія красной гвардіи въ октябрьскіе дни 1905 г., когда она останавливала и дѣйствіе желѣзныхъ дорогъ и телеграфа, производила насилія надъ чинами жандармскаго надзора, а когда кончилась забастовка, начала производить открытс воинскія упражненія, ученія и парады во всей территоріи Финляндіи, даже подъ стѣнами русской крѣпости „Выборгъ“. Памятно также и отношеніе къ этому мѣстныхъ властей.

Такъ, когда губернаторъ по настоянію коменданта крѣпости запретилъ эти упражненія въ раіонѣ крѣпости, то высшія власти въ краѣ отмѣнили это распоряженіе, заявивъ, что красная гвардія—это мирное невооруженное учрежденіе, это классовая организація внутренняго финляндскаго значенія. Эта мирная организація черезъ нѣсколько времени, однако, принимаетъ участіе въ Свеаборгскомъ бунтѣ, портитъ полотно желѣзной дороги, взрываетъ желѣзнодорожный мостъ, вступаетъ въ бой съ полиціей, обстрѣливаетъ воинскій поѣздъ. Но подавленъ свеаборгскій мятежъ, и послѣ этого финляндскій сенатъ объявляетъ учрежденіе красной гвардіи закрытымъ. Въ это время въ Финляндіи уже начинаетъ дѣйствовать и укрѣпляется другая, гораздо болѣе сильная организація—общество „Воймы“—по русски „сила“. Если судить по отзывамъ печати того времени, то война получила повсемѣстное распространеніе по всей странѣ, проникла во всѣ слои населенія. Случайные отголоски газетъ и изъ залы суда, гдѣ возникаютъ отрывочныя дѣла о складахъ оружія, даютъ яркую характеристику воймы. Нѣкто Тидеманъ заявляетъ въ то время, что война заполнила тотъ пробѣлъ, который образовался въ Финляндіи вслѣдствіе упраздненія финляндскихъ войскъ; другой финляндецъ, одинъ изъ главарей красной гвардіи, далъ показаніе о томъ, что подъ видомъ спортивнаго общества война распространила въ Финляндіи много тысячъ винтовокъ. А что распространеніе оружія приняло въ это время большіе размѣры, это подтверждается фактами. Я думаю, что подвозъ въ Финляндію цѣлыхъ нагруженныхъ оружіемъ кораблей былъ бы признанъ за провокаціонную сказку, если бы опять таки не факты. Одинъ изъ самыхъ яркихъ примѣровъ и фактовъ—это случай съ пароходомъ „Джонъ-Графтонъ“; этотъ пароходъ случайно садится въ финляндскихъ шхерахъ на мель, къ нему сейчасъ же подплываютъ два филяндскихъ лоцмана, ихъ встрѣчаютъ двадцать чело-

вѣкъ вооруженной команды, принуждаютъ ихъ покинуть паро-
ходъ, затѣмъ сама команда садится на парусную шлюпку, беретъ
курсъ въ море—и тутъ послѣдовательно на „Джонъ-Графтонѣ“
раздаются три взрыва, и пароходъ идетъ ко дну. На обломкахъ
этого парохода всплываетъ оружіе, винтовки, и черезъ нѣкото-
рое время у окрестныхъ жителей отбираютъ до 1,300 винтовокъ,
а водолазы въ трюмѣ парохода находятъ ящики съ множествомъ
винтовокъ и огнестрѣльнаго оружія. Совершенно почти однород-
ный случай съ моторной шхуной „Петеръ“, упоминаемой въ
запросѣ. Этотъ случай не менѣе романтиченъ. Команда, которая
состояла изъ финновъ и шведовъ, во время перехода моремъ,
связываетъ капитана, арестовываетъ его, затѣмъ высаживается
на берегъ, выгружаетъ грузъ. Послѣ этого полиція устанавли-
ваетъ, что грузъ этотъ полученъ въ Любекѣ изъ Базеля и
состоитъ изъ сотенъ ящиковъ опять таки огнестрѣльнаго оружія
и карабиновъ. Я думаю, что самый интересный изъ всѣхъ транс-
портовъ оружія это транспортъ парохода „Ханхи“. Грузъ этотъ
прошелъ черезъ гельсингфорскую таможню и только вслѣдствіе
подозрительности носильщика, который нашелъ его чрезмѣрно
тяжелымъ, обнаружилось его содержимое, т. е. оружіе. Обнару-
жено его происхожденіе изъ Бьернеборга, откуда успѣли уже
отправить въ Куопіо цѣлый вагонъ винтовокъ. Обнаруженъ былъ
и получатель этого груза, нѣкто Маннелинъ. Маннелинъ пока-
залъ, что грузъ этотъ принадлежалъ умершему уже въ то время
предсѣдателю союза воймы, который отдалъ въ его распоряженіе
часть оружія для вооруженія мѣстныхъ кадровъ національ-
ной милиціи. Маннелина судили и финляндскій судъ прису-
дилъ его за нарушеніе таможеннаго устава къ штрафу въ 300
марокъ! Затѣмъ, господа, въ теченіе всего 1907 г., ввозъ ору-
жія въ Финляндію продолжался и цѣлыя партіи его были аре-
стованы въ Англіи. Полиція установила даже фирму въ Гамбургѣ,
которой оружіе заказывалось. Установлены, господа, не только
мѣсяцъ, установлены числа, дни мѣсяца, когда эти партіи были
направлены въ Финляндію.

Въ началѣ дѣйствій общества „Воймы“ мѣстныя власти
относились къ нимъ довольно снисходительно. Вотъ отзывъ
прокурора. Когда обнаруженъ былъ преступный характеръ тай-
наго общества „Воймы“, то прокуроръ Сената въ первоначаль-
номъ своемъ заключеніи не находилъ ничего преступнаго въ
томъ, что члены общества ставили своей цѣлью защиту зако-
номѣрнаго и общественнаго строя, какъ противъ всякаго режима,
нарушающаго конституцію края и благопріобрѣтенныя права
гражданъ, такъ и противъ другихъ враждебныхъ обществу эле-
ментовъ.

Точно такъ-же установлено участіе въ этихъ враждебныхъ
дѣйствіяхъ нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ. Вполнѣ удостовѣ-
рена на судебномъ процесѣ виновность таммерфорсскаго поли-
цеймейстра Нандельштадта и бьернеборгскаго—Эмана. Они оба

устранены были отъ должности и первый изъ нихъ былъ даже судимъ. Что касается воззваній общества „Воймы“, то полиція неоднократно обращала вниманіе на нихъ финляндскихъ властей, но судебныя финляндскія власти относились подозрительно къ показаніямъ нашей полиціи, даже подозрѣвая подлинность этихъ воззваній и намекая на то, что они русскаго происхожденія. Въ виду этого, мнѣ пришлось въ очень категорической формѣ напомнить финляндскимъ властямъ, что нельзя безнаказанно обвинять клеветническимъ образомъ цѣлое вѣдомство въ такомъ проступкѣ, при томъ въ оффиціальномъ документѣ. Точно такъ же довольно подозрительно относились финляндскія власти къ заявленіемъ русской полиціи о дѣйствіяхъ нашихъ революціонеровъ въ Финляндіи. Между тѣмъ, гг., опять таки полиціей установлено, что въ теченіе одного 1907 г., начиная съ февраля и кончая декабремъ, на территоріи Финляндіи происходило 25 конференцій и собраній именно революціоннаго характера. На территоріи Финляндіи, гг., готовились и организовались многія изъ тѣхъ покушеній, которыя имѣли мѣсто въ Петербургѣ. Тамъ организованъ былъ взрывъ 12-го августа 1906 г., ограбленіе въ Фонарномъ переулкѣ, при чемъ похищенныя деньги увезены были въ Финляндію; покушеніе на убійство генералъ адъютанта Дубасова, убійство генерала Мина, убійство генерала фонъ-деръ-Лауница, главнаго военнаго прокурора Павлова, начальника петербургской тюрьмы полковника Иванова, дерябинской тюрьмы Гудима, акатуевской тюрьмы Бородулина и начальника главнаго тюремнаго управленія Максимовскаго. Тамъ-же подготовлялось покушеніе на Военнаго Министра, покушеніе на Министра Юстиціи, наконецъ, покушеніе на Великаго Князя Николая Николаевича и если бы не своевременный арестъ знаменитаго Карла, организатора всѣхъ этихъ убійствъ и покушеній, то нельзя было бы, вѣроятно, предотвратить и покушеніе посредствомъ взрыва въ залѣ Государственнаго Совѣта. Всѣмъ памятно, гг., что въ теченіе нынѣшней зимы предупреждено было покушеніе на ограбленіе посредствомъ взрывчатыхъ веществъ кассы конторы Императорскихъ театровъ, такъ какъ своевременно арестована была вся злодѣйская шайка революціонеровъ. Конечно, на памяти у васъ и лабораторія взрывчатыхъ веществъ въ Хапола, затѣмъ 20 начиненныхъ бомбъ, найденныхъ подъ льдомъ въ теченіе текущей зимы около станціи Куоккала вмѣстѣ со всѣми приспособленіями и съ массою взрывчатыхъ веществъ. Конечно, гг., и на территоріи Имперіи приготовлялись и приводились въ исполненіе такіе же террористическіе акты, но если принять во вниманіе, что территорія Финляндіи равняется территоріи одной нашей хорошей губерніи, то, и въ наше даже ненормальное время только что описанныя мною явленія не могутъ быть признаны нормальными. Но нормаленъ-ли, правиленъ-ли и другой рядъ явленій, затронутыхъ въ вопросѣ,— направленіе тѣхъ дѣлъ, которыя имѣютъ общеимперское значеніе

которыя касаются и Финляндіи и Россіи. Я не хочу, гг., касаться личностей; не хотѣлъ бы никого обвинять и хотѣлъ бы оставаться въ мірѣ фактовъ, но и въ этой области я долженъ признать, что многое обстоитъ неблагополучно.

Еще 1-го Августа 1891 г. состоялось Высочайшее постановленіе о томъ, чтобы по тѣмъ законодательнымъ дѣламъ, которыя касаются равномѣрно и Имперіи, и Финляндіи, Министръ-статсъ-секретарь запрашивалъ заключеніе подлежащаго Министра Имперіи. Такимъ образомъ, по самой основной постановкѣ вопроса, финляндское должностное лицо, финляндскій Министръ-статсъ-секретарь является вершителемъ вопроса: касается ли данное дѣло интересовъ Имперіи или не касается? Отъ его доброй воли, отъ его усмотрѣнія зависитъ запросить по этому поводу имперскія власти, или не запрашивать. Такая постановка вопроса, конечно, дала себя знать очень скоро и привела, конечно, и къ ненормальнымъ результатамъ. Уже въ слѣдующемъ году послѣ изданія Высочайшаго повелѣнія, а затѣмъ и въ 1896 г. были измѣнены нѣкоторые параграфы учрежденій финляндскаго сената, именно по милиціонной его экспедиціи безъ запроса военнаго Министра. Затѣмъ, 20 апрѣля 1906 г. былъ изданъ законъ о русскомъ языкѣ въ дѣлопроизводствѣ присутственныхъ мѣстъ Финляндіи—опять безъ запроса русскихъ властей. По закону о печати пропозиція сейму была предложена безъ запроса русскихъ имперскихъ властей. Самый же законопроектъ о печати дошелъ до моего свѣдѣнія, вслѣдствіе запроса Министру Внутреннихъ Дѣлъ по одному только пункту; между тѣмъ самъ генералъ-губернаторъ считалъ необходимымъ заключеніе Министра Юстиціи, Министра Двора и Министра Иностранныхъ Дѣлъ. Такимъ образомъ, случайно, благодаря одному лишь пункту, мнѣ стало извѣстно о законѣ, который въ другихъ пунктахъ, въ другихъ параграфахъ, въ цѣломъ своемъ, касался очень существенныхъ интересовъ Россіи и русскихъ уроженцевъ.

Затѣмъ многіе законопроекты мнѣ стали извѣстны только изъ газетныхъ слуховъ. Правильно ли это? Между прочимъ, такимъ образомъ, я узналъ о законопроектѣ о промыслахъ, объ оскорбленіи Величества, наконецъ, объ отзывѣ сейма по предложенію Государя Императора относительно ассигнованій суммъ на тѣ расходы, на которые не хватало ординарныхъ средствъ. Этотъ самый отзывъ сейма, на который, послѣ обсужденія въ Совѣтѣ Министровъ, послѣдовала резолюція Государя Императора, позднѣе опубликованная, подтвердившая незыблемость правъ Монарха распоряжаться штатными и другими правительственными фондами Финляндіи. Даже самый сеймовый уставъ 1906 г. чуть было не миновалъ имперскихъ властей, такъ какъ по иниціативѣ только Государя Императора была въ то время образована комиссія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Фриша, для обсужденія тѣхъ вопросовъ этого устава, которые касались и интересовъ Имперіи. Наконецъ, въ самое послѣднее время, въ-

февралѣ мѣсяцѣ 1906 г., безъ сношенія съ имперскими властями Министръ—статсъ-секретарь доложилъ Государю Императору о томъ, что Сенатъ приступилъ уже къ составленію проекта новой формы правленія. Между тѣмъ, этотъ проектъ клонится къ почти полному освобожденію Финляндіи отъ связи, отъ узъ ея съ Державнымъ Государствомъ, съ Россіей. По этому законопроекту предполагается проводить въ порядкѣ финляндскаго законодательства даже нѣкоторыя такія опредѣленія, которыя нашли себѣ мѣсто въ основныхъ законахъ, и которыя никоимъ образомъ не могутъ составить предмета законодательства мѣстнаго.

Наконецъ, запросъ касается еще желѣзныхъ дорогъ. Вопросъ о соединеніи желѣзныхъ дорогъ имперскихъ и финляндскихъ — вопросъ давнишній. Еще Императоръ Александръ II, когда ему предложили подписать законопроектъ, по которому финляндская колея была уже имперской колеей, отказался утвердить его и тогда же выразился такъ, что „этого ему никогда бы не простилъ русскій народъ". Впослѣдствіи точными и категорическими указаніями и повелѣніями Государя Императора вопросъ этотъ приблизился къ благополучному разрѣшенію, и въ настоящее время, какъ вамъ извѣстно, Государемъ Императоромъ утверждено направленіе той соединительной вѣтви, которая будетъ соединять русскія желѣзныя дороги съ финляндскими. Совѣтъ Министровъ уже разрѣшилъ Министру Путей Сообщенія внести представленіе въ Гос. Думу объ ассигнованіи миліона рублей на приступъ къ сооруженію этой вѣтви, а финляндскія власти обѣщали въ скоромъ времени внести въ русское казначейство ту сумму, которая причитается на долю Финляндіи. Точно также въ настоящее время уже дѣйствуетъ комиссія, которая производитъ пробу движенія нашихъ вагоновъ, нашихъ локомотивовъ по финляндской колеѣ и по первымъ опытамъ комиссіи, надо думать, что габаритъ нашихъ вагоновъ подойдетъ къ финляндской колеѣ, и сквозное движеніе окажется возможнымъ и будетъ осуществлено. Что же касается проведенія новыхъ желѣзныхъ дорогъ въ самой Финляндіи, то этотъ вопросъ вызывалъ уже недоразумѣнія между нашимъ генеральнымъ штабомъ и статсъ-секретаріатомъ, и я полагаю, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, такого рода расногласія должны были-бы повергаться на Высочайшее благовоззрѣніе не только одной заинтересованной стороной. Вотъ, гг., тѣ факты, тотъ матеріалъ, который я могу представить вамъ по тѣмъ вопросамъ, которые затронуты авторами запроса.

Но при этомъ я думаю, что корень зла совершенно не въ закономѣрныхъ дѣйствіяхъ или бездѣйствіи властей, а лежитъ гораздо глубже—къ этому я сейчасъ приду, но раньше, вскользь, по крайней мѣрѣ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ, что же дѣлала русская правительственная власть за эти два года? Я не буду васъ утомлять расказами, пересказами тѣхъ сношеній, которыми имѣли почти всѣ Министерства съ финляндскими вла-

стями. какъ по поводу „войма", красной гвардіи, такъ и общаго законодательства, такъ какъ для этого нужно было бы вамъ прочесть цѣлые томы. Я не буду говорить и о трудности дѣйствія нашей полиціи въ Финляндіи, у которой тамъ нѣтъ спеціальныхъ агентовъ, скажу только, что эти самоотверженныя дѣйствія, можетъ быть, предупредили не одно злодѣйское покушеніе въ Имперіи. Я принужденъ, однако, хотя мимоходомъ, указать на то, что Правительство употребило всѣ усилія, чтобы установить такой способъ, который бы обезпечилъ сохранность нашего государства. Вотъ въ этомъ смыслѣ велись переговоры съ финляндскимъ сенатомъ, и въ теченіе 1906 г. было найдено какъ будто соглашеніе, такъ гражданская экспедиція сената въ октябрѣ 1906 года издала циркуляръ относительно способа обысковъ, арестовъ и, наконецъ, выдачи нашимъ властямъ нашихъ русскихъ революціонеровъ. Но циркуляръ этотъ не имѣлъ реальнаго значенія, не имѣлъ послѣдствій, такъ какъ финляндская полиція, по собственной иниціативѣ, нашихъ русскихъ революціонеровъ не преслѣдовала. Въ виду этого революціонеры, перешедшіе границу, находили себѣ въ Финляндіи на территоріи Русской Имперіи самое надежное убѣжище, гораздо болѣе надежное чѣмъ въ сосѣднихъ государствахъ, которыя съ большой охотой приходятъ въ предѣлахъ конвенціи и закона на помощь нашей русской полиціи въ этихъ преслѣдованіяхъ. Такимъ образомъ, когда наступили особенно тревожныя событія, когда ежеминутно готовились изъ Финляндіи покушенія на русскихъ Министровъ и Великихъ Князей, то само собой разумѣется, что Правительство должно было подумать о какихъ-нибудь экстренныхъ мѣрахъ. Это была, несомнѣнно, его обязанность, такъ какъ опять-таки повторяю, за 25 верстъ отъ гранницы Россіи, отъ столицы, отъ резиденціи Государя, готовились ежеминутно злодѣйскія покушенія. Вотъ, въ это время и состоялось Высочайшее повелѣніе о томъ, что, если не будутъ ликвидированы самыя опасныя организаціи революціонеровъ въ Финляндіи, то объявить Выборгскую губернію на военномъ положеніи. И вотъ почти наканунѣ объявленія Выборгской губ. на военномъ положеніи, стараніями русской полиціи, которая организовала это дѣло, былъ задержанъ и арестованъ тотъ знаменитый „Карлъ", о которомъ я выше упоминалъ, т. е. организаторъ всѣхъ послѣднихъ покушеній; съ нимъ вмѣстѣ была задержана, захвачена масса документовъ, которые освѣтили революціонное движеніе въ Финляндіи, при чемъ, къ сожалѣнію, почти одновременно съ арестомъ другого революціонера Вайнштейна, документы, задержанные съ нимъ, черезъ два дня были похищены изъ канцеляріи мѣстнаго ленсмана вооруженной шайкой, напавшей на эту канцелярію. Вслѣдствіе упомянутыхъ арестовъ, необходимость военнаго положенія временно отпала и Государь Императоръ ограничился повелѣніемъ установить по границамъ Финляндіи сплошной военный кордонъ для того, чтобы механически не допускать подозритель-

ныхъ лицъ—революціонеровъ изъ Финляндіи въ Россію. Вотъ такимъ заслономъ, такимъ путемъ и была временно огорожена наша граница, была обезпечена безопасность столицы со стороны Финляндіи, обезпечена отъ вылазокъ изъ Выборгской губ., изъ Выборга, который когда-то былъ завоеванъ Петромъ и названъ имъ подушкой С.-Петербурга. Послѣ всего этого дальнѣйшіе переговоры съ финляндскими властями привели къ тому, что мы теперь ближе къ болѣе реальному осуществленію надзора на мѣстахъ при совмѣстныхъ усиліяхъ и русскихъ и финляндскихъ властей за нашими революціонерами, и отъ доброй воли, отъ успѣха этихъ совмѣстныхъ дѣйствій зависитъ спокойствіе столицы.

Точно также, господа, и по другому вопросу—вопросу объ общемъ законодательствѣ Правительствомъ принимались тѣ мѣры, которыя были Правительству доступны безъ нарушенія мѣстныхъ финляндскихъ узаконеній. Я обратился съ просьбой ко всѣмъ Министрамъ и Главноуправляющимъ, чтобы тѣ заключенія, которыя посылаются ими Министру статсъ-секретарю по запросамъ его относительно общихъ законопроектовъ, были предварительно посылаемы въ Совѣтъ Министровъ для общаго ихъ объединенія и направленія. Такимъ образомъ, Совѣтомъ Министровъ былъ разсмотрѣнъ цѣлый рядъ очень важныхъ законопроектовъ, между прочимъ законопроектъ относительно выплаты извѣстнаго денежнаго вознагражденія Финляндіей за отбытіе или, вѣрнѣе, за неотбытіе финляндскими гражданами воинской повинности за минувшіе два года. Затѣмъ разсмотрѣнъ былъ законопроектъ относительно пріобрѣтенія правъ гражданства русскими уроженцами, законопроектъ, который предполагалось направить сначала въ порядкѣ финляндскаго законодательства, причемъ въ этомъ порядкѣ отмѣнялись бы даже нѣкоторыя статьи нашего свода законовъ. Но, господа, всѣ эти мѣропріятія Правительства, по проявленіямъ, затронутымъ въ запросѣ, имѣютъ по моему, второстепенное значеніе. Для того, чтобы разрѣшить вопросъ въ корнѣ, нужно, прежде всего, отдать себѣ отчетъ, въ чемъ причина тѣхъ ненормальныхъ отношеній, которыя создались между государствомъ и завоеванной силой его оружія провинціей? Механически разрѣшить этотъ вопросъ нельзя. Мнѣ кажется, что для этого недостаточно даже, можетъ быть, и глубокаго теоретическаго его изученія; тутъ нужно проникновеніе во внутренній міръ противной стороны, и для того, чтобы разрѣшить домогательства, предъявленныя Россіей со стороны мирныхъ, честныхъ, культурныхъ, трудолюбивыхъ нашихъ финляндскихъ согражданъ, нужно съ полной справедливостью, безъ всякой предвзятости, отнестись къ этимъ домогательствамъ. Я не желаю, господа, затрагивать какихъ нибудь теоретическихъ правовыхъ вопросовъ, — это дѣло ученыхъ изслѣдованій, ученыхъ диспутовъ. Я хотѣлъ бы лишь остановить ваше вниманіе на нѣкоторое время на всѣмъ извѣстныхъ, впрочемъ, историческихъ

фактахъ, которые въ разномъ освѣщеніи, взятые съ различныхъ угловъ зрѣнія, приводятъ къ различнымъ выводамъ, что и служитъ причиной того неопредѣленнаго, даже, скажу, тягостнаго положенія, въ которомъ находятся наши отношенія къ Финляндіи. Попробуемъ же, господа, проникнуть въ міровоззрѣніе финляндцевъ, но для этого необходимо считаться съ тѣмъ, господа, что почти всѣ политически мыслящіе финляндцы, почти всѣ финляндскія политическія партіи въ отношеніи своихъ историческихъ вѣрованій единодушны и почти солидарны. Это міровоззрѣніе ихъ основано прежде всего на томъ заявленіи, которое было сдѣлано на Сеймѣ въ Борго въ 1809 г. Императоромъ Александромъ I. Вотъ, господа, подлинныя слова Его грамоты: „Произволеніемъ Всевышняго, вступивъ въ обладаніе Великимъ Княжествомъ Финляндскимъ, признали Мы за благо симъ вновь подтвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое достояніе сего княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оныя въ ненарушимой ихъ силѣ и дѣйствіи". Такимъ образомъ финляндцы всѣ признаютъ, что на сеймѣ въ Борго Императоръ Александръ I даровалъ Финляндіи конституцію и призналъ особую финляндскую государственность. Дальше, въ теченіе всего царствованія Александръ I-й неоднократно подтверждалъ, что Онъ желаетъ свято хранить всѣ старинныя установленія и законы Великаго Княжества. Особенно ярко подчеркнулъ это Императоръ Александръ I въ манифестѣ отъ 1816 г. Вотъ, господа, выдержки изъ этого манифеста: „Бывъ удостовѣрены, что конституція и законъ, къ обычаямъ, образованію и духу финляндскаго народа примѣненные, и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы, безъ нарушенія оныхъ, Мы, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ не только торжественнѣйше утвердили конституцію и законы сіи съ принадлежащими на основаніи оныхъ каждому финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравшимися земскими края сего чинами Мы очредили особенное правительство подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта, составленнаго изъ коренныхъ финляндцевъ, который до селѣ управлялъ гражданскою частью края сего и рѣшалъ судебныя дѣла, въ качествѣ послѣдней инстанціи, независѣвъ ни отъ какой другой власти, кромѣ власти законовъ и сообразующейся съ оными Монаршей Нашей волей".

Наконецъ, Монархъ заявляетъ, что Онъ конституцію и законы, Имъ для Финляндіи утвержденные, „силою сего акта во всѣхъ отношеніяхъ паки утверждаетъ". Затѣмъ, господа, Императоръ Александръ II, созывая вновь сеймъ въ 1863 году упоминаетъ о конституціонной Монархіи. Въ 1869 году Императоръ Александръ II утвердилъ сеймовый уставъ. Затѣмъ Онъ даровалъ

Финляндіи особую монету и особое войско. Сеймовый уставъ былъ признанъ нерушимымъ основнымъ закономъ, который не могъ измѣняться безъ согласія Монарха съ земскими чинами. Общеизвѣстно также, что всѣ русскіе Государи, начиная съ Александра I, вступая на Престолъ, торжественными Манифестами подтверждали особое положеніе Финляндіи въ составѣ русскаго Государства, особую организацію ея судебной и административной части.

Всѣ эти акты въ связи съ другими актами, съ другими дѣйствіями тѣхъ же Государей получаютъ и другую окраску. Но согласитесь, гг., что эти историческіе прецеденты были достаточны для того, чтобы внушить финляндской интеллигенціи твердую вѣру въ то, что Финляндіи присуще особое государственное устройство, существенно отличная отъ Россіи государственность. Это сознаніе укрѣпилось у финляндцевъ еще тѣмъ, что въ концѣ прошлаго столѣтія Россія, занятая своими домашними дѣлами, мало интересовалась финляндскими дѣлами, а отъ мѣстныхъ генералъ-губернаторовъ требовалось только спокойствіе и установленіе добрыхъ отношеній къ финляндскимъ гражданамъ. Вотъ почему эти принципы отдѣльной финляндской государственности начали понемногу переходить въ особую науку своеобразнаго финляндскаго государственнаго права. Для того, чтобы создать эту науку, подбиралась масса документовъ, причемъ, конечно, груда такихъ же документовъ, не подтверждавшихъ этихъ принциповъ, отбрасывалась въ сторону. Эта теорія укрѣплялась еще проповѣдью профессоровъ Александровскаго университета, мѣстными учеными и лицами свободныхъ профессій. Въ Александровскомъ университетѣ всѣ питомцы проникались этимъ политическимъ міросозерцаніемъ, а затѣмъ, такъ какъ эти питомцы занимаютъ всѣ должности въ краѣ, начиная съ должности сенатора и кончая должности ленсмановъ и даже констеблей, то ученіе это и проникало съ успѣхомъ въ самую толпу народа. Народные университеты и публичныя лекціи продолжали это же дѣло и, совершенно естественно, что теорія скоро перешла въ вѣрованіе,—вѣрованіе перешло въ догматъ, догматы же трудно опровергать какими либо разсудочными доказательствами. По этому догмату Финляндія—особое государство и при томъ государство конституціонное, правовое, государство, которое имѣетъ задачи совершенно различныя отъ задачъ Россіи; и чѣмъ тѣснѣе связана будетъ Финляндія съ Россіей, тѣмъ осуществленіе этихъ задачъ станетъ невозможнѣе. Вотъ, г.г., то вѣрованіе, которое изъ теоріи начало переходить въ своеобразную науку финляндскаго государственнаго права; и для того, чтобы перейти въ практическую науку, должно было быть проведено сначала въ жизнь. На это и направлены были старанія всей финляндской интелигенціи, начиная съ 63-го года, начиная съ возобновленія созыва сеймовъ. Старанія эти были направлены, главнымъ образомъ, на область административнаго законодательства и

Русская Публичная
БИБЛІОТЕКА

финансовую прерогативу Монарха. Вамъ извѣстно, гг., что законодательство Финляндіи дѣлится на двѣ категоріи: первая категорія— это сеймовое законодательство, принадлежащее сейму, вторая— же весьма обширная категорія законодательства, обнимающая всю область общаго хозяйства, принадлежитъ исключительно Монарху и называется законодательствомъ административнымъ или экономическимъ. По ученію финляндцевъ, если въ какомъ-нибудь административномъ вопросѣ слѣдуетъ сдѣлать добавленіе сеймового характера, то весь вопросъ разъ навсегда переходитъ въ вѣдѣніе сейма. Такимъ образомъ, къ сейму перешли всѣ почти нормы промысловаго права и многія другія. По проэкту новой формы правленія, о которой я говорилъ, все школьное дѣло, начиная отъ низшихъ школъ и кончая университетомъ, передвигается въ сеймовое законодательство.

А что касается финансовой области, то извѣстны, конечно, неоднократныя попытки сузить самое право распоряженія правительственными фондами и затѣмъ уменьшить самое питаніе этихъ фондовъ - статнаго, милиціоннаго и другихъ. Вамъ, конечно, памятенъ, господа, переносъ доходовъ съ винокуреннаго налога, гербоваго сбора изъ области статныхъ фондовъ въ фонды отчисленныхъ налоговъ, т. е. сеймовые; точно также были попытки передвинуть въ разрядъ сеймовыхъ законовъ все таможенное законодательство со всѣми таможенными доходами, наконецъ, непрерывно проходитъ во всей исторіи политической жизни Финляндіи попытка сузить финансовые прерогативы Монарха, право Государя распоряжаться статными фондами. Вотъ, гг., въ этой политической атмосферѣ и застаютъ Финляндію событія 1905 г., которыя послужили пробнымъ камнемъ и для многихъ русскихъ, которые въ это время, можетъ быть, усумнились въ будущности Россіи. Поэтому, понятно, что и многіе политическіе дѣятели Финляндіи должны были естественно bona fide задать себѣ вопросъ: не наступилъ ли психологическій моментъ для осуществленія накопившейся политической мечты, если не обособленія Финляндіи, то, пріобрѣтенія ею, насколько возможно, большей самостоятельности. А такъ какъ горячія головы идутъ всегда впереди интелигенціи, идутъ, можетъ быть, дальше, чѣмъ хотѣла сама создавшая ихъ сила, то станетъ понятно и появленіе красной гвардіи, и воймы, и наполненные оружіемъ корабли, которые намъ кажутся какъ бы страницею, вырванною изъ романовъ Майнъ-Рида. Помянутое настроеніе и господствующее политическое теченіе, можетъ быть, и получили бы естественное развитіе, можетъ быть, и привели къ широкому развитію финляндской самостоятельности и почти полному обособленію страны съ сохраненіемъ только фактической ея связи съ Россіей, если бы въ это время навстрѣчу финляндской волнѣ не хлынула другая волна,—волна русскаго народнаго самосознанія, русской государственной мысли. Но прежде чѣмъ объяснять вамъ, гг., какія притязанія съ русской стороны должны считаться, по мнѣнію

правительства, справедливыми и обязательными для Россіи, мнѣ приходится на время вернуться вспять. Я напомню вамъ, гг., что часть Финляндіи, восточная ея часть, составляетъ древнее достояніе Россіи, закрѣпленное за нею еще Орѣховскимъ договоромъ 1323 г. Затѣмъ понемножку мы утрачивали территорію и уже при заключеніи Столбовскаго мирнаго договора въ 1617 году граница русскаго Государства была отодвинута приблизительно до Тихвина. Я упоминаю объ этомъ для того, чтобы подчеркнуть, что Императоръ Петръ Великій силою оружія въ теченіе 20 лѣтъ отвоевалъ эти земли, что ему удалось отвоевать ихъ почти всѣ и, кромѣ того, взять Выборгъ, который онъ тогда назвалъ „подушкой С.-Петербурга", опредѣливъ его политическое назначеніе. Эти земли, а также и тѣ, которыя были отвоеваны позднѣе Императрицей Елизаветой Петровной и закрѣплены по Абосскому мирному договору 1743 г., были имъ корпорированы въ составъ Россіи; съ ними обращались, какъ съ землями, завоеванными, управлялись онѣ С.-Петербургской камеръ-коллегіей и другими коллегіями; изъ нихъ образована была сперва Выборгская губ., затѣмъ выборгское намѣстничество и затѣмъ опять губернія; по Ништатскому и Абосскому договорамъ земли эти отошли къ Россіи въ вѣчное неотъемлемое владѣніе.

Но наступаетъ царствованіе Александра I и новыя войны. Еще до окончанія войны Александръ I объявляетъ всѣмъ западнымъ державамъ о томъ, что страну сію, такимъ образомъ по-коренную, мы всегда присоединяемъ къ Россійской Имперіи. Затѣмъ наступаютъ событія боргоскаго сейма и то заявленіе Императора Александра I, которое я вамъ цитировалъ и которое составляетъ основаніе всей догмы, всего политическаго вѣрованія финляндскихъ политическихъ партій. Но намъ, русскимъ, надобно смотрѣть на эти событія съ другой точки зрѣнія, намъ надобно помнить, что послѣ этого, послѣ Боргосскаго сейма, былъ заключенъ Фридрихсгамскій мирный договоръ, который составляетъ тотъ документъ, тотъ актъ, по которому мы владѣемъ Финляндіей и которымъ опредѣляются отношенія Имперіи къ Великому Княжеству. А четвертая статья Фридрихсгамскаго договора гласитъ: „Его Величество король шведскій, какъ за себя, такъ и за преемниковъ его престола и королевства шведскаго, отказывается неотмѣнно и навсегда въ пользу Его Величества Императора Всероссійскаго и Преемниковъ Его Престола и Россійской Имперіи, отъ всѣхъ своихъ правъ и притязаній на губерніи ниже сего означенныя, завоеванныя оружіемъ Его Императорскаго Величества и нынѣшнюю войну отъ державы шведской, а именно: на губерніи: Кимменогардскую, Нюландскую и Тавастгусскую, Абосскую и Біернеборгскую съ островами Аландскими, Сзволакскую и Карельскую, Вазовскую, Улеаборгскую и часть западной Ботніи до рѣки Торнео, какъ то постановлено будетъ въ слѣдующей статьѣ о назначеніи границъ".

„Губерніи сіи со всѣми жителями, городами, портами, крѣ-

постями, селеніями и островами, а равно и ихъ принадлежности, преимущества, права и выгоды, будутъ отнынѣ состоять въ собственности и Державномъ обладаніи Имперіи Россійской и къ ней навсегда присоединяются".

Вотъ, гг., тотъ актъ, тотъ законный титулъ, по которому Россія владѣетъ Финляндіей, тотъ единый актъ, который опредѣляетъ взаимоотношенія Россіи и Финляндіи. И, гг., слова и дѣйствія Императора Александра I не находятся въ разногласіи, Никто изъ современниковъ въ этомъ его не упрекалъ; онъ самъ изумился-бы, если-бы ему сказали, что онъ создалъ особое финляндское государство. Почти одновременно съ сеймомъ въ Борго Александръ I вводитъ всю Финляндію въ 8-й россійскій округъ путей сообщенія. На этомъ самомъ сеймѣ депутаты высказались за принятіе рубля въ качествѣ монетной единицы „дабы Финляндія въ отношеніи монетной системы не отличалась отъ остальныхъ губерній Россіи". Вотъ, что постановилъ тотъ самый сеймъ, который служитъ основаніемъ всѣхъ финляндскихъ притязаній. Для современниковъ было ясно, что Россія отвоевала отъ Финляндіи шесть финляндскихъ губерній, которыя не имѣли особаго публичнаго правового устройства; это отдѣльныя губерніи, которыя не могли войти и въ унію съ Россіей, такъ какъ для уніи, какъ реальной, такъ уніи личной, необходимы двѣ равноправныя величины. Между тѣмъ, Финляндія была признана состоящей въ собственности и державномъ обладаніи Россіи. Императоръ Александръ I даровалъ Финляндіи внутреннюю автономію, онъ даровалъ ей и укрѣпилъ за ней право внутренняго законодательства, подтвердилъ всѣ коренные законы, весь распорядокъ внутренняго управленія и судопроизводства, но опредѣленіе отношеній Финляндіи къ Имперіи онъ оставилъ за Собою и опредѣлилъ его словами: „Собственность и державное обладаніе".

Становится послѣ этого понятнымъ, почему Императоръ Александръ I объединилъ въ одномъ управленіи Старую и Новую Финляндію. Александръ I не дарилъ завоеванную кровью нашихъ предковъ часть Финляндіи другому, сосѣднему, состоящему подъ Его скипетромъ государству. Императоръ Александръ I только устраивалъ управленіе отдѣльныхъ областей, входящихъ въ составъ государства. Манифестъ 11 декабря 1811 г., устанавливающій это управленіе, не былъ сеймовымъ закономъ, это былъ единоличный актъ Верховнаго управленія Александра I, онъ былъ основанъ на Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта. Опять таки повторяю, что всѣ внутреннія законы, порядокъ внутренняго управленія Императоръ Александръ I торжественно подтверждалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оставлялъ за собою опредѣленіе отношеній Финляндіи къ Россіи. Вы въ финляндскомъ законодательствѣ не найдете никакихъ нормъ, устанавливающихъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія Финляндіи и Россіи, ихъ тамъ быть не можетъ. Отношенія Финляндіи къ Россіи опредѣляются одностороннимъ державнымъ правомъ

Россіи, а за Россію въ то время рѣшалъ Монархъ. За отсутствіемъ въ то время одного общаго пути для выраженія воли Монарха и для превращенія ея въ законодательные акты Императоръ Александръ I въ вопросахъ взаимныхъ отношеній Финляндіи и Россіи опирался, какъ и послѣдующіе Монархи, на цѣлый рядъ тайныхъ и явныхъ финляндскихъ комитетовъ. Такъ дѣлалъ и Александръ II. Александръ II, когда торжественно подтверждалъ, что основаніемъ къ новому сеймовому уставу служатъ древне-шведскіе акты, т. е. форма правленія 1772 г. и акты соединенія безопасности 1789 г., конечно, имѣлъ въ виду подтвердить именно внутреннюю автономію Финляндіи, такъ какъ въ этихъ актахъ вы не можете найти, да и хронологически это невозможно, ни одной статьи, которая могла бы регулировать отношеніе Финляндіи къ державному государству. Не мѣшаетъ при этомъ припомнить, господа, что Императоръ Александръ II, который считается благодѣтелемъ Финляндіи, посѣтившій финляндскій сенатъ, сказалъ сенаторамъ: „Помните, господа, что вы принадлежите къ Великой семьѣ, во главѣ которой стоитъ русскій Императоръ". Въ соотвѣтствіи съ дѣйствіями помянутыхъ Государей, развивая установленныя ими положенія, дѣйствовали и послѣдующіе Государи. Въ соотвѣтствіи съ этимъ находится и рескриптъ Императора Александра III въ 1891 г., который требуетъ установленія порядка въ дѣлахъ общаго законодательства Россіи и Финляндіи. Въ соотвѣтствіи съ этимъ находится и актъ 1899 г., регулировавшій въ то время эти отношенія. Вѣдь совершенно естественно, господа, что разъ Финляндія и Россія составляютъ одно общее политическое тѣло, то общимъ и единымъ не могутъ быть только одни внѣшнія международныя отношенія, а должно быть и единство нѣкоторыхъ государственныхъ задачъ. Конечно, затруднительно было бы сейчасъ же вамъ представить исчерпывающій списокъ этихъ задачъ, но, конечно, для всѣхъ ясно, что къ нимъ относятся, напримѣръ: общая задача всѣми подданными русскаго Государя общаго отечества, наблюденіе за крѣпостями, наблюденіе и защита береговыхъ водъ, наблюденіе за почтовыми учрежденіями, управленіе телеграфомъ, нѣкоторыя отрасли желѣзнодорожнаго, таможеннаго управленія и, наконецъ, упорядоченіе правъ русскихъ уроженцевъ Финляндіи. Все это настолько близкіе Россіи вопросы, они настолько задѣваютъ наши кровные интересы, что не могутъ быть предметомъ радѣнія однихъ только финляндцевъ, особенно въ порядкѣ одного только финляндскаго законодательства. Этимъ порядкомъ могли бы быть, дѣйствительно, отмѣнены и нѣкоторыя статьи нашего свода законовъ. Русская точка зрѣнія совершенно ясна. Россія не можетъ желать нарушенія законныхъ автономныхъ правъ Финляндіи относительно внутренняго ея законодательства и отдѣльнаго административнаго и судебнаго ея устройства, но, господа, въ общихъ законодательныхъ вопросахъ и въ нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ управленія должно быть и общее

рѣшеніе совмѣстно съ Финляндіей и съ преобладаніемъ, конечно, державныхъ правъ Россіи. Финляндцы толкуютъ иначе. Они полагаютъ, что ни одинъ общегссударственный законъ не можетъ воспринять силы, если не будетъ утвержденъ сеймомъ; но если стать на эту точку зрѣнія, то мы можемъ придти къ нелѣпому положенію—одинъ и тотъ же вопросъ будетъ обсуждаться и рѣшаться нашими законодательными учрежденіями и финляндскимъ сеймомъ. Скажемъ, что разрѣшенъ будетъ этотъ вопросъ различно, не получится единогласнаго рѣшенія и въ Имперіи не будетъ той державной воли, державной власти, которая могла бы разрѣшить этотъ споръ. Вопросъ останется неразрѣшеннымъ или приведетъ къ острому конфликту. Это, господа, конечно, ненормально, и, повторяю, не въ бездѣйствіи властей, не въ закономѣрныхъ дѣйствіяхъ коренится зло, а въ томъ, что цѣлая область нашего законодательства, громадная область нашихъ взаимо-отношеній съ Финляндіей не урегулирована совершенно. Господа, этотъ громадный пробѣлъ нетерпимъ, его надо пополнить. Господа, нельзя такіе важные вопросы оставлять на произволъ случая, случайныхъ обстоятельствъ, случайныхъ людей и событій.

Не можетъ и Дума постоянно регулировать ихъ путемъ запросовъ Запросами вы не можете уловить всѣхъ возникающихъ въ этой области фактовъ. Затѣмъ, гг., я долженъ вамъ напомнить, что у насъ есть теперь одинъ незыблемый способъ для разрѣшенія всѣхъ законодательныхъ дѣлъ, опредѣленный ст. 86 Осн. Зак. Это путь черезъ Гос. Думу и черезъ Гос. Совѣтъ. Въ интересующей насъ области общаго для Россіи и Финляндіи законодательства надлежитъ различать два момента. Первый моментъ—подготовительный—разрѣшеніе вопроса о томъ, касается ли вопросъ Имперіи или нѣтъ; при этомъ весьма важно, чтобы Монархъ былъ освѣдомленъ о тѣхъ вопросахъ, которые касаются Россіи, своимъ же русскимъ правительствомъ, какъ при предложеніи законопроекта, такъ и при его утвержденіи. Этотъ первый моментъ принадлежитъ къ области Верховнаго Управленія, относительно разрѣшенія этого вопроса я получилъ совершенно опредѣленныя указанія Государя Императора, которыя и будутъ приведены въ дѣйствіе. Но есть и другой моментъ законодательства. Это самое разсмотрѣніе и разрѣшеніе законодательныхъ вопросовъ. Опредѣленъ онъ можетъ быть, конечно, только законодательнымъ порядкомъ. Въ этои послѣдней стадіи, носомнѣнно, нужно знать мнѣніе, и нужно считаться съ точкой зрѣнія финляндцевъ. На обязанности и Правительства и Гос. Думы лежитъ однако-же поднятіе вопроса о выработкѣ общаго порядка законодательнаго разсмотрѣнія нашихъ общихъ съ Финляндіей дѣлъ. Повторяю, вопросъ этотъ слишкомъ важенъ; онъ касается распространенія власти Государя Императора по обще-имперскимъ дѣламъ черезъ обще-имперскія учрежденія на протяженіи и пространствѣ всей Имперіи. Гг., въ этомъ дѣлѣ не можетъ и не

должно быть подозрѣнія, что Россія желаетъ нарушить автономныя, дарованныя Монархами права Финляндіи. Въ Россіи, гг., сила не можетъ стоять выше права. Но нельзя также допускать, чтобы одно упоминаніе о правахъ Россіи считалось въ Финляндіи оскорбленіемъ. Гг., въ Финляндіи и въ обществѣ и въ печати раздаются голоса, что финляндскій вопросъ поднятъ въ Россіи темными силами реакціи; ищутъ защиты въ болѣе интеллигентныхъ, вѣроятно, въ болѣе либеральныхъ кругахъ, которые должны защитить Финляндію, финляндскія права отъ надвигающейся бюрократической грозы. Прислушиваются въ Финляндіи къ тѣмъ голосамъ, которые не понимаютъ или не могутъ понять, что суровая сила, подавляющая и ликвидирующая революцію, въ связи съ творческой силой, стремящейся преобразовать и мѣстный и общій строй имѣетъ одну цѣль: установленіе на пространствѣ всей Россіи стройнаго и стойкаго правового порядка. Я не понимаю, гг., какимъ образомъ, могутъ заподозрить Правительство, творящее волю Государя и совокупно съ представительными учрежденіями стремящееся водворить въ Россіи спокойствіе и прочный порядокъ, зиждущійся исключительно на законахъ, заподозрить его въ томъ, что оно стремится рушить подобный же порядокъ у нашихъ финляндскихъ согражданъ.

Забываютъ при этомъ одно—забываютъ, что съ введеніемъ новаго строя въ Россіи поднялась другая волна реакціи—реакція русскаго патріотизма и русскаго національнаго чувства, и эта реакція, гг., она вьетъ себѣ гнѣздо именно въ общественныхъ слояхъ, общественныхъ кругахъ. Въ прежнія времена одно только Правительство имѣло заботу и обязанность отстаивать историческія державныя пріобрѣтенія и права Россіи. Теперь не то. Теперь Государь пытается собрать разсыпанную храмину русскаго народнаго чувства, и выразителями этого чувства являетесь вы, гг., и вы не можете отклонить отъ себя отвѣтственности за удержаніе этихъ державныхъ правъ Россіи. Вы, гг., не можете отвергнуть отъ себя и обязанностей, несомыхъ вами въ качествѣ народнаго представительства. Вы не можете разорвать и съ прошлымъ Россіи. Не напрасно были пролиты потоки русской крови, не безсмысленно и не безсознательно утвердилъ Петръ Великій державныя права Россіи на берегахъ Финскаго залива. Отказъ отъ этихъ правъ нанесъ бы безпримѣрный ущербъ русской державѣ, а постепенная утрата, вслѣдствіе нашего національнаго слабосилія, или нашей государственной близорукости, равнялся бы тому же отказу, но прикрытому личиною лицемѣрія. Сокровище русской нравственной духовной силы затрачено въ скалахъ и водахъ Финляндіи. Простите, что я вспоминаю о прошломъ, но и забывать о немъ не приходится. Вѣдь одинъ съ морскимъ флотомъ, построеннымъ первоначально на прѣсной рѣчной водѣ, съ моряками, имъ самимъ обученными, безъ средствъ, но съ твердой вѣрою въ Россію и ея будущее шелъ впередъ Великій Петръ. Не было попутнаго вѣтра, онъ со

своими моряками на рукахъ, на мозолистыхъ рукахъ, переносилъ по сушѣ изъ Финскаго залива въ Ботническій свои галеры, разбивалъ вражескій флотъ, бралъ въ плѣнъ эскадры и награждалъ чернорабочаго творца новой Россіи Петра Михайлова скромнымъ званіемъ адмирала. Гг., неужели объ этой стремительной мощи, объ этой геніальной силѣ нашихъ предковъ помнятъ только кадеты морского корпуса, которые поставили на мѣстѣ Гангаутской битвы скромный крестъ изъ сердобольскаго гранита? Неужели объ этой творческой силѣ нашихъ предковъ, не только силѣ побѣды, но и силѣ сознанія государственныхъ задачъ помнятъ только они и забыла Россія? Вѣдь кровь этихъ сильныхъ людей перелилась въ ваши жилы, вѣдь, вы плоть отъ плоти ихъ, вѣдь, немногіе же изъ васъ отрицаютъ отчизну, а громадное большинство сознаютъ, что люди соединились въ семьи, семьи въ племена, племена въ народы для того, чтобы осуществить свою міровую задачу для того, чтобы двигать человѣчество впередъ. Неужели и тутъ скажутъ, что нужно ждать, пока окрѣпнетъ центръ? Неужели въ центрѣ нашей государственной мысли, нашего государственнаго чувства ослабло пониманіе нашихъ государственныхъ задачъ? Да, гг., народы забываютъ иногда о своихъ національныхъ задачахъ, но такіе народы гибнутъ, господа, они превращаются въ наземъ, въ удобреніе, на которомъ выростаютъ и крѣпнутъ другіе, болѣе сильные народы. Мы, гг., обращаемся къ вамъ не за жертвой, мы не требуемъ отъ васъ угнетенія, другой, менѣе сильной, народности,—нѣтъ, гг., Правительство проситъ отъ васъ лишь вашей нравственной поддержки въ томъ дѣлѣ, которое оно считаетъ правымъ. Я увѣренъ, гг., что вы отвергнете запросъ, но вами въ вашихъ русскихъ сердцахъ будутъ найдены выраженія, которыя заставятъ, побудитъ Правительство представить на вашъ же судъ законопроектъ, устанавливающій способъ разрѣшенія нашихъ общихъ съ Финляндіею дѣлъ, законопроектъ, не нарушающій правъ маленькой Финляндіи, но ограждающій то, что намъ всего ближе, всего дороже—историческія державныя права Россіи.

Засѣданіе Г. Д. 24/V 08 г. О смѣтѣ Морского Министерства.

Послѣ всего, что было тутъ сказано по вопросу о морской смѣтѣ, вы поймете, гг. члены Гос. Думы, то тяжелое чувство безнадежности отстоять испрашиваемые на постройку броненосцевъ кредиты, съ которымъ я приступаю къ тяжелой обязанности защищать почти безнадежное, почти проигранное дѣло. Вы спросите меня: почему же Правительство не преклонится передъ неизбѣжностью, почему не присоединится къ большинству Гос. Думы, почему не откажется отъ кредитовъ? Вѣдь для всѣхъ очевидно, что отрицательное отношеніе большинства Гос. Думы

не имѣетъ основаніемъ какіе нибудь противугосударственныя побужденія; этимъ отказомъ большинство Думы хотѣло бы дать толчокъ морскому вѣдомству, хотѣло бы разъ навсегда положить предѣлъ злоупотребленіямъ, хотѣло бы установить грань между прошлымъ и настоящимъ. Отказъ Гос. Думы долженъ былъ бы, по мнѣнію большинства Думы, стать поворотнымъ пунктомъ въ исторіи русскаго флота; это должна быть та точка, которую русское народное представительство желало бы поставить подъ главой о Цусимѣ для того, чтобы начать новую главу, страницы которой должны быть страницами честнаго, упорнаго труда, страницами о возсозданіи морской славы Россіи. Поэтому, гг., можетъ стать непонятнымъ упорство правительства: вѣдь слишкомъ неблагодарное дѣло отстаивать существующіе порядки и слишкомъ, можетъ, недобросовѣстное дѣло убѣждать кого либо въ томъ, что все обстоитъ благополучно. Вотъ гг., тѣ мысли, которыя должны были возникнуть у многихъ изъ васъ; и если, несмотря на это, я считаю своимъ долгомъ высказаться передъ вами, то для васъ, конечно, будетъ также понятно, что побудительной причиной къ этому является не вѣдомственное упорство, а основанія иного высшаго порядка. Мнѣ, можетъ быть, хотя и въ слабой мѣрѣ поможетъ въ этомъ дѣлѣ то обстоятельство, что кромѣ, конечно, принципіально оппозиціонныхъ партій, которыя всегда и во всемъ будутъ противостоять предложеніямъ правительства, остальныя партіи не совершенно единодушны въ этомъ не столь простомъ дѣлѣ, и среди нихъ есть еще лица, которыя не поддались, можетъ быть, тому чувству самовнушенія, которому подпало большинство Гос. Думы.

Это даетъ мнѣ надежду, если не измѣнить уже предрѣшенное мнѣніе Гос. Думы, то доказать, что можетъ существовать въ этомъ дѣлѣ и другое мнѣніе, другой взглядъ, и что этотъ другой взглядъ не безуменъ и не преступенъ. Гг.! Область правительственной власти есть область дѣйствій. Когда полководецъ на полѣ сраженія видитъ, что бой проигранъ, онъ долженъ сосредоточиться на томъ, чтобы собрать свои разстроенныя силы, объединить ихъ въ одно цѣлое. Точно такъ же и Правительство послѣ катастрофы находится въ нѣсколько иномъ положеніи, чѣмъ общество и общественное представительство. Оно не можетъ всецѣло поддаться чувству возмущенія, оно не можетъ исключительно искать виновныхъ, не можетъ исключительно сражаться съ тѣми фантомами, о которыхъ говорилъ предыдущій ораторъ. Оно должно объединить свои силы и стараться возстановить разрушенное. Для этого, конечно, нуженъ планъ, нужна объединенная дѣятельность всѣхъ государственныхъ органовъ. На этотъ путь и стало настоящее Правительство съ первыхъ дней, когда была вручена ему власть. Оно начало перестраивать свои ряды, оно раздѣлило задуманныя имъ мѣропріятія на болѣе спѣшныя, имѣющія связь съ послѣдующими, и на эти послѣдующія мѣропріятія, которыя оно и рѣшило прово-

дить и планомѣрно, и послѣдовательно. При этомъ Правительство не могло не задать себѣ вопросовъ: нуженъ ли Россіи флотъ, какой флотъ Россіи нуженъ, и можно ли съ этимъ дѣломъ медлить? На первыхъ двухъ вопросахъ я долго останавливаться не буду, такъ какъ мнѣніе правительства было подробно высказано въ комиссіи государственной обороны, и оно соотвѣтствуетъ тому мнѣнію, которое выражено въ формулѣ постатейнаго перехода къ чтенію отдѣльныхъ номеровъ смѣты Морского Министерства, предложенной вашему вниманію. Для всѣхъ, кажется, теперь стало ясно, что только тотъ народъ имѣетъ право и власть удержать въ своихъ рукахъ море, который можетъ его отстоять. Поэтому всѣ тѣ народы, которые стремились къ морю, которые достигали его, неудержимо становились на путь кораблестроенія. Для нихъ флотъ являлся предметомъ народной гордости; это было внѣшнее доказательство того, что народъ имѣетъ силу, имѣетъ возможность удержать море въ своей власти. Для этого недостаточно однѣхъ крѣпостей, нельзя одними крѣпостными сооруженіями защищать береговую линію. Для защиты береговъ необходимы подвижныя, свободно плавающія крѣпости, необходимъ линейный флотъ. Это поняли всѣ прибрежные народы. Беззащитность на морѣ такъ же опасна, какъ и беззащитность на сушѣ. Конечно, можно при благопріятныхъ обстоятельствахъ нѣкоторое время прожить на сушѣ и безъ крова, но когда налетаетъ буря, чтобы противостоять ей, нужны и крѣпкія стѣны, и прочная крыша. Вотъ, почему дѣло кораблестроенія вездѣ стало національнымъ дѣломъ. Вотъ, почему спускъ каждаго новаго корабля на воду является національнымъ торжествомъ, національнымъ празднествомъ. Это отдача морю части накопленныхъ на сушѣ народныхъ силъ, народной энергіи. Вотъ, почему, гг., вездѣ могучія государства всегда строили флоты у себя дома: дома они оберегаютъ постройку флота отъ всякихъ случайностей; они дома у себя наращиваютъ будущую мощь народную, будущее ратное могущество. Эти вотъ простыя соображенія привели Правительство къ тому выводу, что Россіи нуженъ флотъ. А на вопросъ, какой Россіи нуженъ флотъ, дала отвѣтъ та же комиссія государственной обороны, которая выразилась такъ: Россіи нуженъ флотъ дѣеспособный. Это выраженіе я понимаю въ томъ смыслѣ, что Россіи необходимъ такой флотъ, который въ каждую данную минуту могъ бы сразиться съ флотомъ, стоящимъ на уровнѣ новѣйшихъ научныхъ требованій. Если этого не будетъ, если флотъ у Россіи будетъ другой, то онъ будетъ только вреденъ, такъ какъ неминуемо станетъ добычей нападающихъ. Россіи нуженъ флотъ, который былъ бы не менѣе быстроходенъ и не хуже вооруженъ, не съ болѣе слабой броней, чѣмъ флотъ предполагаемаго непріятеля. Россіи нуженъ могучій линейный флотъ, который опирался бы на флотъ миноносный и на флотъ подводный, такъ какъ отбиваться отъ тѣхъ плавучихъ крѣпостей, которыя называются броненосцами, нельзя одними

минными судами. Покончивши съ вопросами, въ которыхъ Правительство вполнѣ солидарно съ комисіей государственной обороны, позвольте мнѣ перейти и остановиться нѣсколько дольше на третьемъ вопросѣ, на которомъ начинается между нами разногласіе. Это вопросъ о томъ, насколько спѣшно и настоятельно устройство нашихъ морскихъ силъ. Отвѣтъ на это комиссіи государственной обороны совершенно ясенъ и опредѣленъ. Комиссія говоритъ, что ранѣе всего нужно вырѣшить всѣ вопросы морской обороны въ связи съ обороной всего государства. Затѣмъ необходимо переустройство морского вѣдомства, наконецъ, необходимо представленіе на судъ законодательныхъ собраніи финансовой программы судостроенія, и только послѣ этого уже можно будетъ приступить къ постройкѣ линейныхъ кораблей, къ возсозданію флота. Эти положенія были тутъ подкрѣплены безпощадной логикой блестящихъ рѣчей цѣлаго ряда ораторовъ. Вопросъ этотъ совершенно исчерпанъ: для Гос. Думы безусловно ясно, что послѣ того страшнаго урока, который получило морское вѣдомство, необходимо переустроить это Министерство, необходимо положить конецъ и неустройствамъ въ немъ, и злоупотребленіямъ, необходимо обновить самый духъ вѣдомства, нельзя строить новаго флота, не имѣя полной програмы судостроенія. Подъ всѣми этими положеніями я готовъ подписаться. Я иду далѣе. Я увѣренъ, что отвѣтственные представители флота, отвѣчающіе передъ Государемъ Императоромъ за морское дѣло, не будутъ этихъ положеній отвергать.

Но, гг., именно для отвѣтственныхъ лицъ выводы изъ этихъ положеній не такъ просты. Я приглашаю васъ на время, на короткое время отказаться отъ того чувства возмущенія, которое владѣетъ вами, о которомъ только что говорилъ чл. Гос. Думы Гучковъ. Забудьте, гг., забудьте ту жгучую боль, которую испытываетъ каждый русскій, когда касается вопроса о русскомъ флотѣ, и послѣдуйте за мной въ область безстрастнаго разрѣшенія вопроса, въ предѣлахъ одной государственной пользы и государственной необходимости. Позвольте мнѣ для этого вернуться къ тому сравненію, къ которому я прибѣгъ въ началѣ моей рѣчи, и сопоставьте положеніе правительства съ положеніемъ полководца на слѣдующій день послѣ пораженія. Въ такомъ положеніи первая задача лица, власть имѣющаго, разрѣшить вопросъ о томъ, какъ же быть съ остатками, съ обломками разбитой непріятелемъ силы? эта задача Правительства, задача морского вѣдомства. Вторая задача—какъ реорганизовать то вѣдомство, которое не оказалось на высотѣ положенія и какъ возобновить разрушенную силу, въ данномъ случаѣ—какія строить суда? Эта задача спеціально техническихъ органовъ, которая должна быть разрѣшена послѣ утвержденія ея выводовъ Верховной Властью. Наконецъ, третья задача—какъ организовать морскую оборону въ связи съ обороной государства. Эта задача Правительства, которая можетъ быть вырѣшена послѣ разрѣ-

шенія двухъ задачъ. Если слѣдовать за комиссіей государственной обороны, то, конечно, всѣ эти три задачи можно рѣшить только одновременно и независимо отъ вопроса объ организаціи Министерства, о затратѣ колоссальныхъ суммъ на возсозданіе всего нашего флота, невозможно и требовать какихъ либо ассигнованій на устройство нашихъ разстроенныхъ морскихъ силъ для приданія имъ какого либо боевого значенія.

Но Правительство, господа, должно смотрѣть на дѣло иначе. Правительство имѣетъ дѣло съ живымъ организмомъ, флотомъ, съ живыми людьми, оно имѣетъ еще одну капитальную задачу: на немъ лежитъ обязанность оградить Государство во всякую данную минуту отъ всякихъ случайностей. Поэтому Правительство должно было прежде всего осмотрѣться и незамедлительно рѣшить вопросъ, какъ же быть съ остатками, съ обломками нашего флота. Я не буду, господа, вводить васъ въ спеціальные вопросы, я нахожу, что въ такомъ собраніи не могутъ быть разрѣшены вопросы о томъ или другомъ типѣ котловъ или двигателей, на которыхъ останавливался членъ Гос. Думы Марковъ; я буду приводить вамъ простыя данныя, понятныя, по моему, какъ для обывателя, въ положеніи члена Гос. Думы, такъ и для штатскаго министра, не носящаго кортика. Если взять кавалерійскую часть то для васъ станетъ понятно, что она можетъ имѣть силу только, если она вся посажена на одинаковыхъ коней, одинакового хода, такъ какъ иначе вся часть должна будетъ равняться по отстающимъ; вся часть, всѣ всадники должны быть одинаково вооружены одинаковыми винтовками, такъ какъ иначе часть пуль не будетъ доставать, огонь этой части не будетъ дѣйствителенъ; вся часть должна быть одинаково снаряжена, всѣ всадники должны быть одѣты въ одинаковые мундиры защитнаго цвѣта, иначе часть всадниковъ будетъ болѣе уязвима, чѣмъ другая. Это все примѣнимо и къ флоту. Отдѣльные корабли, и это было уже указано, не могутъ имѣть никакой силы, если они будутъ механически соединены въ отряды; въ этомъ случаѣ каждое отдѣльное, болѣе быстроходное судно, должно будетъ равняться по наиболѣе тихоходному во всей эскадрѣ, должно будетъ стрѣлять на такое разстояніе, на которое будутъ долетать снаряды наихудше вооруженныхъ судовъ, наконецъ, вся эскадра станетъ болѣе уязвимой, если часть ея будетъ хуже другихъ бронирована. Такое сборище судовъ будетъ никуда негоднымъ сбродомъ; это будетъ отрядъ, неспособный не только на оперированіе, но и на маневрированіе. Для того, чтобы маневрировать, нужно имѣть по крайней мѣрѣ нѣсколько судовъ одного типа, нѣсколько линейныхъ кораблей, нѣсколько бронированныхъ крейсеровъ, нѣсколько простыхъ крейсеровъ, нѣсколько миноносцевъ. Между тѣмъ, остатки нашихъ судовъ не могутъ составить ни одной эскадры: эти остатки напоминаютъ собой ту разношерстную кавалерію, о которой я только что упомянулъ, посаженную на разныхъ коней, вооруженную раз-

нымъ оружіемъ, обмундированную то въ кирасу, то въ китель, то въ мундиръ. И вотъ передъ Правительствомъ всталъ вопросъ: что же—ожидать разрѣшенія общихъ вопросовъ или остановиться на задачѣ использованія остатковъ нашихъ морскихъ силъ путемъ нѣкотораго ихъ пополненія и приданія имъ хоть нѣкотораго боевого значенія.

Правительство хорошо понимало, что ждать незамедлительнаго разрѣшенія общихъ вопросовъ невозможно. Общая оборона Государства — дѣло весьма сложное, затрогивающее интересы всѣхъ почти вѣдомствъ. Тутъ замѣшано не одно только Морское или Военное Министерство — въ рядъ мѣръ по оборонѣ должно быть введено и вѣдомство Путей Сообщенія, такъ какъ тутъ важна постройка стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ, и вѣдомство переселенческое, такъ какъ долженъ быть созданъ на Дальнемъ Востокѣ оплотъ изъ живыхъ людей, и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, такъ какъ кромѣ желѣзныхъ дорогъ для защиты страны нужны грунтовыя дороги, нужны почты и телеграфы, затронуто Министерство Торговли, такъ какъ необходимо учесть и значеніе торговаго флота. Дѣло разрослось въ вопросъ громаднаго государственнаго значенія, разсматривавшійся Совѣтомъ Министровъ, на журналѣ котораго отъ 2 марта Государь Императоръ положилъ такого рода резолюцію: „общій планъ обороны Государства долженъ быть выработанъ короткій и ясный на одно или два десятилѣтія; по его утвержденіи онъ долженъ неуклонно и послѣдовательно быть приводимъ въ исполненіе“. Что же касается переустройства морского вѣдомства, то, несмотря на полное напряженіе силъ этого Министерства, нельзя было требовать отъ него излишней въ ущербъ качеству работы спѣшности, излишней торопливости, въ которой насъ, Правительство, только что въ другой области такъ упорно обвиняли. Вамъ извѣстно, гг., что со времени окончанія войны въ морскомъ вѣдомствѣ были произведены спѣшныя работы. Съ тѣхъ поръ Государемъ Императоромъ было утверждено образованіе должности помощника Морского Министра, что сняло съ Морского Министра цѣлый рядъ хозяйственныхъ заботъ. Былъ образованъ морской генеральный штабъ, было установлено новое автономное устройство судостроительныхъ заводовъ. Наконецъ, въ самое послѣднее время придана новая организація высшему командованію флотомъ. Объ этихъ реформахъ мною упоминалось въ комиссіи государственной обороны, и если безпристрастно судить, то нужно признать, что за послѣднее время больше сдѣлано въ этой области, чѣмъ за цѣлое десятилѣтіе. Много, гг., и осталось сдѣлать, и многое еще будетъ совершено. Но нѣтъ, нѣтъ, гг., той волшебной палочки, отъ соприкосновенія съ которой въ одинъ мигъ можетъ переустроиться цѣлое учрежденіе. Поэтому, если ожидать окончательнаго переустройства вѣдомства, если ожидать ассигнованія колоссальныхъ суммъ на приведеніе въ исполненіе полной программы судостроенія, то

въ дѣлѣ приведенія въ порядокъ обломковъ нашего флота, нашихъ морскихъ силъ, разстроенныхъ послѣдней войной, пришлось бы примириться съ довольно продолжительной остановкой. Къ чему же, гг., привела бы такая остановка? На этомъ не могло не остановить своего вниманія Правительство. Вникните, гг., въ этотъ вопросъ и вы. Первымъ послѣдствіемъ такой остановки, о которой краснорѣчиво говорили нѣкоторые изъ предыдущихъ ораторовъ, было бы несомнѣнно разстройство нашихъ заводовъ, на которое я указывалъ къ комиссіи государственной обороны, что мнѣ обстоятельно никто не возразилъ. То, что въ другихъ Государствахъ оберегается, бережно наращивается, развивается техническій опытъ, знаніе, созданіе людей, поставленныхъ на это дѣло, все то, что нельзя купить за деньги, все то, что создается въ цѣлый рядъ лѣтъ, въ цѣлую эпоху, все это должно пойти на убыль, все это должно придти въ разстройство. Чл. Гос. Думы Львовъ говорилъ о томъ, что не было бы бѣды, если бы наши заводы сократили нѣсколько свою работу; но, гг., другія страны находятъ, что національное судостроительство является плодомъ усилій цѣлыхъ поколѣній, результатомъ національнаго порыва, который достижимъ только съ громаднымъ напряженіемъ силъ. Всякій регресъ, всякій шагъ назадъ въ этой области уже ведетъ къ разстройству этого дѣла. Морской Министръ въ комиссіи приводилъ цифры, говорилъ о томъ, что для поддержанія нашихъ заводовъ на теперешнемъ уровнѣ намъ нужно заказовъ на 22 мил. р. въ годъ. Въ настоящее время заводы имѣютъ заказовъ только на 11 мил. р. и то только на одинъ годъ. Второе послѣдствіе остановки была бы необходимость обучать личный составъ на тѣхъ отдѣльныхъ разношерстныхъ судахъ, о которыхъ я вамъ говорилъ. Чл. Гос. Думы Бобянскій доказывалъ вчера, что можно обучать личный составъ и нижнихъ чиновъ и офицеровъ на тѣхъ двухъ броненосцахъ, которые имѣются въ Балтійскомъ морѣ. Но, гг., судите сами, какое же возможно эскадренное ученіе, какая же возможна стрѣльба, какое возможно эскадренное маневрированіе безъ эскадры?

Возможно ли обученіе, воспитаніе механиковъ, разъ мы не имѣемъ усовершенствованныхъ механизмовъ. Насъ, съ одной стороны, упрекали въ томъ, что морское вѣдомство заказывало такія суда, какъ „Рюрикъ“, которыя являлись отсталыми; съ другой стороны, градъ упрековъ былъ обращенъ на насъ за то, что мы хотимъ заказывать суда новѣйшаго устройства, какъ тутъ насмѣшливо было сказано — „сверхъ-корабли — Дрейдъ-Науты“. Но третье послѣдствіе остановки въ устройствѣ нашихъ морскихъ силъ, третье послѣдствіе было бы длительное безпомощное положеніе Россіи въ отношеніи морской обороны. Несмотря на полное наше миролюбіе, я думаю, что такая безпомощность не соотвѣтствуетъ міровому положенію Россіи. Вотъ, господа, тѣ доводы, которые побудили насъ испрашивать у васъ

не утвержденія полной программы кораблестроенія, а временно, до установленія плана общей обороны Государства, постройки только 4 броненосцевъ въ теченіе 4 лѣтъ для того, чтобы нѣсколько пополнить разстроенные ряды нашего флота и придать имъ нѣкоторый боевой смыслъ. Я старался обрисовать вамъ, господа, что выиграетъ Государство принятіемъ правительственнаго предложенія; я долженъ при этомъ еще упомянуть, что постройка этихъ 4 броненосцевъ не идетъ въ разрѣзъ ни съ одной изъ программъ судостроенія. Эти 4 броненосца входятъ во всѣ программы. Они будутъ служить для осуществленія любой изъ нихъ, хотя бы на первомъ планѣ была поставлена программа укрѣпленія нашихъ морскихъ силъ на Дальнемъ Востокѣ. Такимъ образомъ отъ принятія правительственнаго предложенія не можетъ послѣдовать для Государства никакого ущерба. Останавливаясь на томъ, что можетъ побудить Государственную Думу отказать Правительству въ ничтожной, сравнительно съ общимъ нашимъ бюджетомъ, суммѣ въ 11.250,000 рублей, надо придти къ логическому выводу, что тутъ, какъ говорилъ членъ Гос. Думы Гучковъ, надо искать мотивовъ симптоматичнаго и педагогическаго свойства. Очевидно, большинство Гос. Думы хочетъ хирургическимъ образомъ избавить морское вѣдомство отъ одержимой имъ болѣзни. Большинство Думы полагаетъ, что послѣ нанесеннаго Морскому Министерству удара, послѣ того choca, который ему готовится, оно станетъ на новый путь плодотворной работы. Я думаю, что это не такъ. Я думаю, что кромѣ того реальнаго ущерба, о которомъ я упоминалъ, вы нанесете флоту еще громадный нравственный ущербъ. Вы, господа, вѣрите въ силу реорганизаціи учрежденія. Несмотря на то, что независимо отъ готовящагося вами удара, вѣдомство это будетъ реорганизовано, нельзя все же не признать, что главная сила не въ учрежденіи, а въ людяхъ. Людей, господа, мало во всѣхъ учрежденіяхъ, мало ихъ и въ морскомъ вѣдомствѣ, и можетъ быть еще меньше потому, что, какъ указалъ членъ Государственной Думы Капустинъ, лучшія быть можетъ силы флота лежатъ теперъ на днѣ океана. Но какъ никакъ, а тѣ лица, тѣ новые люди, которые поставлены во главѣ отвѣтственныхъ частей флота, должны чувствовать, должны сознавать, какая колоссальная задача возложена на нихъ, какая ихъ тяготитъ отвѣтственность. И не думаете ли вы, что вашъ отказъ въ кредитахъ переложитъ эту отвѣтственность съ нихъ на васъ. Вы говорите, гг., что вы отказываете въ кредитѣ только на нѣсколько мѣсяцевъ, но такъ ли это? Вы ждете реорганизаціи вѣдомства? Реорганизовать вѣдомство можно въ нѣсколько мѣсяцевъ, но можно ли въ тотъ же короткій срокъ дождаться результатовъ реформы? Чѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ можетъ похвалиться передъ вами морское вѣдомство? Работою ли заводовъ, разстроенныхъ тѣмъ, что имъ не будутъ даны заказы, личнымъ ли составомъ, обезкураженнымъ неопредѣленностью своего положенія.

Русская Публичная Библіотека

Нѣтъ, гг., я лично увѣренъ, что и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вы найдете, что еще не наступилъ моментъ для ассигнованія средствъ на судоустройство. Гг., ваши нападки, ваши разоблаченія сослужили громадную услугу флоту, они принесли и громадную пользу Государству: болѣе того, я увѣренъ, что при наличности Гос. Думы невозможны уже тѣ злоупотребленія, которыя были раньше. Гг., я пойду дальше, я скажу, что, быть можетъ, морское вѣдомство еще не доказало того, что въ настоящую минуту возможно довѣрить ему тѣ сотни милліоновъ, которыя необходимы на выполненіе общей программы новаго судостроенія.

Но, гг., не лишайте же морское вѣдомство возможности доказать вамъ это, не разстраивайте это вѣдомство въ корнѣ. Вѣдь, гг., во всѣхъ вѣдомствахъ есть неустройства. Нельзя же преграждать учрежденіямъ и людямъ возможность доказывать желаніе улучшить положеніе, нельзя всѣхъ поголовно считать рабами лукавыми Да, гг., для лукавыхъ рабовъ нѣтъ лучшаго разрѣшенія вопроса, чѣмъ предлагаемый вамъ. Вѣдь они на основаніи вашего рѣшенія могутъ предаться полному ничегонедѣланію. Вѣдь гг., для лукавыхъ рабовъ ваше рѣшеніе будетъ мягкой подушкой для сладкаго сна. Гг., нельзя наказывать гимназиста, срѣзавшагося на экзаменѣ, лишеніемъ его учебныхъ книгъ, учебныхъ пособій. А вы дѣлаете нѣчто подобное съ флотомъ. И, можетъ быть, дѣлаете худшее; вы—хирурги, собравшіеся вокругъ одурманеннаго больного. Больной этотъ—флотъ, ошеломленный вашей критикой. Вы, гг., взяли ланцеты и рѣжете его, потрошите его внутренности, но, гг., одна неловкость, одно неосторожное движеніе, и вы уже будете не оперировать больного, а анатомировать трупъ. Гг ! Я вѣрю, что ваше рѣшеніе, каково бы оно ни было, будетъ продиктовано вамъ велѣніемъ вашей совѣсти и тѣмъ чистымъ патріотизмомъ, о которомъ говорилъ тутъ чл. Гос. Думы Пуришкевичъ. Этимъ и ничѣмъ болѣе вы станете выше партійныхъ разсчетовъ, выше фракціонной тактики. Не сѣтуйте, гг., если и правительство высказало вамъ свое мнѣніе прямо и опредѣленно. Я увѣренъ, что всякая заминка въ дѣлѣ флота будетъ для него гибельной. Нельзя на полномъ ходу останавливать или давать задній ходъ машинѣ—это ведетъ къ ея поломкѣ, Гг.! Въ дѣлѣ возсозданія нашего морского могущества, нашей морской мощи, можетъ быть только одинъ лозунгъ, одинъ пароль, и этотъ пароль—впередъ!

Засѣданіе Г. Д. 5/XII 08 г. О законѣ 9 ноября.

Гг. чл. Гос. Думы! Если я считаю необходимымъ дать вамъ объясненіе по отдѣльной статьѣ, по частному вопросу послѣ того, какъ громадное большинство Гос. Думы высказалось за

проектъ въ его цѣломъ, то дѣлаю я это потому, что придаю этому вопросу коренное значеніе. Въ основу закона 9 ноября положена опредѣленная мысль, опредѣленный принципъ. Мысль эта, очевидно, должна быть проведена по всѣмъ статьямъ законопроекта; выдернуть ее изъ отдѣльной статьи, а тѣмъ болѣе замѣнить ее другой мыслью, значитъ исказить законъ, значитъ лишить его руководящей идеи. А смыслъ закона, идея его для всѣхъ ясна. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ личность крестьянина получила уже опредѣленное развитіе, гдѣ община, какъ принудительный союзъ, ставитъ преграду для его самодѣятельности, тамъ необходимо дать крестьянину свободу приложенія своего труда къ землѣ, тамъ необходимо дать ему свободу трудиться, богатѣть, распоряжаться своей собственностью; надо дать ему власть надъ землею, надо избавить его отъ кабалы отживающаго общиннаго строя. Законъ вмѣстѣ съ тѣмъ не ломаетъ общины въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хлѣбопашество имѣетъ второстепенное значеніе, гдѣ существуютъ другія условія, которыя дѣлаютъ общину лучшимъ способомъ использованія земли.

Если, господа, мысль эта понятна, если она вѣрна, то нельзя вводить въ законъ другое понятіе, ей противоположное; нельзя съ одной стороны исповѣдывать, что люди созрѣли для того, чтобы свободно, безъ опеки, располагать своими духовными силами, чтобы прилагать свободно свой трудъ въ землѣ такъ, какъ они считаютъ это лучшимъ, а съ другой стороны признавать, что эти самые люди недостаточно надежны для того, чтобы безъ гнета сочленовъ своей семьи распоряжаться своимъ имуществомъ. Гг.! Противорѣчіе это станетъ еще болѣе яснымъ, если мы дадимъ себѣ отчетъ въ томъ, какъ понимаетъ Правительство терминъ „личная собственность“, и что понимаютъ противники законопроекта подъ понятіемъ „собственности семейной“. Личный собственникъ, по смыслу закона, властенъ распоряжаться своею землею, властенъ закрѣпить за собою свою землю, властенъ требовать отвода отдѣльныхъ участковъ ея къ одному мѣсту; онъ можетъ прикупить себѣ земли, можетъ заложить ее въ крестьянскомъ банкѣ, можетъ, наконецъ, продать ее. Весь запасъ его разума, его воли находится въ полномъ его распоряженіи; онъ въ полномъ смыслѣ слова кузнецъ своего счастія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ни законъ, ни государство не могутъ гарантировать его отъ извѣстнаго риска, не могутъ обезпечить его отъ возможности утраты собственности, — и ни одно государство не можетъ обѣщать обывателю такого рода страховку, погашающую его самодѣятельность.

Государство можетъ, оно должно дѣлать другое: не тому или иному лицу оно должно обезпечить опредѣленное владѣніе, а за извѣстной группою лицъ, за тѣми лицами, которыя прилагаютъ свой трудъ къ землѣ, за ними оно должно сохранить извѣстную площадь земли, а въ Россіи эта площадь земли надѣльной. Извѣстныя ограниченія, извѣстныя стѣсненія законъ долженъ на-

лагать на землю, а не на ея владѣльца. Законъ нашъ знаетъ такія стѣсненія и ограниченія и мы, господа, въ своемъ законопроектѣ ограниченія эти сохраняемъ: надѣльная земля не можетъ быть отчуждена лицу иного сословія; надѣльная земля не можетъ быть заложена иначе, какъ въ крестьянскій банкъ; она не можетъ быть продана за личные долги, она не можетъ быть завѣщана иначе, какъ по обычаю.

Но, господа, что такое семейная собственность? Что такое она въ понятіяхъ тѣхъ лицъ, которыя ее защищаютъ и для чего она необходима? Ею, во-первыхъ, создаются извѣстныя ограниченія и ограниченія эти относятся не къ землѣ, а къ ея собственнику. Ограниченія эти весьма серьезны: владѣлецъ земли, по предложенію сторонниковъ семейной собственности, не можетъ безъ согласія членовъ семьи, безъ согласія дѣтей домохозяина, ни продать своего участка, ни заложить его, ни даже, кажется, закрѣпить его за собою, ни отвести надѣлъ къ одному мѣсту; онъ стѣсненъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Что же, господа, изъ этого можетъ выйти? Возьмемъ домохозяина, который хочетъ прикупить къ своему участку нѣкоторое количество земли; для того, чтобы заплатить верхи, онъ долженъ или продать часть своего надѣла, или продать весь надѣлъ, или заложить свою землю, или, наконецъ, занять деньги въ частныхъ рукахъ. И вотъ дѣло, для осуществленія котораго нужна единая воля, единое соображеніе, идетъ на судъ семьи и дѣти, его дѣти, могутъ разрушить зрѣлое, обдуманное, можетъ быть, долголѣтнее рѣшеніе своего отца.—И все это для того, чтобы создать какую то колективную волю! Какъ бы, господа, этимъ не наплодить не одну семейную драму. Мелкая семейная община грозитъ въ будущемъ и мелкою черезполосицею, а въ настоящую минуту она несомнѣнно будетъ парализовать и личную волю, и личную иниціативу поселянина.

Во имя чего все это дѣлается? Думаете ли этимъ оградить имущество дѣтей отцовъ пьяныхъ, расточительныхъ, или женившихся на вторыхъ женахъ? Вѣдь въ настоящее время община не обезпечиваетъ ихъ отъ раззоренія; и въ настоящее время, къ несчастью, и при общинѣ, народился сельскій пролетаріатъ: и въ настоящее время собственникъ надѣльнаго участка можетъ отказаться отъ него и за себя, и за своихъ совершеннолѣтнихъ сыновей. Нельзя создавать общій законъ ради исключительнаго уродливаго явленія, нельзя убивать этимъ кредитоспособность крестьянина, нельзя лишать его вѣры въ свои силы, надеждъ на лучшее будущее, нельзя ставить преграды обогащенію сильнаго для того, чтобы слабые раздѣлили съ нимъ его нищету.

Не разумнѣе ли идти по другому пути, который широко передъ вами развилъ предыдущій ораторъ гр. Бобринскій! Для уродливыхъ, исключительныхъ явленій надо создавать исключительные законы; надо развивать институтъ опеки за расточи-

тельность, который въ настоящее время нашъ Сенатъ признаетъ примѣнимымъ и къ лицамъ сельскаго состоянія. Надо продумать и выработать законъ о недробимости участковъ. Но главное, что необходимо, это — когда мы пишемъ законъ для всей страны—имѣть въ виду разумныхъ и сильныхъ, а не пьяныхъ и слабыхъ.

Господа, нужна вѣра. Была минута, и минута эта не далека, когда вѣра въ будущее Россіи была поколеблена, когда нарушены были многія понятія; не нарушена была въ эту минуту лишь вѣра Царя въ силу русскаго пахаря и русскаго крестьянина! Это было время не для колебаній, а для рѣшеній.

И вотъ въ эту тяжелую минуту Правительство приняло на себя большую отвѣтственность, проведя въ порядкѣ ст. 87 законъ 9 ноября 1906 г.: оно ставило ставку не на убогихъ и пьяныхъ, а на крѣпкихъ и сильныхъ. Таковыхъ въ короткое время оказалось около полумилліона домохозяевъ, закрѣпившихъ за собою болѣе 3.200.000 десятинъ земли. Не парализуйте, господа, дальнѣйшаго развитія этихъ людей и помните, законодательствуя, что такихъ людей, такихъ сильныхъ людей въ Россіи большинство.

Многихъ смущаетъ, господа, что противъ принципа личной собственности раздаются нападки и слѣва, и справа. Но лѣвые въ данномъ случаѣ идутъ противъ принциповъ разумной и настоящей свободы. Неужели не ясно, что кабала общины, гнетъ семейной собственности является для 90 милліоновъ населенія горькою неволею? Неужели забыто, что этотъ путь уже испробованъ, что колосальный опытъ опеки надъ громадной частью нашего населенія потерпѣлъ уже громадную неудачу. Нельзя, господа, возвращаться на этотъ путь, нельзя только на верхахъ развѣшивать флаги какой то мнимой свободы. Необходимо думать и о низахъ, нельзя уходить отъ черной работы, нельзя забывать, что мы призваны освободить народъ отъ нищенства, отъ невѣжества, отъ безправія.

И насколько, господа, нуженъ для переустройства нашего царства, переустройства его на крѣпкихъ монархическихъ устояхъ крѣпкій личный собственникъ, насколько онъ является преградой для развитія революціоннаго движенія, видно изъ трудовъ послѣдняго съѣзда соціалистовъ революціонеровъ, бывшаго въ Лондонѣ въ сентябрѣ настоящаго года.

Я позволю себѣ привести вамъ нѣкоторыя положенія этого съѣзда. Вотъ то, между прочимъ, что онъ постановилъ: „Правительство, подавивъ попытку открытаго возстанія и захвата земель въ деревнѣ, поставило себѣ цѣлью распылить крестьянство усиленнымъ насажденіемъ личной частной собственности или хуторскимъ хозяйствомъ. Всякій успѣхъ Правительства въ этомъ направленіи наноситъ серьезный ущербъ дѣлу революціи". Затѣмъ, дальше съ этой точки зрѣнія современное положеніе деревни прежде всего требуетъ со стороны партіи неуклонной

критики частной собственности на землю, критики, чуждой компромисовъ со всякими индивидуалистическими тяготѣніями". Поэтому сторонники семейной собственности и справа и слѣва, по мнѣ, глубоко ошибаются.

Нельзя, гг., идти въ бой, надѣвши на всѣхъ воиновъ бронью или заговоривъ всѣхъ ихъ отъ пораненій. Нельзя, господа, составлять законъ, исключительно имѣя въ виду слабыхъ и немощныхъ. Нѣтъ, въ міровой борьбѣ, въ соревнованіи народовъ почетное мѣсто могутъ занять только тѣ изъ нихъ, которые достигнутъ полнаго напряженія своей матеріальной и нравственной мощи. Поэтому, всѣ силы и законодателя, и Правительства должны быть обращены къ тому, чтобы поднять производительныя силы единственнаго источника нашего благосостоянія—земли. Примѣненіемъ къ ней личнаго труда, личной собственности, приложеніемъ къ ней всѣхъ, всѣхъ рѣшительно народныхъ силъ, необходимо поднять нашу обнищавшую, нашу слабую, нашу истощенную землю, такъ какъ земля—это залогъ нашей силы въ будущемъ, земля—это Россія.

Засѣданіе Г. Д 2/III 09 г. Отвѣтъ на запросъ объ Азефѣ.

Гг. члены Гос. Думы! Прежде, чѣмъ, Гос. Дума приметъ какое-либо рѣшеніе по заявленію объ азефскомъ дѣлѣ, я хочу подѣлиться съ вами тѣми свѣдѣніями, которыя Правительство по этому дѣлу имѣетъ. Несмотря на только что высказанныя соображенія, заявленіе по этому дѣлу представляется мнѣ недостаточно обоснованнымъ; данныя, на которыхъ построено заявленіе, противорѣчатъ тѣмъ матеріаламъ, которые имѣются въ распоряженіи Правительства Обвиненія, которыя вытекаютъ изъ запроса, раздались впервые и раздаются и теперь всего громче изъ революціоннаго лагеря. Поэтому я думаю, что Гос. Дума, выслушавъ меня, можетъ быть, найдетъ, что въ дѣйствіяхъ правительства нѣтъ основаній для запроса о дѣйствіяхъ незаконномѣрныхъ. Если, гг., я не выступилъ раньше, то потому, что возводились противъ Правительства голословныя обвиненія, я же хотѣлъ имѣть въ рукахъ хотя какія-нибудь данныя, противъ которыхъ могъ бы возражать, такъ какъ мнѣ казалось, что тѣ лица или партія, которыя подняли дѣло объ Азефѣ въ Гос. Думѣ, хотятъ поставить правительство въ положеніе невыгодное, сбить его на опредѣленную позицію, которая дала бы заявленіямъ правительства желательную для противниковъ его окраску. Эта позиція, это положеніе—положеніе стороны, стороны обороняющейся, ставъ на которую правительство едва ли могло бы освободить свои объясненія отъ полемическаго оттѣнка. Между тѣмъ, дѣло Азефа, дѣло весьма несложное; и для правительства, и для Гос. Думы единственно достойный, единственно выгодный вы-

ходъ изъ него—это путь самаго откровеннаго изложенія и оцѣнки фактовъ. Поэтому, гг., не ждите отъ меня горячей защитительной или обвинительной рѣчи, это только затемнило бы дѣло, придало бы ему вѣдомственный характеръ; отвѣчая же лично на этотъ вопросъ, я хотѣлъ бы освѣтить все это дѣло не съ вѣдомственной, не съ правительственной даже, а съ чисто государственной точки зрѣнія. Но, прежде чѣмъ перейти къ безпристрастному изложенію фактовъ, я долженъ установить смыслъ и значеніе, которое правительство придаетъ нѣкоторымъ терминамъ. Тутъ въ предыдущихъ рѣчахъ все время повторялись слова „провокаторъ", „провокація", и вотъ, чтобы въ дальнѣйшемъ не было никакихъ недоразумѣній, я долженъ теперь же выяснить, насколько различное пониманіе можетъ быть придано этимъ понятіямъ. По революціонной терминологіи всякое лицо, доставляющее свѣдѣнія правительству, есть провокаторъ; въ революціонной средѣ такое лицо не будетъ названо предателемъ или измѣнникомъ, оно будетъ объявлено провокаторомъ. Это пріемъ не безсознательный, это пріемъ для революціи весьма выгодный. Во-первыхъ, почти каждый революціонеръ, который улавливается въ преступныхъ дѣяніяхъ, обычно заявляетъ, что лицо, которое на него донесло, само провоцировало его на преступленіе, а во-вторыхъ, провокація сама по себѣ есть актъ настолько преступный, что для революціи не безвыгодно, съ точки зрѣнія общественной оцѣнки, подвести подъ это понятіе дѣйствія каждаго лица, соприкасающагося съ полиціей. А между тѣмъ, Правительство должно совершенно открыто заявить, что оно считаетъ провокаторомъ только такое лицо, которое само принимаетъ на себя иниціативу преступленія, вовлекая въ это преступленіе третьихъ лицъ, которыя вступили на этотъ путь по побужденію агента-провокатора. Такимъ образомъ, агентъ полиціи, который проникъ въ революціонную организацію и даетъ свѣдѣнія полиціи, или революціонеръ, освѣдомляющій Правительство или полицію, eo ipso еще не можетъ считаться провокаторомъ. Но если первый изъ нихъ, на ряду съ этимъ, не только для видимости, для сохраненія своего положенія въ партіи выказываетъ сочувствіе видамъ и задачамъ революціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ одновременно побуждаетъ кого-нибудь совершить преступленіе, то несомнѣнно, онъ будетъ провокаторомъ, а второй изъ нихъ, если онъ будетъ уловленъ въ томъ, что онъ играетъ двойную роль, что онъ въ части сообщалъ о преступленіяхъ революціонеровъ Правительству, а въ части самъ участвовалъ въ тѣхъ преступленіяхъ, несомнѣнно, уже станетъ тягчайшимъ уголовнымъ преступникомъ. Но тотъ сотрудникъ полиціи, который не подстрекаетъ никого на преступленіе, который и самъ не принимаетъ участія въ преступленіи, почитаться провокаторомъ не можетъ. Точно такъ же трудно допустить провокацію въ средѣ закоренѣлыхъ революціонеровъ, въ средѣ террористовъ, которые принимали сами участіе въ кровавомъ терорѣ и вовлекали

въ эти преступленія множество лицъ. Не странно ли говорить тоже о провоцированіи кѣмъ-либо такихъ лицъ, какъ Гершуни, Гоцъ, Савенковъ, Каляевъ, Швейцеръ и др.? Но смыслъ и выраженіе запроса не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Азефу приписывается провокація въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а также и активное, послѣдовательное участіе въ цѣломъ рядѣ преступленій чисто-государственныхъ.

Кто-же такой Азефъ? Я ни защищать, ни обвинять его не буду. Такой же сотрудникъ полиціи, какъ и многіе другіе, онъ надѣленъ въ настоящее время какими-то легендарными свойствами. Авторами запроса ему приписывается, съ одной стороны, желѣзная энергія и сила характера, при чемъ свѣдѣнія эти почерпнуты изъ замѣтки „Новаго Времени“, которой почему-то приписывается и придается чуть ли не оффиціозный характеръ. Съ другой стороны, ему приписывается цѣлый рядъ преступленій, почерпнутыхъ изъ источниковъ чистореволюціонныхъ. Правительство же, какъ я сказалъ, можетъ опираться только на фактическій матеріалъ, а считаться съ разговорами, которые, несомнѣнно, должны были создаться вокругъ такого дѣла, съ разговорами характера чисто-романическаго, фельетоннаго на тему „Тайны департамента полиціи“, оно, конечно, не можетъ. Поэтому, господа члены Государственной Думы, перейдемъ къ фактамъ, пересмотримъ данныя, внѣшнія данныя изъ жизни Азефа, прослѣдимъ по совѣту члена Государственной Думы Поровскаго революціонную карьеру Азефа, и, параллельно, его полицейскую карьеру и разсмотримъ его отношенія къ главнѣйшимъ террористическимъ событіямъ послѣдняго времени. По разслѣдованіи всего матеріала, имѣющагося въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, оказывается, что Азефъ въ 1892 г. живетъ въ Екатеринославлѣ, затѣмъ онъ переѣзжаетъ за-границу, въ Карлсруэ, кончаетъ тамъ курсъ наукъ со степенью инженера, въ 1899 г. переселяется въ Москву и остается тамъ до конца 1901 г. Послѣ этого онъ уѣзжаетъ заграницу, гдѣ и остается до послѣдняго времени, временами только наѣзжая въ Россію, о чемъ я буду говорить дальше. Отношенія его къ революціи, опять таки, конечно, по даннымъ департамента полиціи, таковы: въ 1892 г. онъ въ Екатеринославѣ принадлежитъ къ соціалъ-демократической организаціи, затѣмъ, переѣхавъ за-границу, вступаетъ въ ряды только что сформировавшагося въ то время союза россійскихъ соціалъ-революціонеровъ; затѣмъ въ Москвѣ онъ примыкаетъ къ московской революціонной организаціи, упрочиваетъ тамъ свои связи и сходится съ руководителемъ этой организаціи Аргуновымъ. Къ 1902 г., опять-таки, конечно, по даннымъ департамента полиціи, относится первое его знакомство съ Гершуни, Гоцемъ и Викторомъ Черновымъ. Это—люди революціоннаго центра. Первые двое играли главнѣйшую роль въ революціи—Гоцъ въ качествѣ инструктора, а Гершуни въ качествѣ организатора всѣхъ террористическихъ актовъ. Въ это время

вліяніе Азефа растетъ, растетъ именно благодаря этимъ вліятельнымъ знакомствамъ; въ это время онъ получаетъ и нѣкоторую случайную, но, благодаря именно этимъ связямъ, цѣнную для департамента полиціи освѣдомленность. Къ концу 1904 г. и относится вступленіе Азефа въ заграничный комитетъ партіи. Заграничный комитетъ не есть еще тотъ центральный комитетъ, который даетъ директивы и руководитъ всѣми дѣйствіями революціонеровъ. Въ это время, послѣ ареста въ 1903 году Гершуни, опять-таки по свѣдѣніямъ департамента полиціи, во главѣ боевого дѣла партіи находится Борисъ Савенковъ и только послѣ ареста Савенкова, съ 1906 г., Азефъ, уже въ качествѣ члена центральнаго комитета, подходитъ ближе къ боевому дѣлу и становится представителемъ этой организаціи центральнаго комитета. Такимъ образомъ, съ мая мѣсяца 1906 года, по свѣдѣніямъ департамента полиціи, Азефъ получаетъ полную освѣдомленность о всѣхъ террористическихъ предпріятіяхъ, а до того времени освѣдомленность его была случайная и далеко не полная. Свѣдѣнія эти основаны на донесеніяхъ самого Азефа, на донесеніяхъ завѣдующихъ розыскною частью и подверглись, конечно, и контрольной повѣркѣ. Такъ, въ 1905 г. въ нашу миссію въ Брюсселѣ является молодой человѣкъ, который заявляетъ, что онъ долженъ былъ совершить террористическій актъ, но онъ раскаялся и готовъ дать откровенныя показанія.

Оказалось, что это лицо предложило себя въ качествѣ исполнителя смертнаго приговора революціонной партіи, революціонерами было направлено въ Парижъ, вошло въ переговоры съ центральнымъ комитетомъ и переговаривалось тамъ съ Савенковымъ и Черновымъ, а Азефа не видѣло, что было бы, конечно, трудно допустимо, если Азефъ въ то время былъ бы уже членомъ центральнаго комитета. Затѣмъ, изъ данныхъ розыскныхъ органовъ, которые по обязанностямъ своимъ должны слѣдить за сотрудниками посредствомъ внутренней агентуры и посредствомъ наружнаго наблюденія, подтверждается только что мною описанное положеніе Азефа въ партіи. Такія же свѣдѣнія давали и другіе сотрудники, работавшіе параллельно въ партіи, какъ напримѣръ, упоминавшійся тутъ Татаровъ, впослѣдствіи убитый революціонерами. Опредѣливши все то, что знало Министерство объ отношеніи Азефа къ революціи, позвольте мнѣ перейти къ отношенію его къ полиціи.

Въ число сотрудниковъ Азефъ былъ принятъ еще въ 1892 г. Онъ давалъ сначала показанія департаменту полиціи, затѣмъ, когда пріѣхалъ въ Москву, поступилъ въ распоряженіе начальника охраннаго отдѣленія, но посылалъ свои донесенія и непосредственно завѣдывающему особымъ отдѣломъ департамента полиціи Ратаеву; затѣмъ, переѣхалъ во второй разъ за-границу, опять давалъ свѣдѣнія непосредственно департаменту полиціи, а когда назначенъ былъ директоромъ департамента Лопухинъ, то переѣхалъ въ Петербургъ и оставался въ Петербургѣ до

1903 г. Затѣмъ, изъ-за границы сносился опять съ департаментомъ. Въ 1905 г. поступилъ въ распоряженіе къ только что тутъ упоминавшемуся Рачковскому, который въ то время завѣдывалъ политическимъ отдѣломъ; въ концѣ 1905 г. Азефъ отошелъ временно отъ агентуры и затѣмъ работалъ въ петербургскомъ охранномъ отдѣленіи. Конечно, временами, когда Азефа начинали подозрѣвать въ партіи или послѣ крупныхъ арестовъ, которые колебали его положеніе, онъ временно отходилъ отъ агентуры, но потомъ опять приближался къ ней.

Вотъ, гг., послѣ выясненія отношенія Азефа къ службѣ розыска и къ революціи, позвольте мнѣ перейти къ террористическимъ актамъ того времени для того, чтобы выяснить, какъ понималъ департаментъ, какъ понимало Министерство отношеніе его къ этимъ актамъ. Но прежде позвольте мнѣ установить одно обстоятельство: во всѣхъ, выдвигаемыхъ противъ Азефа, обвиненіяхъ его имя связывалось съ именемъ Рачковскаго. Такъ вотъ, я хотѣлъ выяснить, какъ тутъ, впрочемъ, и говорилось,— что Рачковскій до 1902 г. дѣйствительно завѣдывалъ особымъ отдѣломъ департамента, но въ 1902 г. онъ вышелъ въ отставку и былъ въ отставкѣ до 1905 г. Въ этомъ году генералъ Треповъ былъ назначенъ петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, и Рачковскій былъ снова принятъ на службу, зачисленъ чиновникомъ особыхъ порученій и откомандированъ въ его распоряженіе. Когда генералъ Треповъ сталъ Товарищемъ Министра, завѣдывающимъ полиціей, то онъ поручилъ Рачковскому управленіе политическимъ отдѣломъ департамента полиціи, которымъ онъ и завѣдывалъ до конца 1905 года, а затѣмъ, съ 1906 года, какъ я говорилъ въ первой Думѣ, Рачковскій уже никакихъ порученій, никакихъ обязанностей по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ не исполнялъ. Я не знаю, почему чл. Гос. Думы Пергаментъ нашелъ какое то противорѣчіе въ этомъ заявленіи съ правительственнымъ сообщеніемъ. Въ правительственномъ сообщеніи говорится, что никто изъ должностныхъ лицъ. а въ томъ числѣ указанный въ газетныхъ статьяхъ д. с. с. Рачковскій и другіе чины никогда и ни въ какой мѣрѣ не были прикосновенны къ террористическимъ актамъ и инымъ преступнымъ предпріятіямъ революціонеровъ. Несомнѣнно, что это относится къ тому времени, когда Рачковскій исполнялъ активныя порученія по департаменту полиціи, а никакъ не къ настоящему времени. Такимъ образомъ, съ 1902 по 1905 гг., т. е. за время наиболѣе активной дѣятельности Азефа, Рачковскій находился въ отставкѣ. Возвращаясь къ террористическимъ актамъ, позвольте мнѣ обратить ваше вниманіе на нѣкоторые выводы, которые вытекаютъ изъ изученія вообще исторіи терроризма за послѣдніе годы въ Россіи. Слѣдствія, дознанія, всѣ данныя департамента полиціи съ большой яркостью указываютъ на то, что главари революціонныхъ организацій для того, чтобы укрѣпить волю лица, непосредственнно исполняющаго террористическій актъ, для того,

чтобы поднять его духъ, всегда сами находятся на мѣстѣ преступленія. Такъ, Гершуни былъ на Исаакіевской площади во время убійства егермейстера Сипягина. Онъ былъ на Невскомъ, рядомъ съ поручикомъ Григорьевымъ во время неудачнаго посягательства на оберъ-прокурора Побѣдоносцева. Онъ былъ въ Уфѣ во время убійства губернатора Богдановича; онъ сидѣлъ въ саду „Тиволи“ въ Харьковѣ во время покушенія Ѳомы Качура на князя Оболенскаго и даже подтолкнулъ его, когда замѣтилъ въ послѣднюю минуту съ его стороны колебаніе.

Точно также Борисъ Савенковъ во время убійства Статсъ-Секретаря Плеве и Великаго Князя Сергія Александровича, во время замышлявшагося покушенія на генерала Трепова и во время метанія бомбъ въ Севастополѣ на Соборной площади въ генерала Неплюева, былъ на мѣстѣ преступленія. Поэтому, изучая отношенія Азефа къ преступнымъ дѣяніямъ, необходимо наряду съ другими обстоятельствами имѣть въ виду и этотъ террористическій пріемъ, обычный, и очевидно, свойственный руководителямъ террористическихъ актовъ въ Россіи. Я опускаю терорристическую лѣтопись 1902 года, т. е. убійство егермейстера Сипягина и посягательство на Побѣдоносцева, такъ какъ эти дѣйствія не инкриминируются Азефу. Я голько хочу напомнить, что къ этому 1902 г. относится первоначальное знакомство Азефа съ Гершуни и тогда же немедленно Азефъ сообщаетъ Департаменту полиціи о преобладающей роли нѣкоего Гранина, того же Гершуни, въ революціонныхъ организаціяхъ, а затѣмъ изобличаетъ всю подавляющую роль Гершуни въ террористическихъ дѣйствіяхъ Россіи за эти годы. Изученіе, процесовъ Ѳомы Качуры и Григорьева даетъ богатый матеріалъ для исторіи русской революціи этого времени. Показанія этихъ лицъ указываютъ то значеніе, которое имѣли въ революціи, въ подготовкѣ всѣхъ террористическихъ актовъ, Гершуни и Мельниковъ. Азефъ въ это время только случайно, черезъ фельдшерицу Ременникову, узнаетъ подробности посягательства на Побѣдоносцева и сообщаетъ о нихъ департаменту полиціи. За это же время изъ переписки о выдачѣ террориста Гоца изъ Неаполя и изъ переписки послѣдняго съ Гершуни точно также обрисовывается главенствующая дѣятельность Гершуни и Мельникова. Изъ этой переписки ясно, какъ возникаетъ первоначально мысль объ убійствѣ Статсъ-Секретаря Плеве; въ этой перепискѣ имѣется характерная фраза о просьбѣ Мельникова прислать бомбъ: „Петя проситъ апельсиновъ“. 1902 г. ознаменовывается убійствомъ въ Уфѣ губернатора Богдановича, въ этомъ убійствѣ уличается Гершуни. Азефъ находится безвыѣздно въ Петербургѣ. За это же время открываетсяи предупреждается цѣлый рядъ другихъ террористическихъ актовъ и назрѣваетъ убійство Статсъ-Секретаря Плеве, которое приписывается здѣсь Азефу, несмотря на то, что онъ только что передъ этимъ раскрылъ покушеніе на того же Статсъ-Секретаря Плеве со стороны нѣкой Клитчоглу. Я повторяю, что

ни защищать, ни обвинять Азефа я не намѣренъ. Я передаю только тѣ данныя, которыя имѣются въ распоряженіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Поэтому, чтобы безпристрастно отнестись къ роли Азефа, надо, какъ мнѣ кажется, поставить себѣ 4 вопроса: во-первыхъ, гдѣ былъ Азефъ въ это время; во-вторыхъ какое положеніе было его въ партіи; въ-третьихъ, какія свѣдѣнія и данныя сообщалъ онъ за это время полиціи и затѣмъ, провѣряла ли полиція, департаментъ—на это, кажется, тутъ кто то и указалъ, дѣятельность своихъ сотрудниковъ послѣ совершенія этихъ террористическихъ актовъ. Я на этомъ актѣ останавливаюсь особенно долго потому, что Азефъ именно былъ въ это время въ Россіи, иначе мнѣ достаточно было бы сопоставить положеніе Азефа въ партіи и освѣдомленность его съ самымъ совершеніемъ акта. Но Азефъ былъ въ это время въ Россіи, и по тѣмъ даннымъ, о которыхъ я раньше сообщилъ, еще близко къ боевому дѣлу не стоялъ, а зналъ только то, что могли сообщить ему сильно законспирированные центровики. Гдѣ былъ Азефъ—это удостовѣряется его письменными донесеніями изъ разныхъ городовъ Россіи, такъ что по числамъ можно совершенно ясно установить, въ какомъ городѣ когда онъ былъ. Я долженъ сказать, что онъ ѣздилъ въ это время въ Уфу и имѣлъ тамъ свиданіе съ братомъ Сазонова, Изотомъ, сообщалъ о томъ, что Изотъ не имѣетъ свѣдѣній о своемъ братѣ Егорѣ, бѣжавшемъ изъ тюрьмы и готовящемъ что то чрезвычайно важное. Затѣмъ, 4 іюня Азефъ появляется въ С.-Петербургѣ и открываетъ департаменту полиціи, что лицо, погибшее во время взрыва въ Сѣверной гостинницѣ, во время приготовленія бомбъ, очевидно, для покушенія на Статсъ-Секретаря Плеве, былъ нѣкто Покатиловъ, что соучастники его находятся въ Одессѣ и въ Полтавѣ. Послѣ этого онъ немедленно ѣдетъ въ Одессу, откуда сообщаетъ, что готовится покушеніе на статсъ-секретаря Плеве, что оно отложено только потому, что не приготовлены бомбы. Примѣрно, черезъ мѣсяцъ послѣ этого, Плеве погибаетъ отъ руки именно Егора Сазонова посредствомъ брошеннаго имъ разрывного снаряда. Въ это время, однако, Азефа въ Россіи уже нѣтъ, такъ какъ отъ 16 іюля имѣется телеграма его изъ Вѣны. Послѣ такого потрясающаго преступленія, какъ удавшееся покушеніе на Министра Внутреннихъ Дѣлъ, департаментъ полиціи, конечно, разслѣдовалъ, что дѣлалъ въ это время его сотрудникъ. Директоръ департамента Лопухинъ выписываетъ завѣдывающаго агентурою Ратаева изъ-за границы, разслѣдываетъ все дѣло и оставляетъ Азефа на службѣ, на которой онъ и находится за все время директорства Лопухина. Вотъ тѣ внѣшнія свѣдѣнія, которыя имѣются въ департаментѣ полиціи по дѣлу Статсъ-Секретаря Плеве. Немедленно послѣ этого Азефъ посылаетъ чрезвычайно цѣнныя и важныя донесенія, которыя ведутъ къ раскрытію цѣлаго ряда преступныхъ замысловъ, но наряду съ этимъ онъ даетъ и менѣе важныя свѣдѣнія, т. е. такія, на которыя въ это время мало

обращали вниманія. Онъ сообщаетъ, напримѣръ, о конгрессѣ революціонеровъ въ Парижѣ, рѣшившемъ собрать въ Парижѣ конференцію всѣхъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ партій. Эта конференція состоялась между 17—24 сентября. и согласно донесенію Азефа на ней были отъ революціонеровъ — онъ и Черновъ, а отъ конституціоналистовъ—Петръ Струве, Богучарскій, кн. Долгоруковъ и Павелъ Милюковъ. 5 февраля 1905 г. совершается въ Москвѣ убійство Великаго Князя Сергія Александровича и подготовляется въ Петербургѣ покушеніе на генерала Трепова. Опять таки по тому положенію, которое по свѣдѣніямъ департамента полиціи занималъ Азефъ въ партіи, отъ него можно было бы ожидать донесеній болѣе подробныхъ по этому дѣлу, если бы онъ былъ въ это время въ Россіи и имѣлъ бы возможность эти свѣдѣнія достать отъ тѣхъ лицъ, которыя конспиративно вели это боевое дѣло. Дѣло объ убійствѣ Великаго Князя съ полною ясностью освѣщено какъ судебнымъ слѣдствіемъ, судебнымъ процесомъ, такъ и литературой по дѣлу, особенно изданіями подпольными. Но до настоящаго времени мы нигдѣ не встрѣчали имени Азефа въ рядахъ соучастниковъ этого преступленія. Дѣло это совершено Каляевымъ, организовано Борисомъ Савенковымъ, участвовала въ немъ еще Роза Брилліантъ. Азефъ же находлся въ это время за границей по документальнымъ даннымъ департамента полиціи, до покушенія онъ былъ въ Парижѣ, 3 февраля былъ въ Женевѣ, въ Швейцаріи и непосредственно послѣ этого находился во Франціи, въ Парижѣ. Что же касается покушенія на генерала Трепова, то оно было раскрыто Татариновымъ, который далъ имена всѣхъ организаторовъ покушенія, но не называетъ между ними Азефа, хотя о роли этого сотрудника департамента полиціи онъ, конечно, не зналъ; наоборотъ, Азефъ сообщаетъ дополнительныя данныя по этому дѣлу. Въ одномъ изъ заявленій сказано, что въ это же время былъ направленъ революціонный отрядъ въ Кіевъ для убійства генералъ-адъютанта Клейгельса. Объ этомъ ни въ департаментѣ полиціи, ни въ охранномъ отдѣленіи никакихъ свѣдѣній нѣтъ.

Были свѣдѣнія въ охранномъ отдѣленіи о томъ, что въ Кіевѣ дѣйствовала мѣстная дружина, которая была извѣстна охранному отдѣленію и которая была вся своевременно ликвидирована. Другихъ покушеній въ Кіевѣ за это время не было, но вотъ наступаетъ 1906 годъ, арестуется Борисъ Савенковъ, и тутъ какъ я уже говорилъ, Азефъ становится близко къ боевому дѣлу въ качествѣ представителя центральнаго комитета въ боевой организаціи. Интересна дальнѣйшая его роль. Я утверждаю, что съ того времени всѣ революціонныя покушенія, всѣ замыслы центральнаго комитета разстраиваются, и ни одно изъ нихъ не получаетъ осуществленія. Указаніе въ запросѣ на покушеніе на Министра Внутреннихъ Дѣлъ Дурново неосновательно, такъ какъ оно, собственно говоря, и открыто съ участіемъ Азефа. Затѣмъ дальше идетъ поражающій рядъ преступленій: покушеніе на Ду-

басова, взрывъ на Аптекарскомъ островѣ, ограбленіе въ Фонарномъ переулкѣ, убійство Мина, убійство Павлова, убійство гр. Игнатьева, Лауница. Максимовскаго, но всѣ эти преступленія удаются благодаря тому, что они являются дѣломъ совершенно автономныхъ, совершенно самостоятеляныхъ организацій, неимѣющихъ ничего общаго съ центральнымъ комитетомъ. Это удостовѣрено и процессами, это удостовѣряется и данными изъ революціонныхъ источниковъ. Органъ соц.-рев, въ № 4 „Революціонной Мысли" за 1909 г. указываетъ. на „полное безсиліе партіи въ смыслѣ боевой дѣятельности" въ такіе рѣшительные моменты, какъ конецъ 1905 г. и кровавый періодъ, послѣдующій за разгономъ первой Думы, каковыя данныя свидѣтельствовали, что въ центрѣ партіи существовала измѣна, сознательно парализующая всѣ усилія партіи въ сторону широкаго террора.

Успѣшно работали только боевые летучіе отряды, особенно сѣзерные; но удачная ихъ работа объясняется только тѣмъ, что они были автономными, не связанными съ центромъ партіи. Замыслы ихъ не могли поэтому быть извѣстны центральному органу. Я говорю, что это подтверждается и всѣми процессами того времени. Всѣ эти покушенія—дѣло максималистовъ, летучихъ отрядовъ, дружинъ и тому подобныхъ организацій. Повторяю, что всѣ покушенія, всѣ замыслы центральныхъ организацій того времени не приводятъ уже ни къ чему, разстраиваются и своевременно разоблачаются. Тутъ упомянуто было о террористическомъ замыслѣ въ 1908 г. на Священную Особу Государя Императора. Я удостовѣряю, что это принадлежитъ къ области вымысла и, очевидно, центральный комитетъ распускалъ эти слухи для того, чтобы оправдать этимъ свою бездѣятельность въ глазахъ революціонныхъ партій. Вотъ, господа. все, что по даннымъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ извѣстно объ Азефѣ. Я изучалъ подробно это дѣло, такъ какъ меня интересовало, нѣтъ ли въ немъ дѣйствительно уликъ въ соучастіи въ преступленіяхъ, въ попустительствѣ или въ небрежности органовъ Правительства, Я этихъ данныхъ, указаній и уликъ не нашелъ. Что касается Азефа, то я опять таки повторяю, что я не являюсь тутъ его защитникомъ, и что все, что я зналъ о немъ, я вамъ сказалъ. Обстоятельствъ, уличающихъ его въ соучастіи въ какихъ либо преступленіяхъ, я, пока мнѣ не дадутъ другихъ данныхъ, не нахожу.

Въ этомъ дѣлѣ для Правительства нужна только правда, и, дѣйствительно, ни одна изъ альтернативъ въ этомъ дѣлѣ не можетъ быть для Правительства опасна. Возьмите, гг., что Азефъ сообщалъ только обрывки свѣдѣній Департаменту полиціи, а одновременно участвовалъ въ террористическихъ актахъ; это доказывало-бы только полную несостоятельность постановки дѣла розыска въ Имперіи и необходимость его улучшить. Но пойдемъ дальше. Допустимъ, что Азефъ, по наущенію правительственныхъ лицъ, направлялъ удары революціонеровъ на лицъ, не угодныхъ

администраціи, Но, господа, или Правительство состоитъ сплошь изъ шайки убійцъ, или единственный, возможный при этомъ выходъ—обнаруженіе преступленія. И я васъ увѣряю, что если-бы у меня были какія-либо данныя, если были-бы какія-либо къ тому основанія, то виновный былъ-бы задержанъ, кто-бы онъ ни былъ. Наконецъ, если допустить, что Азефъ сообщалъ Департаменту полиціи все то, что онъ зналъ, то окажется, что одинъ изъ вожаковъ, одинъ изъ главарей революціи былъ, собственно, не революціонеромъ, не провокаторомъ. а сотрудникомъ департамента полиціи, а это было-бы, конечно, очень печально и тяжело, но никакъ не для Правительства, а для революціонной партіи. Поэтому, я думаю, что, насколько правительству полезенъ въ этомъ дѣлѣ свѣтъ, насколько-же для революціи необходима тьма. Вообразите, господа, весь ужасъ увлеченнаго на преступный путь, но идейнаго, готоваго жертвовать собой, молодого человѣка или дѣвушки, когда передъ ними обнаружится вся грязь верховъ революціи. Не выгоднѣе-ли революціи распускать чудовищные, легендарные слухи о преступленіяхъ Правительства, переложить на Правительство весь одіумъ дѣла, обвинить его агентовъ въ преступныхъ происках, которые деморализуютъ и членовъ революціонныхъ партій, и самую революцію. Вѣдь легковѣрные люди найдутся всегда. Я беру, какъ примѣръ, печатающіяся теперь въ газетѣ „Matin“ разоблаченія Бакая, теперешняго революціонера и бывшаго сотрудника департамента полиціи.

Я недавно получилъ отъ Бакая письмо. Онъ проситъ меня ознакомиться съ тѣми документами, которые были задержаны при немъ во время обыска 1907 г., и предлагаетъ вернуться въ Петербургъ для того, чтобы помочь дальнѣйшимъ разоблаченіямъ, Документы эти, видимо, готовились также для прессы, они почти тождественны съ тѣми, что печатаются въ „Matin“, но, конечно, составлены въ гораздо болѣе скромномъ масштабѣ, въ „Matin“ они раздуты и разукрашены. Относятся они къ 1905 г., скорѣе къ сыскному отдѣленію, чѣмъ къ охранному, ко времени апогея революціи въ Варшавѣ. Я долженъ сказать, что въ свое время нѣкоторыя свѣдѣнія по этому дѣлу проникли въ печать, и я года полтора тому назадъ приказалъ полностью разслѣдовать все это дѣло и долженъ удостовѣрить, что все то, что Бакай говоритъ, есть по большей части сплошной вымыселъ, напримѣръ, его разсказъ про Щигельскаго, который былъ здѣсь упомянутъ, и о томъ, что прокуроръ хотѣлъ привлечь его къ отвѣтственности—не соотвѣтствуетъ истинѣ. Точно также невѣрны только что здѣсь оповѣщенныя съ трибуны свѣдѣнія о томъ, что какое-то лицо, приговореннсе къ смертной казни, состоитъ начальникомъ охраннаго отдѣленія въ Радомѣ. Я долженъ заявить, что это не только не такъ, но въ Радомѣ нѣтъ и охраннаго отдѣленія. Такимъ образомъ, очевидно, не безвыгодно продолжать распускать нелѣпые слухи про администрацію, такъ какъ посред-

ствомъ такого рода слуховъ, посредствомъ обвиненія Правительства можно достигнуть многаго, можно переложить, напримѣръ, отвѣтственность за непорядки въ революціи на Правительство. Можно, господа, этимъ путемъ достигнуть можетъ быть упраздненія совершенно секретной агентуры, упраздненіе чуть ли не департамента полиціи. Эту ноту я и подмѣтилъ въ рѣчахъ предыдущихъ ораторовъ, надежду на то, что само наивное Правительство можетъ помочь уничтожить преграды для дальнѣйшаго побѣдоноснаго шествія революціи. И дѣло Азефа, скандалъ Азефа послужилъ такимъ образомъ admajorem gloriam революціи.

А насколько, гг., такого рода секретная агентура губительна для революціи, насколько она въ революціонное время необходима Правительству, позвольте мнѣ объяснить словами того же Бакая, Позвольте мнѣ подѣлиться нѣкоторыми размышленіями Бакая напечатанными въ послѣднемъ номерѣ журнала „Былое“, Бакай въ этомъ номерѣ сообщаетъ, что когда въ концѣ 1904 г. въ заговорщицко-боевой отдѣлъ польской соціалистической партіи вошли два провокатора, то отдѣлу въ теченіе почти цѣлаго года не удалось, несмотря на всѣ усилія, убить варшавскаго генералъ-губернатора, двухъ приставовъ и освободить одного арестованнаго, причемъ всѣ планы террористовъ рушились, и почти вся группа была арестована. А съ конца 1905 г. въ боевой организаціи, такъ называемыхъ, провокаторовъ уже не было, тогда за годъ ограблены опатовское, либартское и мазавецкое казначейства на сумму болѣе полумилліона рублей, совершены экспропріаціи на сумму около 200,000 руб., убиты: военный генералъ-губернаторъ, помощникъ генералъ-губернатора, одинъ полковникъ, два подполковника, два помощника пристава, воинскихъ чиновъ 20, жандармовъ—7, полицейскихъ—56; ранено военныхъ—42, жандармовъ—12, полицейскихъ—42, а всего 179 человѣкъ; произведено 10 взрывовъ бомбъ, при чемъ убито 8 и ранено 50 лицъ; разгромлено и ограблено—149 казенныхъ винныхъ лавокъ. Эта справка дается не казенной статистикой, и видно, что, такъ называемая, нынѣ упоминаемая провокація Правительства, т. е. я думаю правильная агентура производитъ скорѣе къ сокращенію преступленій, а не къ ихъ увеличенію. Но во всякомъ случаѣ, изъ всего этого видно, что единственно возможный выходъ для революціи изъ азефскаго скандала—это, конечно, встрѣчный искъ Правительству, предъявленіе къ нему обвиненія въ тягатяйшихъ преступленіяхъ.

Я, гг., указалъ на обвиненіе, мнѣ остается указать на обвинителей. Ихъ трое: первый изъ нихъ тотъ самый Бакай, о которомъ я только что сообщалъ. Бывшій фельдшеръ Михаилъ Ефимовичъ Бакай въ 1900 г. собственноручно подалъ докладную записку въ Екатеринославское охранное отдѣленіе о своемъ желаніи поступить сотрудникомъ въ охрану. Сначала въ Екатеринославѣ онъ открылъ революціонную, а отчасти и боевую организацію, обнаружилъ типографію въ Черниговѣ, а затѣмъ раскрылъ

цѣлую группу революціонеровъ, арестованныхъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи. Послѣ этого въ революціонной партіи послѣдовалъ такъ называемый его провалъ; онъ оказался провокаторомъ и вслѣдствіе этого онъ долженъ былъ быть переведенъ въ Варшаву, гдѣ помогаетъ раскрытію польской соц.-рев. организаціи, предупреждаетъ покушеніе на генерала-адъютанта Скалона и даже чуть не погибаетъ при задержаніи преступника, который долженъ былъ бросить въ генерала разрывной снарядъ. Но одновременно съ этимъ въ охранномъ отдѣленіи возникаетъ противъ Бакая подозрѣніе. Дѣло въ томъ, что обнаружилась продѣлка двухъ евреевъ, нѣкіихъ Зегельберга и Пинкерта, которые черезъ, очевидно, весьма освѣдомленное въ охранномъ отдѣленіи лицо узнаютъ о тѣхъ дѣлахъ, которыя направляются къ прекращенію, и соображая, какія лица должны быть скоро освобождены изъ-подъ ареста, начинаютъ вымогать у родственниковъ этихъ лицъ крупныя суммы денегъ якобы за ихъ освобожденіе.

Таинственныя сношенія Бакая съ этими лицами заставили охранное отдѣленіе немедленно и категорически потребовать отъ него подачи его въ отставку, чему Бакай немедленно и молчаливо подчинился, хотя передъ этимъ онъ усиленно просилъ о переводѣ его въ Петербургъ, мотивируя это тѣмъ, что онъ въ Варшавѣ участвовалъ во многихъ политическихъ процессахъ которые кончались смертными приговорами, и потому пребываніе его тамъ не безопасно. Послѣ отставки Бакай немедленно передается на сторону революціонеровъ, даетъ революціонерамъ секретные документы, улавливается на этомъ, ссылается въ Сибирь, бѣжитъ заграницу и уѣзжаетъ въ Парижъ, гдѣ и теперь занимается тѣмъ, что обнаруживаетъ бывшихъ своихъ сотрудниковъ и даетъ въ подпольную прессу секретные документы и свои измышленія; кромѣ того онъ старается письменно совратить въ революцію и своихъ прежнихъ товарищей, сотрудниковъ Департамента Полиціи. Вотъ вамъ, гг., фигура одного изъ видныхъ парижскихъ дѣлателей русской революціи. Второй обвинитель — Бурцевъ. Онъ съ 23-лѣтняго возраста принадлежитъ къ партіи народной воли, обвиняется въ этомъ, ссылается также въ Сибирь, точно также бѣжитъ и проживаетъ послѣ этого въ Швейцаріи, Болгаріи, Англіи и Франціи. Революціонная вѣра Бурцева —сплошной терроръ; убійства, цареубійства, тероръ посредствомъ разрывныхъ бомбъ—вотъ проповѣдь Бурцева. Гг.! Я не хочу быть голословнымъ, я опять таки говорю, что основываюсь исключительно на фактическомъ матеріалѣ: вѣдь самыми свободолюбивыми странами кажется считаются Англія и Швейцарія— обѣ эти страны признали Бурцева преступнымъ.

Въ Англіи, когда Бурцевъ началъ издавать свой журналъ „Народоволецъ“, началъ проповѣдывать цареубійство, терроръ, онъ былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности, и въ 1898 г. центральнымъ уголовнымъ судомъ былъ осужденъ на 18 мѣся-

цевъ принудительныхъ работъ. Отбывъ ихъ, онъ отправился въ Швейцарію, гдѣ сначала издалъ брошюру „Долой Царя", а затѣмъ книжечку своего собственнаго сочиненія „Къ оружію", и за проповѣдь анархизма и терроризма швейцарскимъ правительствомъ былъ высланъ изъ предѣловъ Швейцаріи. Третій обвинитель – Лопухинъ—бывшій директоръ Департамента Полиціи. Въ настоящее время Лопухинъ привлеченъ къ слѣдствію по обвиненію въ пособничествѣ партіи соціалистовъ-революціонеровъ выразившимся въ томъ, что онъ обнаружилъ партіи службу Азефа дѣлу розыска. Данныя предварительнаго слѣдствія, не опровергаемыя и самимъ Лопухинымъ... Виноватъ: я слышу тутъ —не подлежатъ оглашенію. Я считаю, что, какъ лицо, стоящее во главѣ Правительства, я имѣю право разсматривать данныя предварительнаго слѣдствія, и разъ онѣ судебною властью не признаны въ настоящее время секретными, я могу ими воспользоваться, и сообщить ихъ представительному собранію. Поэтому я и говорю—по даннымъ предварительнаго слѣдствія, не опровергаемымъ самимъ Лопухинымъ, осенью минувшаго года во время случайной, будто бы, встрѣчи его съ Бурцевымъ въ Германіи, а затѣмъ во время посѣщенія его, Лопухина, 10 декабря минувшаго года, въ Лондонѣ въ гостинницѣ тремя террористами —Савенковымъ, Аргуновымъ и Черновымъ, онъ подтвердилъ имъ, что Азефъ былъ сотрудникомъ Департамента Полиціи. Я, господа, упоминаю объ этомъ не для того, чтобы оцѣнивать поступокъ Лопухина, его оцѣнитъ нелицепріятный судъ. Если бы Правительство не довело этого дѣла до суда, если бы оно терпимо отнеслось къ сношеніямъ бывшихъ высшихъ административныхъ лицъ съ революціонерами, съ проповѣдниками террора, съ участниками даже кроваваго террора, къ разоблаченіямъ этихъ бывшихъ сановниковъ, хранителей государственныхъ тайнъ, предъ революціоннымъ трибуналомъ, то это знаменовало бы не только боязнь передъ разоблаченіями, не только трусливую робость передъ свѣтомъ гласности, а полный развалъ государственности. Но я не берусь объяснить вамъ, господа, почему Лопухинъ сдѣлалъ то, что онъ сдѣлалъ; мнѣ нужно было знать другое, а именно, не обладалъ ли онъ свѣдѣніями о преступности Азефа, о соучастіи его въ террористическихъ дѣяніяхъ. Съ этой точки зрѣнія, я и разсматривалъ слѣдственный матеріалъ, и могу утвердительно сказать, что Лопухинъ этими данными не обладалъ, что онъ о преступныхъ дѣяніяхъ Азефа въ этомъ смыслѣ ничего революціонерамъ не сообщалъ, а напротивъ, представители революціонныхъ партій сообщили Лопухину, якобы, объ активномъ даже соучастіи Азефа въ убійствѣ Великаго Князя, въ убійствѣ Статсъ-Секретаря Плеве и въ подготовленіи Цареубійства.

Такимъ образомъ, выходитъ, что революціонеръ, убѣжденный проповѣдникъ террора, разоблачаетъ передъ бывшимъ директоромъ Департамента Полиціи бывшаго его сотрудника, не сообщая

ему при томъ никакихъ фактовъ въ подтвержденіе, такъ какъ Бурцевъ указалъ Лопухину, что у него есть много источниковъ для уликъ противъ Азефа, но сообщилъ ему только объ одномъ —о показаніяхъ Бакая, а бывшій директоръ Департамента Полиціи, на основаніи этихъ данныхъ, предаетъ революціонерамъ бывшаго сотрудника Департамента Полиціи, яко-бы опасаясь дальнѣйшей его вредной дѣятельности. Я полагаю, что факты и свѣдѣнія, могущіе предотвратить такого рода несчастіе, скорѣе умѣстны въ рукахъ Правительства, чѣмъ въ рукахъ террористовъ, и поэтому рѣшилъ, что если были такія данныя, то пусть на нихъ прольетъ свѣтъ процессъ Лопухина; но, видимо, и этотъ процессъ дастъ только тѣ голословныя данныя, которыя оглашаются уже теперь заграничною прессою. Какіе же, господа, изъ всего этого выводы? Выводъ первый, о которомъ я упомянулъ, что у меня въ настоящее время нѣтъ никакихъ данныхъ для обвиненія должностныхъ лицъ въ какихъ-либо преступныхъ или незакономѣрныхъ дѣяніяхъ. Въ настоящее время у меня нѣтъ въ рукахъ и данныхъ для обвиненія Азефа въ такъ называемой провокаціи. Второй выводъ, выводъ печальный, но неизбѣжный, — что покуда существуетъ революціонный терроръ, долженъ существовать и полицейскій розыскъ. Познакомьтесь, господа, съ революціонной литературой, прочтите строки, поучающія о томъ, какъ надо бороться посредствомъ террора, посредствомъ бомбъ, при чемъ рекомендуется, чтобы бомбы эти были чугунныя, для того, чтобы было больше осколковъ или чтобы онѣ были начинены гвоздями. Ознакомьтесь съ проповѣдями цареубійствъ.

Ознакомьтесь съ проповѣдью, съ горячей проповѣдью о необходимости продолженія террора, каковая резолюція была еще принята партіей революціонеровъ въ Лондонѣ въ 1908 г., и которая принята теперь группой парижскихъ революціонеровъ уже послѣ бѣгства Азефа, и скажите, гг., можетъ ли Правительство по совѣсти удовольствоваться только внѣшней, наружной охраной, или на его отвѣтственности, на его совѣсти, лежитъ охранять и Государя и государственность другими путями, путями внутренняго освѣщенія. Я знаю, мнѣ скажутъ: этотъ путь опасенъ; это путь, который влечетъ и къ превышенію власти, и къ провокаціи. Я, гг., не буду утомлять ваше вниманіе перечисленіемъ ряда инструкцій, циркуляровъ, которые даны были мною по полиціи для предупрежденія такихъ явленій; не буду указывать на то, что въ настоящее время усердно работаетъ комиссія подъ предсѣдательствомъ Государственнаго Секретаря Макарова по больному для насъ вопросу о реформѣ полиціи. Напомню только, что всѣ тѣ случаи провокаціи, которые доходили до Правительства, подвергались судебному разслѣдованію. Вѣдь недавно еще жандармскій офицеръ осужденъ къ арестантскимъ отдѣленіямъ; недавно еще въ Калугѣ сотрудникъ Департамента Полиціи былъ преданъ суду, несмотря на то, что онъ

угрожалъ, что откроетъ всѣхъ остальныхъ сотрудниковъ и всѣ извѣстныя тайны, точно также и въ Пензѣ сотрудникъ преданъ суду, несмотря на то, что онъ въ прежнее время оказалъ цѣнныя услуги Департаменту Полиціи. Я пойду дальше, гг., и скажу, что хотя въ настоящемъ случаѣ я разслѣдовалъ добросовѣстно дѣло и не нашелъ слѣдовъ провокаціи, но въ такомъ дѣлѣ злоупотребленія и провокація возможны и напрасно ссылаются на мою рѣчь въ первой Гос. Думѣ.

Я говорилъ тогда, что правительство, пока я стою во главѣ его, никогда не будетъ пользоваться провокаціей, какъ методомъ, какъ системою. Но, гг., уродливыя явленія всегда возможны! Я повторяю, что, когда уродливыя явленія доходятъ до Правительства, когда оно узнаетъ о нихъ, то оно употребляетъ противъ нихъ респрессивныя мѣры. Я громко заявляю, что преступную провокацію Правительство не терпитъ и никогда не потерпитъ. Но, гг., уродливыя явленія нельзя возводить въ принципъ, и я считаю долгомъ заявить, что въ средѣ органовъ полиціи высоко стоитъ и чувство чести, вѣрности присягѣ и долгу. Я знаю службу здѣшняго охраннаго отдѣленія, я знаю, насколько чины его пренебрежительно относятся къ смертной опасности. Я помню двухъ начальниковъ охраннаго отдѣленія, служившихъ при мнѣ въ Саратовѣ, я помню, какъ они меня хладнокровно просили, чтобы, когда ихъ убьютъ, я озаботился о ихъ семьяхъ. И оба они убиты, и умерли они сознательно за своего Царя и свою родину. А недавній случай въ Москвѣ, когда на пустой дачѣ въ окрестностяхъ Москвы была устроена ловушка и въ эту ловушку попалъ нарядъ охраны, когда съ крыши чердака революціонеръ навѣрняка разстрѣливалъ каждаго подходящаго къ этой дачѣ, развѣ задумался ночью начальникъ охраннаго отдѣленія и его помощникъ, и не бросились ночью же выручать своихъ товарищей? Оба были тяжело ранены, но развѣ они не доказали, что доблесть и честь для нихъ дороже жизни? Я хотѣлъ, я долженъ былъ на этомъ кончить, но предыдущія рѣчи меня убѣдили, что изъ моихъ выводовъ могутъ построить превратное заключеніе.

Мнѣ могутъ сказать: итакъ, провокаціи въ Россіи нѣтъ, охранка ограждаетъ порядокъ, и русскій гражданинъ долженъ быть признанъ счастливѣйшимъ изъ гражданъ. Въ настоящее время такъ легко искажаютъ цѣли и задачи нашей внутренней политики, что, чего добраго, такое заключеніе и возможно, но я думаю, что для благоразумнаго большинства наши внутреннія задачи должны были ли быть и ясны и просты. Къ сожалѣнію, достигать ихъ, идти къ нимъ приходится между бомбой и браунингомъ. Вся наша полицейская система, весь затрачиваемый трудъ и сила на борьбу съ разъѣдающей язвой революціи — конечно, не цѣль, а средство, средство дать возможность жить, трудиться, дать возможность зеконодательствовать, да, гг., законодательствовать, потому что и въ законодательное учрежденіе были попытки бросать бомбы! А тамъ, гдѣ аргументъ бомба, тамъ

конечно, естественный отвѣтъ—безпощадность кары! И улучшить, смягчить нашу жизнь возможно не уничтоженіемъ кары, не облегченіемъ возможности дѣлать зло, а громадной внутренней работой. Вѣдь, изнеможенное, изболѣвшееся народное тѣло требуетъ укрѣпленія; необходимо перестраивать жизнь и необходимо начать это съ низовъ. И тогда, конечно, сами собою отпадутъ и исключительныя положенія, и исключительныя кары. Не думайте, гг., что достаточно медленно выздоравливающую Россію подкрасить румянами всевозможныхъ вольностей, и она станетъ здоровой. Путь къ исцѣленію Россіи указанъ съ высоты Престола, и на васъ лежитъ громадный трудъ выполнить эту задачу. Мы, Правительство, мы строимъ только лѣса, которые облегчаютъ вамъ строительство. Противники наши указываютъ на эти лѣса, какъ на возведенное нами безобразное зданіе, и яростно бросаются рубить ихъ основаніе. И лѣса эти неминуемо рухнутъ, и, можетъ быть, задавятъ и насъ подъ своими развалинами, но пусть, пусть это будетъ тогда, когда изъ-за ихъ обломковъ будетъ уже видно, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ очертаніяхъ, зданіе обновленной, свободной, свободной въ лучшемъ смыслѣ этого слова, свободной отъ нищеты, отъ невѣжества, отъ безправія, преданной, какъ одинъ человѣкъ, своему Государю, Россіи и время это, гг., наступаетъ, и оно наступитъ, несмотря ни на какія разоблаченія, такъ какъ на нашей сторонѣ не только сила, но на нашей сторонѣ и правда.

Засѣданіе Г. Д. 22/V 09 г. По законопроекту о переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое.

Гг. члены Гос. Думы. Внесенные Правительствомъ вѣроисповѣдные законопроекты породили уже цѣлую литературу, сдѣлались предметомъ оживленныхъ преній въ политическихъ кругахъ и волнуютъ не только лицъ, близко стоящихъ къ вопросамъ вѣры, но и равнодушныхъ къ ней, видящихъ въ томъ или другомъ ихъ разрѣшеніи признакъ, знаменіе общаго направленія нашей внутренней политики. Поэтому, я думаю, что помогу сокращенію преній и болѣе скорому разсмотрѣнію дѣла, если теперь же, немедленно послѣ докладчика, не ожидая общихъ преній, изложу точку зрѣнія Правительства на этотъ вопросъ и постараюсь разсѣять нѣкоторыя возникшія, по моему мнѣнію, вокругъ него недоразумѣнія. Напомню вамъ, прежде всего, что начало религіозной свободы въ Россіи положено тремя актами Монаршаго волеизліянія: Указомъ 12 декабря 1904 г., Указомъ 17 апрѣля 1905 г. и Указомъ 17 октября 1905 г. Утруждать васъ повтореніемъ содержанія этихъ актовъ, хорошо всѣмъ извѣстныхъ, я не буду; упомянулъ же я о нихъ потому, что значеніе, чрезвычайное значеніе ихъ содержанія, породило необходимость послѣ

ихъ изданія въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ со стороны Правительства въ сторону измѣненія многихъ изъ существующихъ уголовныхъ и гражданскихъ нормъ. Не говоря о цѣломъ рядѣ административныхъ стѣсненій, противорѣчащихъ принципу вѣроисповѣдной свободы, которыя тогда же были отмѣнены въ томъ же административномъ порядкѣ, въ которомъ они были изданы, осталась еще обширная область дѣйствующаго законодательства, которая требуетъ измѣненій и дополненій въ законодательномъ порядкѣ сообразно возвѣщеннымъ Монархомъ новымъ началамъ.

Дарованіе свободы вѣроисповѣданія, молитвы по велѣніямъ совѣсти каждаго, вызвало, конечно, необходимость отмѣнить требованіе закона о согласіи гражданской власти на переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, требованіе разрѣшенія совершать богослуженія, богомоленія, сооружать необходимыя для этого молитвенныя зданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ явилась необходимость опредѣленія условій образованія и дѣйствій религіозныхъ сообществъ, опредѣленія отношенія государства къ разнымъ исповѣданіямъ и къ свободѣ совѣсти, при чемъ всѣ эти преобразованія не могли получить осуществленія внѣ вопроса о тѣхъ преимуществахъ, которыя сохранены основными законами за православной церковью. На Правительство, на законодательныя учрежденія легла, такимъ образомъ, обязанность пересмотрѣть нормы, регулирующія въ настоящее время вступленіе въ вѣроисповѣданіе и выходъ изъ него, регулирующія вѣроисповѣдную проповѣдь, регулирующія способъ осуществленія вѣроисповѣданія, наконецъ, устанавливающія тѣ или другія политическія или гражданскія ограниченія, вытекающія изъ вѣроисповѣднаго состоянія. Но вступая въ область вѣрованія, въ область совѣсти, Правительство, скажу даже государство, должно дѣйствовать крайне бережно, крайне осторожно. Не всегда, какъ вѣрно замѣтилъ докладчикъ, не всегда въ этой области чисто гражданскія отношенія строго ограничены отъ церковныхъ, и часто они тѣсно между собою переплетаются. Отсюда возникаетъ вопросъ, какое же должна принимать Церковь, господствующая, Православная Церковь, участіе въ установленіи новаго вѣроисповѣднаго порядка въ странѣ. Я оставляю въ сторонѣ инославные, иновѣрные исповѣдные вопросы, скажемъ, вопросъ о переходѣ католика въ лютеранство и обратно, или о смѣшанныхъ бракахъ между протестантами, магометанами и евреями, которые допущены и существующими законами; православная церковь въ этихъ вопросахъ не заинтересована, и я думаю, что мало кто въ настоящее время будетъ держаться той точки зрѣнія, въ силу которой Святѣйшій Правительствующій Синодъ въ 30-хъ годахъ XVIII столѣтія вѣдалъ дѣлами католическаго, лютеранскаго и даже еврейскаго духовенства. Но Православная Церковь сильно затронута въ тѣхъ вопросахъ, которые касаются отношенія Государства къ православной вѣрѣ, къ Православной Церкви и даже къ другимъ вѣроученіямъ, поскольку они соприкасаются съ православіемъ

напримѣръ, въ вопросѣ о смѣшанныхъ бракахъ. И вотъ, поскольку можно судить по повременной прессѣ, по доходящимъ до Правительства и до общества партійнымъ, политическимъ откликамъ, и въ настоящее время существуетъ, между прочимъ, мнѣніе, что всѣ вопросы, связанные съ Церковью, подлежатъ самостоятельному, единоличному вершительству Церкви. Оговариваюсь, что это не есть мнѣніе, высказанное Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ, но это мнѣніе, долженъ сказать, имѣетъ за собой нѣкоторый, какъ бы историческій прецедентъ. Вспомнимъ, господа, времена патріашества, вспомнимъ положеніе патріарха въ московскій періодъ Русскаго Государства, подвѣдомственный ему приказъ, суды, темницы. Конечно, внѣшніе признаки патріашей власти имѣютъ мало отношенія къ затронутому мною вопросу, они скорѣе принадлежатъ къ области историческаго воспоминанія, но повторяю, все же существуетъ мнѣніе о томъ, что Церковь должна сама опредѣлять свои права, свое положеніе въ Государствѣ. Поэтому, мнѣніе это обходить молчаніемъ не приходится. На чемъ основано это мнѣніе или, скорѣе, откуда оно выводится, я скажу дальше.

Но ранѣе этого позвольте мнѣ обратиться къ вопросу о томъ, какое же въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій было отношеніе Государства къ церковному законодательству? Какой въ этомъ отношеніи сложился порядокъ со времени учрежденія Св. Синода? Послѣ уничтоженія патріаршества, послѣ уничтоженія помѣстныхъ соборовъ къ Св. Правительствующему Синоду всецѣло перешла вся руководственно соборная власть. Въ вопросахъ догмата, въ вопросахъ каноническихъ съ этого времени Правительствующій Св. Синодъ дѣйствуетъ совершенно автономно. Не стѣсняется Синодъ государственной властью и въ вопросахъ церковнаго законодательства, восходящаго непосредственно на одобреніе Монарха и касающагося внутренняго управленія, внутренняго устроенія Церкви. Къ этой области относятся, напримѣръ, синодальное и консисторское законодательство, законодательство учебное, относящееся до академій, до семинарій, учебныхъ духовныхъ комитетовъ, касающееся церковныхъ старостъ и много другихъ еще вопросовъ. Но независимо отъ этого, вполнѣ самостоятельнаго церковнаго законодательства. Св. Синодъ, со времени его учрежденія, принимаетъ также живое участіе и въ общей законодательной жизни страны, связывающей Церковь съ другими сторонами государственнаго строя, государственнаго управленія. Въ этомъ отношеніи создался обиходъ въ большинствѣ случаевъ такой: если какой либо законопроектъ возникалъ въ Св. Синодѣ, то послѣдній черезъ Оберъ прокурора Св. Синода запрашивалъ заключеніе заинтересованныхъ вѣдомствъ. Если же законодательная иниціатива возникала въ томъ или другомъ Министерствѣ, то Министерство запрашивало со своей стороны заключеніе Оберъ-Прокурора Св. Синода, но послѣ этого всегда, во всѣхъ случаяхъ, послѣ разработки законопроекта

онъ поступалъ на государственное уваженіе въ общемъ законодательномъ порядкѣ.

Я не буду приводить въ доказательство этого положенія много примѣровъ изъ исторіи церковно-гражданскаго законодательства минувшаго вѣка, такъ какъ она изобилуетъ скорѣе случаями излишняго, и скажу даже, неправильнаго вмѣшательства государственной власти въ церковное законодательство; вспомнимъ, напримѣръ, случай о перенесеніи на ревизію въ Гос. Совѣтъ дѣла о бракахъ въ VI степени родства, причемъ мнѣніе Гос. Совѣта получило силу закона. Но я считаю необходимымъ указать на то, что всѣ законодательныя постановленія въ области взаимодѣйствія господствующей церкви и признанныхъ инославныхъ и иновѣрныхъ исповѣданій всегда проходили въ общемъ законодательномъ порядкѣ и что провозглашеніе свободы вѣроисповѣданій послѣдовало въ порядкѣ Высочайшаго Указа Правительствующему Сенату, основаннаго на Высочайше одобренныхъ сужденіяхъ Комитета Министровъ. Обращеніе къ прошлому показываетъ, такимъ образомъ, что естественное развитіе взаимоотношеній Церкви и Государства повело къ полной самостоятельности Церкви въ вопросахъ догмата, въ вопросахъ каноническихъ, къ ограниченію Церкви Государствомъ въ области церковнаго законодательства, вѣдающаго церковное устроеніе и церковное управленіе и къ оставленію за собою государствомъ полной свободы въ дѣлѣ опредѣленія отношеній Церкви къ Государству. Наука государственнаго права вполнѣ подтверждаетъ правильность такого порядка вещей. Говоря о господствующемъ исповѣданіи, нашъ извѣстный ученый Чичеринъ указываетъ на то, что Государство, конечно, въ правѣ надѣлять господствующую Церковь и политическими, и имущественными правами. „Но, говоритъ Чичеринъ, чѣмъ выше политическое положеніе Церкви въ Государствѣ, чѣмъ тѣснѣе она входитъ въ область государственнаго организма, тѣмъ значительнѣе должны быть и права Государства".

Отсюда, я думаю, вытекаетъ, что отказъ Государства отъ Церковно-гражданскаго законодательства, перенесеніе его всецѣло въ область вѣдѣнія Церкви, повело бы къ разрыву той вѣковой связи, которая существуетъ между Государствомъ и Церковью, той связи, въ которой Государство черпаетъ силу духа, а Церковь черпаетъ крѣпость, той связи, которая дала жизнь нашему Государству и принесла ей неоцѣнимыя услуги. Этотъ разрывъ ознаменовалъ бы также наступленіе новой эры взаимнаго недовѣрія, подозрительности между церковной властью и властью общезаконодательной, которая утратила бы природное свое свойство власти съ Церковью союзной. Государство въ глазахъ Церкви утратило бы значеніе Государства православнаго, а Церковь, въ свою очередь. была бы поставлена въ тяжелое положеніе, въ необходимость самой надѣлять себя политическими и гражданскими правами, со всѣми опасными отсюда проистекающими послѣдствіями. Поэтому ясно, господа, что то мнѣніе, о которомъ

я говорилъ въ началѣ своей рѣчи, мнѣніе о томъ, что Церковь должна сама опредѣлять свои права, свое положеніе въ Государствѣ, проистекаетъ изъ инстинктивнаго недовѣрія къ существующимъ государственнымъ установленіямъ, особенно съ того времени, когда начали принимать въ нихъ участіе иновѣрцы и лица нехристіанскаго вѣроисповѣданія. Я думаю, забываютъ при этомъ, что законодательныя рѣшенія, и то не окончательныя, принимаютъ не отдѣльныя лица, не думскія даже комиссіи, а Дума въ своемъ цѣломъ, которая по словамъ Царскаго Манифеста, „должна быть русской по духу и въ которой иныя народности должны имѣть представителей своихъ нуждъ, но не въ количествѣ, дѣлающемъ ихъ вершителями дѣлъ чисто русскихъ“. Затѣмъ, если бы Дума допустила ошибку, что всегда возможно, то законопроекты переходятъ вѣдь на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта и затѣмъ идутъ на судъ Монарха, Который по нашему закону является защитникомъ православной церкви, является хранителемъ ея догматовъ.

Вотъ, господа, тотъ законный путь, который обезпечиваетъ вѣроисповѣдные порядки въ странѣ. На этотъ законный путь я уже указывалъ и, повторяю, заключается онъ въ томъ, что Государство, не вмѣшиваясь ни въ каноническіе, ни въ догматическіе вопросы, не стѣсняя самостоятельности Церкви въ Церковномъ законодательствѣ, оставляетъ за собою и право и обязанность опредѣлять политическія, имущественныя, гражданскія и общеуголовныя нормы, вытекающія изъ вѣроисповѣднаго состоянія гражданъ. Но и въ послѣднемъ вопросѣ Правительсто должно прилагать всѣ усилія для того, чтобы согласовать интересы вѣроисповѣдной свободы и общегосударственные интересы съ интересами господствующей первенствующей Церкви и съ этою цѣлью должны входить съ нею по этимъ вопросамъ въ предварительныя соглашенія. Быть можетъ, въ циклѣ вѣроисповѣдныхъ вопросовъ, внесенныхъ на ваше усмотрѣніе, вслѣдствіе спѣшности работы и ея новизны, могутъ быть усмотрѣны какія либо уклоненія отъ этихъ принциповъ, можетъ быть усмотрѣно, въ частности, что затронуты въ чемъ-либо и права господствующей церкви, но, при всестороннемъ разсмотрѣніи этихъ вопросовъ, при всестороннемъ освѣщеніи ихъ въ комиссіи, несомнѣнно, уклоненіе въ ту или другую сторону скоро обнаружится и Правительство всегда охотно возьметъ на себя переработку того или другого законопроекта или его части, была бы лишь ясна общая руководящая мысль. Но тотъ вопросъ, тотъ законопроектъ, который вы будете разсматривать сегодня, свободенъ, какъ мнѣ кажется, отъ упрековъ въ уклоненіи отъ только что высказанныхъ мною положеній. Какъ вамъ извѣстно, Св. Синодъ высказалъ пожеланіе, чтобы законопроектъ былъ дополненъ правилами о томъ, что уклоняющійся отъ православія обязанъ подвергаться увѣщеванію въ теченіе 40 дней со времени начала увѣщеванія, съ тѣмъ, чтобы переходъ въ иное вѣроисповѣданіе могъ состо-

яться лишь послѣ представленія удостовѣренія о безуспѣшности увѣщанія. Правительство въ свой законопроектъ такого правила не включало, такъ какъ на него нѣтъ указанія въ указѣ 17 апрѣля; думская комиссія, какъ только что было вамъ тутъ доложено, дополнила законопроектъ установленіемъ промежуточнаго срока со времени заявленія о переходѣ въ другое вѣроисповѣданіе до момента фактическаго перехода. Такого промежуточнаго срока не знаетъ также министерскій законопроектъ, такъ какъ Министерство въ то время думало, что это правило скорѣе относится къ области другого закона, закона регистраціоннаго, какъ тутъ только что и объяснилъ докладчикъ. Но въ чемъ же состоитъ принципіальная сторона этого дѣла? Конечно, этотъ вопросъ не касается ни догматовъ, ни каноновъ церкви, но онъ относится къ разряду вопросовъ, касающихся внутренняго церковнаго распорядка, такъ какъ обязываетъ церковно-служителей производить наставленіе, увѣщаніе отпадающему не оставлять исповѣдуемой имъ религіи; такимъ образомъ, это вопросъ чисто внутренне-церковный, а я имѣлъ честь вамъ указать, что вопросы церковнаго устроенія получаютъ законодательное разрѣшеніе въ другомъ, чисто автономномъ порядкѣ. Поэтому, по мнѣнію Правительства, такого рода правила могли бы получить силу лишь въ порядкѣ ст. 65 основныхъ законовъ, въ силу которыхъ Самодержавная Власть въ дѣлѣ церковнаго управленія дѣйствуетъ черезъ Святѣйшій Правительствующій Синодъ, Ею учрежденный; поэтому включеніе этихъ правилъ въ гражданскія узаконенія и проведеніе ихъ общимъ законодательнымъ порядкомъ нанесло бы, какъ мнѣ кажется, ущербъ правамъ Православной Церкви, Но возникаетъ вопросъ, не должно ли Государство въ порядкѣ содѣйствія господствующей Церкви установить какія нибудь карательныя нормы или гражданскія ограниченія для тѣхъ лицъ, относительно которыхъ увѣщаніе оказалось безуспѣшнымъ. Но едва ли, господа, дѣло исключительно пастырскаго, исключительно нравственнаго воздѣйствія возможно связывать съ какими либо карательными мѣрами, едва ли эти карательныя мѣры соотвѣтствовали бы и духу началъ вѣроисповѣдной свободы.

Для меня совершенно ясно, что гражданская власть, получивши отъ прихожанина заявленіе о желаніи перейти изъ православія въ другое вѣроисповѣданіе обязана немедленно сообщить объ этомъ приходскому священнику; для меня очевидно, что въ силу существующихъ уже законовъ гражданская власть должна ограждать отъ всякаго насилія, отъ всякихъ оскорбленій священнослужителя, исполняющаго свой долгъ увѣщанія, но для меня совершенно также очевидно и безспорно, что какія бы то ни было принудительныя мѣры по отношенію къ уклоняющемуся противорѣчили бы духу началъ свободы вѣрованія. Поэтому правильно рѣшила комиссія, когда постановила не присваивать общимъ законодательнымъ учрежденіямъ права регулировать чисто церковные вопросы, когда въ процессѣ отпаденія отъ православія

она оставила промежуточный срокъ, который, можетъ быть, а по мнѣ и долженъ быть заполненъ въ порядкѣ законодательства церковнаго. Я, господа, не буду касаться нѣсколькихъ другихъ менѣе, по мнѣ, важныхъ пунктовъ настоящаго законопроекта, напримѣръ, пункта о возрастѣ, по достиженіи котораго разрѣшается переходъ въ другія вѣроисповѣданія, о правахъ малолѣтнихъ, о гербовомъ сборѣ и т. д. Если понадобится, разъясненіе по этимъ вопросамъ дастъ вамъ присутствующій здѣсь представитель вѣдомства. Но я не могу не коснуться одного весьма важнаго дополненія, предложеннаго комиссіей, дополненія, имѣющаго чрезвычайное значеніе. Если совершенно безспорно, что разъ провозглашена свобода вѣрованія, то отпадаетъ надобность всякаго разрѣшенія гражданской власти на переходъ въ другое вѣроисповѣданіе, если совершенно безспорно, что въ нашемъ законодательствѣ не могутъ быть сохранены какія-нибудь кары за вѣроотступничество (уже 14 декабря 1906 г. уничтожена ст. 185, карающая за отпаденіе отъ христіанства въ нехристіанство), то величайшему сомнѣнію должно быть подвергнуто предложеніе комиссіи о необходимости провозглашенія въ самомъ законѣ свободы перехода изъ христіанства въ нехристіанство.

Я долженъ сказать, что включеніе въ законопроектъ правила о возможности такого перехода для лицъ, ближайшіе предки которыхъ исповѣдывали нехристіанскую вѣру, совершенно не соотвѣтствуетъ тому принципу, который только что былъ тутъ приведенъ докладчикомъ. Вникнемъ въ соображеніе комиссіи. Комиссія, какъ я понялъ изъ словъ докладчика, находитъ, во-первыхъ, что разъ переходъ изъ христіанства въ нехристіанство не наказуемъ, то неузаконеніе такого перехода было бы актомъ недостойнаго государства лицемѣрія. Во-вторыхъ, комиссія находитъ, что было бы стѣснительно для свободы совѣсти лицъ, отпавшихъ въ нехристіанство, исполнять нѣкоторые христіанскіе таинства и обряды, необходимые въ нашемъ гражданскомъ обиходѣ, напримѣръ, бракъ, крещеніе, погребеніе. Въ-третьихъ, по мнѣнію комиссіи, самое исполненіе этихъ таинствъ и обрядовъ было бы ни чѣмъ инымъ какъ узаконеннымъ кощунствомъ. Наконецъ, по мнѣнію комиссіи, сама церковь должна отлучать отъ себя лицъ, отрекшихся отъ Христа... Такъ я понялъ докладчика. И мнѣ кажется, что оспаривать эти принципы невозможно—они теоретично совершенно правильны. Но, господа, прямолинейная теоретичность ведетъ иногда къ самымъ неожиданнымъ послѣдствіямъ, и сама думская комиссія не довела до конца этого принципа, не пошла до конца по избранному ею пути и впала, какъ мнѣ кажется, сама съ собой въ нѣкоторыя противорѣчія. Вѣдь въ дѣйствительности, господа, гораздо больше лицъ, которыя себя признаютъ совершенно невѣрующими, чѣмъ такихъ, которыя рѣшатся перейти въ магометанство, буддизмъ или еврейство. И всѣ соображенія комиссіи относительно лицъ, перешедшихъ въ нехристіанство, могутъ быть отнесены полностью

къ лицамъ, заявляющимъ себя невѣрующими. Вѣдь эти лица точно также кощунствуютъ, совершая таинство, вѣдь они точно также должны были бы быть отлучены отъ церкви. Между тѣмъ, комиссія совершенно правильно признаетъ, что у насъ невозможно признаніе принципа въ невѣроисповѣдности Confessionslosigkeit.

Съ одной стороны, комиссія идетъ гораздо дальше многихъ европейскихъ законодательствъ, которыя не знаютъ открытаго признанія перехода изъ христіанства въ нехристіанство, съ другой стороны, комиссія не слѣдуетъ до конца за западными образцами и не рѣшается признать принципъ внѣвѣроисповѣднаго состоянія. Однако, торжество теоріи одинаково опасно и въ томъ, и въ другомъ случаѣ: вездѣ, господа, во всѣхъ государствахъ принципъ свободы совѣсти дѣлаетъ уступки народному духу и народнымъ традиціямъ и проводится въ жизнь, строго съ ними сообразуясь. Это подтверждается изученіемъ всѣхъ иностранныхъ законодательствъ; возьмемъ на выдержку прусское законодательство, и оно ставитъ нѣкоторыя преграды свободѣ совѣсти и свободѣ вѣроисповѣданія, оно требуетъ, во-первыхъ, предварительнаго заявленія о переходѣ въ другое вѣросповѣданіе, оно требуетъ, затѣмъ и уплаты со стороны отпадающаго въ продолженіи двухъ лѣтъ повинностей въ пользу той общины, отъ которой онъ отпадаетъ. Въ школьномъ законодательствѣ прусское государство требуетъ церковнаго обученія всѣхъ дѣтей, даже не принадлежащихъ ни къ какому исповѣданію. Австрія не признаетъ браковъ между христіанами и нехристіанами. Наконецъ, въ странѣ свободы совѣсти, въ Швейцаріи, эта свобода совѣсти подвергнута также нѣкоторымъ стѣсненіямъ. Не говорю уже о томъ, что въ Швейцаріи не дозволяется сооружать монастырей, не допущена проповѣдь іезуитовъ, о чемъ упоминалъ уже тутъ же Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Но поражаетъ въ Швейцаріи то, что тогда, когда въ нѣкоторыхъ кантонахъ совершенно изгнанъ изъ школъ Законъ Божій, въ другихъ кантонахъ школьное обученіе строго конфессіонально; въ Люцернѣ, напримѣръ, все школьное обученіе отдано въ руки католическаго духовенства, а такъ какъ тамъ существуетъ обязательность обученія, то, какъ кажется, образованіе юношества въ Люцернѣ не находится въ строгомъ соотвѣтствіи съ принципомъ свободы совѣсти. Неужели, гг., если въ другихъ странахъ, болѣе нашей индиферентныхъ въ религіозныхъ вопросахъ, теорія свободы совѣсти дѣлаетъ уступки народному духу, народнымъ вѣрованіямъ, народнымъ традиціямъ, у насъ нашъ народный духъ долженъ быть принесенъ въ жертву сухой, непонятной народу теоріи. Неужели, гг., для того, чтобы дать нѣсколькимъ десяткамъ лицъ, уже безнаказанно отпавшимъ отъ христіанства, почитаемымъ церковью заблудшими, дать имъ возможность открыто порвать съ церковью, неужели для этого необходимо вписать въ скрижали нашего законодательства начало, равнозна-

чущее въ глазахъ обывателей уравненію православныхъ христіанъ съ нехристіанами. Неужели въ нашемъ строго православномъ государствѣ отпадетъ одинъ изъ главнѣйшихъ признаковъ государства христіанскаго? Народъ нашъ усерденъ къ церкви и вѣротерпимъ, но вѣротерпимость не есть еще равнодушіе. Не думайте, гг., что этотъ вопросъ, вопросъ простой, доступный совѣсти каждаго, я хотѣлъ бы затемнить непристойными, скажу прямо, въ этомъ дѣлѣ совѣсти, пріемами какого то дутаго пафоса. Я не хотѣлъ бы взывать даже къ вашему чувству, хотя бы чувству религіозному. Но я полагаю, что въ этомъ дѣлѣ, въ дѣлѣ совѣсти, мы всѣ, гг., должны подняться въ область духа. Въ это дѣло нельзя примѣшивать и политическихъ соображеній. Мнѣ только что тутъ говорили, что вѣроисповѣдные законы поставлены на очередь въ Гос. Думѣ по соображеніямъ свойства политическаго. На этомъ, молъ, вопросѣ скажется, полѣвѣло или поправѣло Правительство. Но неужели забываютъ, гг., что наше Правительство не можетъ уклоняться то влѣво, то вправо, что наше Правительство можетъ идти только однимъ путемъ, путемъ прямымъ, указаннымъ Государемъ и еще недавно названнымъ Имъ, недавно всенародно Имъ признаннымъ незыблемымъ. Вотъ и теперь, мы стоимъ передъ великимъ вопросомъ проведенія въ жизнь высокихъ началъ Указа 17 апрѣля и Манифеста 17 октября. Опредѣляя способы выполненія этой задачи, вы, гг., не можете стать на путь соображеній партійныхъ и политическихъ. Вы будете руководствоваться, я въ этомъ увѣренъ, какъ теперь, такъ не разъ и въ будущемъ, при проведеніи другихъ реформъ, соображеніями иного порядка, соображеніями о томъ, какъ преобразовать, какъ улучшить нашъ бытъ сообразно новымъ началамъ, не нанося ущерба жизненной основѣ нашего государства, душѣ народной, объединившей и объединяющей милліоны русскихъ. Вы всѣ, гг., и вѣрующіе и невѣрующіе, бывали въ нашей захолустной деревнѣ, бывали въ деревенской церкви. Вы видѣли, какъ истово молится нашъ русскій народъ, вы не могли не осязать атмосферы накопившагося молитвеннаго чувства, вы не могли не сознавать, что раздающіяся въ церкви слова для этого молящагося люда—слова божественныя. И народъ, ищущій утѣшенія въ молитвѣ, пойметъ, конечно, что за вѣру, за молитву каждаго по своему обряду законъ не караетъ. Но тотъ же народъ, гг., не уразумѣетъ закона, закона чисто вывѣсочнаго характера, который провозгласитъ, что православіе, христіанство уравнивается съ язычествомъ, еврействомъ, магометанствомъ. Гг., наша задача не состоитъ въ томъ, чтобы приспособить православіе къ отвлеченной теоріи свободы совѣсти, а въ томъ, чтобы зажечь свѣточъ вѣроисповѣдной свободы совѣсти, въ предѣлахъ нашего русскаго православнаго государства. Не отягощайте же, гг., нашъ законопроектъ чуждымъ, непонятнымъ народу привѣскомъ. Помните, что вѣроисповѣдный законъ будетъ дѣйствовать въ русскомъ государствѣ и что утверждать его бу-

детъ русскій Царь, который для слишкомъ ста милiоновъ людей былъ, есть и будетъ Царь Православный.

Засѣданіе Г. Д. 27/IV 11. Отвѣтъ на запросъ о примѣненіи ст. 87 Основныхъ законовъ.

Господа члены Государственной Думы! Время, протекшее со времени внесенія въ Гос. Думу запроса о незакономѣрномъ примѣненіи Правительствомъ ст. 87 Осн. Зак., закрѣпило ходячее мнѣніе о причинахъ, руководившихъ дѣйствіями Правительства въ этомъ дѣлѣ, и придало имъ въ глазахъ многихъ характеръ совершенной безспорности. Моя задача—противопоставить этимъ сужденіямъ совершенно откровенное изложеніе всего хода взволновавшаго васъ дѣла и, насколько возможно, полное и точное разъясненіе побудительныхъ причинъ, вынудившихъ Правительство прибѣгнуть, въ данномъ случаѣ, къ неожиданной и чрезвычайной мѣрѣ. Понятно, что рѣчь моя, какой бы лѣтописный характеръ она не носила, все же, въ виду сложившагося въ различныхъ политическихъ кругахъ пониманія правительственной политики, будетъ восприниматься съ нѣкоторой непріязнью моими слушателями. Это первое и большое затрудненіе, съ которымъ мнѣ придется считаться въ моихъ объясненіяхъ. Но оно не единственное. Другое неблагопріятное для меня обстоятельство то, что мнѣ приходится отвѣчать Гос. Думѣ послѣ того, какъ мною уже даны разъясненія по тому же предмету Гос. Совѣту, какъ сторонѣ, наиболѣе заинтересованной въ дѣлѣ. А такъ какъ доводы Прзвительства уже значительно исчерпаны, то мнѣ не избѣжать нѣкоторыхъ повтореній, хотя повторить я постараюсь лишь то, что, можетъ быть, повторять и не безполезно. Повторенія эти будутъ касаться, главнымъ образомъ, формальной стороны дѣла, несмотря на то, что я огораживаться формальнымъ правомъ не намѣренъ. Но обойти эту сторону вопроса я не могу, такъ какъ мнѣ въ дальнѣйшемъ изложеніи придется опираться, какъ на установленный фактъ, на то, что въ данномъ случаѣ при другихъ необходимыхъ условіяхъ не было со стороны Правительства ни нарушенія, ни обхода закона. Это необходимо мнѣ и для болѣе яснаго освѣщенія ст. 87, значеніе которой опредѣляетъ права Короны, и не можетъ быть умалено безъ созданія нежелательнаго прецедента. Какія же формальныя права присущи нашимъ законодательнымъ учрежденіямъ? Гос. Дума такъ же, какъ и Гос. Совѣтъ въ правѣ, конечно, предъявлять Правительству запросы изъ области управленія, но весьма сомнительно, чтобы эти же учрежденія въ правѣ были запрашивать Правительство по предметамъ свойства законодательнаго, хотя бы законодательныя функціи временно осуществлялись черезъ Совѣтъ Министровъ. Права нашихъ палатъ въ этомъ отно-

шеніи твердо и ясно выражены въ самомъ законѣ. Они заключаются въ правѣ послѣдующаго обсужденія временныхъ законовъ и отказа въ послѣдующей имъ санкціи. Всѣ возраженія по этому поводу основаны, по моему мнѣнію, на смѣшеніи двухъ понятій, двухъ моментовъ: правъ палатъ, послѣ того, какъ законъ уже внесенъ въ законодательныя учрежденія, и права палатъ предварительнаго контролированія формальной закономѣрности правительственнаго акта до этого. Первое право, право отвергнуть законъ по всевозможнымъ мотивамъ и даже безъ всякихъ мотивовъ, совершенно безспорно, а второго права просто не существуетъ, оно представляло бы изъ себя юридическій nonsens. Первымъ обширнѣйшимъ полномочіемъ поглощается право запроса, имъ опредѣляются права законодательныхъ палатъ, которыя не могутъ стать цензоромъ формальной правильности акта Верховной власти. Я знаю въ практикѣ западныхъ государствъ случаи отклоненія временныхъ законовъ, проведенныхъ въ чрезвычайномъ порядкѣ, но я не знаю случаевъ запроса о незакономѣрности такихъ актовъ, такъ какъ субъективная оцѣнка и момента чрезвычайности и момента цѣлесообразности принадлежитъ, во всякомъ случаѣ, не палатамъ. Это логично и понятно: законодательныя учрежденія не могутъ сдѣлаться судьею закономѣрности законодательнаго акта другого учрежденія. Обязанность эта по нашимъ законамъ принадлежитъ исключительно Правительствующему Сенату, который не имѣетъ права опубликовать или обнародовать незаконный, незакономѣрный актъ. Точно также законодательныя учрежденія въ правѣ запрашивать и Предсѣдателя Совѣта Министровъ, и отдѣльныхъ Министровъ, и Главноуправляющихъ о незакономѣрныхъ ихъ дѣйствіяхъ, но едва ли они въ правѣ запрашивать о томъ же Совѣтъ Министровъ, какъ учрежденіе, учрежденіе не подчиненное Правительствующему Сенату. въ которомъ, когда Ему это благоугодно, предсѣдательствуетъ Его Императорское Величество. Единственный разъ, когда мнѣ былъ предъявленъ запросъ о незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ Совѣта Министровъ, какъ учрежденія, а именно по изданію правилъ 24 августа 1909 года, я сдѣлалъ оговорку о томъ, что существо этого запроса не соотвѣтствуетъ природѣ запроснаго права. Предъявленный въ настоящее время Гос. Думою запросъ составленъ съ формальной стороны болѣе осторожно, чѣмъ запросъ Гос. Совѣта, такъ какъ въ немъ отсутствуетъ одинъ доводъ, который легъ въ основу Совѣтскаго запроса. Но довода этого касались во время преній о принятіи запроса нѣкоторые ораторы, и поэтому мнѣ въ двухъ, трехъ словахъ придется коснуться и его. Я подразумѣваю опороченіе права Верховной Власти примѣнять ст. 87 при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, возникшихъ до роспуска палатъ. Но это право неопровержимо, оно зиждется, основано на жизненныхъ условіяхъ и какъ бы наши жизненныя и наши законодательныя условія ни были различны отъ такихъ же условій въ западныхъ государ-

ствахъ, но и тамъ, на Западѣ, это право понимается именно такъ, а не иначе и авторитетное мнѣніе науки признаетъ правильность обращенія къ указанному праву во время перерыва занятій палатъ, вызваннаго дѣйствіями самихъ палатъ. Всякое другое толкованіе этого права пріемлемо, оно нарушало бы смыслъ и разумъ закона, оно сводило бы и право Монарха примѣнять чрезвычайные указы на нѣтъ.

Чтобы покончить съ формальной стороной запроса, я отмѣчу еще по поводу Указного права, какъ права чисто политическаго, что и въ Западной Европѣ не существуетъ нормъ, такъ сказать. конституціоннаго его примѣненія. Если вы не хотите обратиться къ примѣру Австріи, то возьмите примѣръ Пруссіи. Всѣ чрезвычайные указы, изданные за послѣднее полстолѣтіе въ порядкѣ § 63 прусской конституціи подвергались оспариванію въ прусскихъ палатахъ и хотя большинство изъ нихъ были въ концѣ концовъ приняты палатами, но многіе изъ нихъ вызывали сильныя сомнѣнія, какъ, напримѣръ, касавшіеся натуральныхъ повинностей, новаго обложенія, таможенныхъ сборовъ и т. д. То, что пытаются представить у насъ нарушеніемъ закона, незакономѣрностью, и въ Пруссіи и въ Австріи никогда не признавалось нарушеніемъ конституціи. Но если формальная сторона этого дѣла настолько безукоризненна, то чѣмъ же объяснить, господа, тотъ шумъ, который поднялся вокругъ послѣднихъ дѣйствій Правительства: возбужденіе въ политическихъ кругахъ, негодованіе однихъ, недоумѣніе другихъ? Конечно, наивно было бы со стороны Правительства объяснять это непремѣннымъ желаніемъ сдѣлать ему во что бы то ни стало непріятность. Несомнѣнно, причины лежатъ гораздо глубже. Чтобы исчерпать вопросъ до дна, надо обратиться къ нимъ и я попытаюсь совершенно спокойно и безпристрастно разобраться въ происшедшемъ, но въ виду только что высказанныхъ мною соображеній, я въ дальнѣйшихъ своихъ объясненіяхъ буду опираться не на ст. 58 Учр. Государственной Думы, а на ст. 40 и просто, добросовѣстно, насколько это мнѣ доступно, изложу вамъ свѣдѣнія по дѣлу, которое согласно этой 40 ст. будетъ въ будущемъ подлежать вашему разсмотрѣнію. Я считаю это совершенно необходимымъ, такъ какъ Государственная Дума не судебное учрежденіе, разрѣшающее уже законченный, совершившійся фактъ, анатомирующее мертвое тѣло; Государственная Дума имѣетъ дѣло съ событіями длящимися, съ жизнью страны, а жизненныя явленія требуютъ объясненія. Въ дальнѣйшемъ мнѣ, къ сожалѣнію, придется подчеркивать пункты и поводы къ разногласію между мыслью, заложенной въ основаніе запроса Государственной Думы и мыслью правительственной. Но ранѣе этого я мимоходомъ отмѣчу одно положеніе, которое не вызываетъ и не вызоветъ между нами разногласій. Правительство, точно такъ же, какъ и Дума, понимаетъ и признаетъ примѣнимость ст. 87 только въ самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ и статью эту оно не можетъ,

конечно, считать обычнымъ оружіемъ своего арсенала. Что же касается разногласій, о которыхъ я только что упомянулъ, особенно тѣхъ, которыя ведутъ къ концѣ концовъ въ примѣненію чрезвычайныхъ мѣръ, то я охотно признаю, что всякое правительство должно ихъ предвидѣть и должно сообразовать свои дѣйствія съ ожидаемыми послѣдствіями. Gouverner—c'est prévoir —говаривала еще Великая Екатерина, и, конечно, Правительство, дѣйствующее не въ безвоздушномъ пространствѣ, должно было знать, что придетъ часъ и оно столкнется съ двумя самостоятельными духовными міpами—Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ. Но такъ какъ эти два духовные міра весьма между собою различны, то люди, искушенные опытомъ, находили, находятъ и теперь, что Правительство должно было мириться съ политикой, скажемъ, нѣкотораго оппортунизма, съ политикой сведенія на нѣтъ всѣхъ крупныхъ, болѣе острыхъ вопросовъ, между прочимъ, и разсматриваемаго нами теперь, съ политикой, такъ сказать, защитнаго цвѣта. Эта политика, конечно, не можетъ вести страну ни къ чему большому, но она не приводитъ и къ конфликтамъ. Очевидно, во всякомъ случаѣ, что ключъ къ разъясненію возникшаго недоразумѣнія въ оцѣнкѣ и сопоставленіи психологіи Гос. Совѣта и Гос. Думы и Правительства, а въ правильности ихъ анализа и заключается разъясненіе, требуемое отъ меня Гос. Думой. Психологію Гос. Совѣта предвидѣть было не трудно. Законопроекту Правительства, внесенному въ Гос. Совѣтъ, придавалось уже заранѣе значеніе неудачной затѣи, и, конечно, трудно было ждать отъ Гос. Совѣта отождествленія его же отказа въ принятіи этого закона съ чрезвычайнымъ обстоятельствомъ. Признавая Правительство попрежнему лишь высшимъ административнымъ мѣстомъ, не считая его политическимъ факторомъ, Гос. Совѣтъ долженъ былъ увидѣть и увидѣлъ въ совершившемся лишь борьбу между двумя началами, началомъ административнымъ и началомъ законодательнымъ, а въ дѣйствіяхъ Правительства усмотрѣлъ лишь ущербъ, нанесенный второму началу, законодательному, высшею правящею бюрократіею. Психологія Гос. Думы нѣсколько сложнѣе, такъ какъ авторы запроса приписываютъ Правительству нѣчто другое, и значительно худшее. Я, конечно, не касаюсь, и не буду впредь касаться, личныхъ противъ меня нападокъ, личныхъ выпадовъ: я остановлюсь на болѣе существенной аргументаціи: Правительство, господа, попросту заподозрѣно въ томъ, что пренебрегая всѣми законами, даже и Основными, желаетъ править страной по собственному усмотрѣнію, собственному произволу, и для того, чтобы легче этого достигнуть, желаетъ пріобщить къ этому законоубійственному дѣлу и самую Гос. Думу, по этому отношеніе правительства къ Гос. Думѣ понималось тутъ — ну, какъ яркая провокація или, какъ ораторъ Гос. Думы болѣе мягко выражался, какъ вызовъ. А такъ какъ законъ былъ опубликованъ въ думской редакціи, то этому придавалось значеніе

искушенія, введенія въ соблазнъ Гос. Думы, съ цѣлью поссорить ее съ Гос. Совѣтомъ, съ цѣлью уронить авторитетъ Гос. Думы и воскресить эру административнаго засилья. Кромѣ этого въ попутныхъ замѣчаніяхъ обращаетъ на себя вниманіе еще упрекъ въ крайнемъ искаженіи смысла ст. 87, путемъ созданія искусственнаго перерыва, и обвиненіе Правительства въ нарушеніи избирательнаго закона. Вотъ приблизительно, что думали, чувствовали и выражали авторы запроса Гос. Думы.

Мнѣ, конечно, придется дольше остановиться на этихъ мысляхъ, но раньше я попытаюсь отстранить одно привходящее обвиненіе, на которое я только что сослался: попрекъ въ нарушеніи избирательнаго закона. Я думаю, гг., нѣтъ ли тутъ недоразумѣнія. Указъ 14 марта ни однимъ словомъ не касается этого вопроса; наоборотъ, если въ указѣ была бы сдѣлана оговорка о сохраненіи прежняго порядка выборовъ, то этимъ самымъ были бы измѣнены правила выборовъ въ Гос. Совѣтъ, и нарушена была бы ст. 87 Зак. Осн. Конечно, несомнѣнно, съ введеніемъ въ Западной Россіи земства, отпадаетъ ст. 5 этихъ правилъ, но не указъ 14 марта поражаетъ эту статью, а она сама опредѣляетъ себя, какъ мѣру временную, подлежащую уничтоженію при наступленіи извѣстныхъ обстоятельствъ, ожидаемыхъ законодателемъ. Само собою, что полномочія нынѣшнихъ членовъ Гос. Совѣта остаются въ силѣ и съ введеніемъ земства, до окончанія срока ихъ выборнаго, а за это время, очевидно, выяснится, окончательно опредѣлится судьба временной мѣры, проведенной въ порядкѣ ст. 87. Покончивъ съ этимъ эпизодическимъ обстоятельствомъ, я возвращаюсь къ основному вопросу. Изъ сужденій гг. членовъ Гос. Думы ясно, что корень вопроса, т. е., отклоненіе законопроекта о западномъ земствѣ, до настоящаго времени не разсматривался Думою, какъ нѣчто необычайное, какъ обстоятельство чрезвычайное. Если видѣли нѣчто чрезвычайное въ послѣднихъ событіяхъ, то исключительно только въ наружномъ, бьющемъ, бросающемся въ глаза дѣйствіи Правительства, т. е. въ способѣ, а не въ причинѣ. Словомъ, рѣшительность мѣры затмила ея цѣль и чрезвычайность была признана не въ существѣ вопроса, а лишь въ примѣненіи ст. 87, какъ въ доказательствѣ возвращенія къ худшему что ли изъ абсолютизмовъ, къ абсолютизму зарвавшихся чиновниковъ... А Правительство съ своей стороны видѣло корень вопроса въ исключительности политическаго момента, и ст. 87 понимало лишь какъ совершенно, конечно, исключительное средство, но какъ законный способъ выйти изъ ненормальнаго положенія. Чтобы понять не только дѣйствія, но и побужденія Правительства надо исходить изъ предположенія, что политическія обстоятельства сложились не совсѣмъ обыденнымъ образомъ. Припомнимъ же, гг., положеніе государственныхъ дѣлъ до мартовскихъ событій. Всѣмъ извѣстенъ, всѣмъ памятенъ установившійся, почти узаконенный нашъ законодательный обрядъ: внесеніе законо-

проектовъ въ Гос. Думу, признаніе ихъ здѣсь обыкновенно недостаточно радикальными, перелицовка ихъ и перенесеніе въ Гос. Совѣтъ; въ Гос. Совѣтѣ признаніе уже правительственныхъ законопроектовъ обыкновенно слишкомъ радикальными, отклоненіе ихъ и провалъ закона. А въ концѣ концовъ, въ результатѣ, царство, такъ называемой, вермишели, застой во всѣхъ принципіальныхъ реформахъ. Замѣтьте, гг., что я не ставлю вопроса на почву обвиненія какихъ либо политическихъ партій въ излишней радикализаціи или въ излишней реакціонности. Я рисую положеніе такъ, какъ оно есть я хотѣлъ бы правдиво изобразить вамъ тѣ необычныя условія, въ которыхъ приходилось дѣйствовать Правительству, въ которыхъ возникъ и получилъ дальнѣйшее развитіе законъ о западномъ земствѣ, Совершенно подчиняясь безусловному праву обѣихъ палатъ, и измѣнять и отклонять предлагаемые имъ законопроекты, Правительство все же должно было дать себѣ отчетъ, бываютъ ли такія исключительныя минуты, когда и само Правительство должно вступать въ нѣкоторую борьбу за свои политическіе идеалы. Правительство должно было рѣшить, достойно ли его продолжать корректно и машинально вертѣть правительственное колесо, изготовляя проекты, которые никогда не должны увидѣть свѣта, или же Правительство, которое является выразителемъ и исполнителемъ предначертаній Верховной воли, имѣетъ право и обязано вести опредѣленную, яркую политику. Должно ли Правительство, при постепенномъ усовершенствованіи представительныхъ учрежденій, параллельно ослабѣвать или усиливаться и не есть ли это обоюдное усиленіе, укрѣпленіе нашей государственности. Наконецъ, въ правѣ ли Правительство испрашивать у Монарха использованія всѣхъ находящихся въ его распоряженіи законныхъ средствъ или это равносильно произволу? И, конечно, господа, Правительство не могло рѣшить этого вопроса въ пользу правительственнаго безсилія! Причина этому не самолюбіе Правительства, а прочность государственныхъ устоевъ. Поэтому и въ данномъ дѣлѣ, если только придавать ему крупное значеніе, если учитывать тотъ волшебный кругъ, въ который попало наше законодательство, Правительство должно было представить Верховной власти законный и благополучный изъ него выходъ. Какой же, господа, могъ быть выходъ изъ попавшаго въ изображенное мною только-что колесо дѣла, дѣла осуществленія западнаго земства, которое имѣло за себя сочувствіе Монарха, которое въ главныхъ основныхъ началахъ прошло черезъ Гос. Думу и было отвергнуто Государственнымъ Совѣтомъ, Конечно, первый, самый естественный и законный выходъ заключался во вторичномъ внесеніи этого закона на обсужденіе законодательныхъ учрежденій. Многіе говорятъ: если бы Правительство не отвернулось отъ народнаго представительства, если бы оно не предпочло остаться одинокимъ, вмѣсто того, чтобы идти рука объ руку съ Гос. Думой, то, при нѣкоторомъ терпѣніи

были бы достигнуты желательные результаты безъ нежелательныхъ потрясеній. Но вѣдь это, гг., не такъ, это было бы актомъ самообмана, если не лицемѣрія, это была бы отписка передъ западной Россіей, отписка тѣмъ болѣе жестокая, что ваши, полномочія, полномочія третьей Думы, въ скоромъ времени заканчиваются, и для того, чтобы покончить съ западнымъ земствомъ, отъ Гос. Совѣта не требовалось даже шумной процедуры обыкновеннаго погребенія недоношенныхъ законовъ, — достаточно было сдать его въ комиссію и нѣсколько замедлить его разсмотрѣніемъ. Но, говорятъ, въ такомъ случаѣ былъ другой законный способъ—это испрошеніе у Государя Императора роспуска законодательныхъ учрежденій, но роспускъ палатъ изъ-за несогласія съ Верхней Палатой, которая является, главнымъ образомъ, представительствомъ интересовъ, а не представительствомъ населенія, въ которомъ только половина членовъ выборныхъ лишено было бы практическаго смысла и значенія. Оставался третій выходъ—статья 87 я. Я уже говорилъ, господа, что Правительство ясно отдавало себѣ отчетъ, что оцѣнка законодательными учрежденія акта Верховной власти представляетъ изъ себя юридическую невозможность. Но, принимая вопросъ именно такъ и зная, что законодательныя учрежденія снабжены гораздо болѣе сильнымъ средствомъ—правомъ полнаго отклоненія временнаго закона, Правительство могло рѣшиться на этотъ шагъ только въ полной увѣренности, что актъ, изданный по ст. 87, по существу своему для Гос. Думы пріемлемъ. Внесеніе въ Гос. Думу на провѣрку закона, явно для Гос. Думы непріемлемаго, представляло бы изъ себя, конечно, верхъ недомыслія, и вотъ отсутствіе этого недомыслія, тождественность акта, изданнаго по ст. 87, съ законопроектомъ, прошедшимъ черезъ Гос. Думу, опорочивается какъ соблазнъ, какъ искушеніе, какъ лукавство! Опорочивается также и искусственность перерыва и проведеніе по ст. 87 закона, отвергнутаго Верхней Палатой въ порядкѣ ст. 86. Но, господа, то, что произошло теперь въ болѣе яркомъ освѣщеніи, молчаливо признавалось Гос. Думой при другихъ обстоятельствахъ! Я не буду касаться мелкихъ законовъ, я напомню вамъ прохожденіе законопроекта о старообрядческихъ общинахъ. Вы знаете, что по этому закону не состоялось соглашенія между обѣими Палатами и что въ настоящее время требуется лишь окончательная санкція этого разногласія Гос. Думою и законъ отпадетъ! Ни для кого не тайна, что Гос. Дума выслушаетъ это разногласіе передъ однимъ изъ перерывовъ своихъ занятій, въ полной увѣренности, что Правительство ходатайствуетъ у Государя Императора возстановленія существующаго закона, въ порядкѣ 87 статьи. Совершенно понятно, что если бы постановленіе Государственной Думы воспослѣдовало не передъ естественнымъ перерывомъ, то передъ Правительствомъ во весь ростъ сталъ бы вопросъ о необходимости искусственнаго перерыва, такъ какъ нельзя,

господа, нельзя приводить въ отчаяніе болѣе 10.000.000 русскихъ по духу и по крови людей изъ-за тренія въ государственной машинѣ. Нельзя, господа, изъ-за теоретическихъ несогласій уничтожать болѣе 1.500 существующихъ старообрядческихъ общинъ и мѣшать людямъ творить не какое нибудь злое дѣло, а открыто творить молитву, лишить ихъ того, что было имъ даровано Царемъ. И въ этомъ случаѣ Гос. Дума, устраняя необходимость искусственнаго перерыва, сама прикровенно наводитъ, толкаетъ Правительство на примѣненіе 87 ст.! Я въ этомъ не вижу ничего незаконнаго, ничего неправильнаго, но я думаю, что ораторъ, на котораго я раньше ссылался, долженъ былъ бы усмотрѣть тутъ, по его собственному выраженію, „вызовъ“, но уже со стороны Государственной Думы по отношенію Правительства, а Правительство по этой же теоріи должно было бы, вѣроятно, воздержаться отъ этого „искусительнаго предложенія“. Взвинтить на ненужную высоту возможно, конечно, каждый вопросъ, но государственно ли это? Конечно, ст. 87— средство крайнее, средство совершенно исключительное. Но, господа, она даетъ по закону возможность Монарху создать выходъ изъ безвыходнаго положенія. Если, напримѣръ, въ случаѣ голода законодательныя учрежденія, не сойдясь между собою, скажемъ, на цифрахъ, не могли бы осуществить законопроектъ о помощи голодающему населенію, развѣ провести этотъ законъ возможно было бы иначе, какъ въ чрезвычайномъ порядкѣ? Поэтому, правильно было искать въ этомъ же порядкѣ утоленіе духовнаго голода старообрядцевъ. Но отчего же менѣе важны культурные интересы шести западныхъ губерній?

Почему они должны быть принесены въ жертву нашей гармонически законченной законодательной безпомощности? Потому, скажутъ мнѣ, что эти 6 губерній жили до настоящаго времени безъ земства, проживутъ безъ него и далѣе, потому что этотъ вопросъ не касается всей Россіи и не можетъ быть поэтому признанъ первостепеннымъ. Но вѣдь старообрядческія общины и неурожаи—вопросы, которые по распространенію своему не касаются всей Россіи. Всей Россіи въ вопросѣ западнаго земства касается нѣчто другое и болѣе важное, чѣмъ географическое его распространеніе. Впервые въ русской исторіи на судъ народнаго представительства вынесенъ вопросъ такого глубокаго національнаго значенія. До настоящаго времени, къ рѣшенію такихъ вопросовъ народъ не пріобщался и, можетъ быть, поэтому онъ становился къ нимъ все болѣе и болѣе равнодушенъ; чувство, объединяющее народъ, чувство единенія тускнѣло и ослабѣвало! И если обернуться назадъ и поверхъ дѣйствительности взглянуть на наше прошлое, то въ сумеркахъ нашего національнаго блужданія ярко вырисовываются лишь два царствованія, озаренныя дѣйствительной вѣрой въ свое родное русское. Это царствованіе Екатерины Великой и Александра III. Но лишь въ царствованіе Императора Николая II вѣра въ народъ вопло-

тилась въ призваніе его къ рѣшенію народныхъ дѣлъ; и быть можетъ, гг., съ политической точки зрѣнія не было еще на обсужденіи Гос. Думы законопроекта болѣе серьезнаго, чѣмъ вопросъ о западномъ земствѣ. Въ этомъ законѣ проводится принципъ не утѣсненія, не угнетенія нерусскихъ народностей, а охраненія правъ коренного русскаго населенія, которому Государство измѣнить не можетъ, потому что оно никогда не измѣняло Государству и въ тяжелыя историческія времена всегда стояло на западной нашей границѣ на стражѣ русскихъ Государственныхъ началъ. Если еще принять во вниманіе, что даже поляки въ городахъ Царства Польскаго молчаливо одобряютъ огражденіе ихъ отъ подавляющаго вліянія еврейскаго населенія, путемъ выдѣленія его въ отдѣльныя національныя куріи, если того же самаго въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ въ той или другой формѣ будутъ требовать и нѣмцы Прибалтійскаго края по отношенію къ эстонцамъ и латышамъ, то вы поймете, насколько скромна была попытка нашего законодательнаго предположенія оградить права русскаго населенін въ шести западныхъ губерніяхъ. Не безъ трепета, гг., вносило Правительство впервые этотъ законопроектъ въ Гос. Думу: восторжествуетъ ли чувство народной сплоченности, которымъ такъ сильны наши сосѣди на Западѣ и на Востокѣ, или народное представительство начнетъ новую федеративную эру русской исторіи. Побѣдилъ, какъ вы знаете, историческій смыслъ: брошены были сѣмена новыхъ русскихъ политическихъ началъ, и если не мы, то будущія поколѣнія должны будутъ увидѣть ихъ ростъ. Но что же произошло послѣ этого? Отчасти случайно, по ошибкѣ, отчасти нарочито, эти новые побѣги, новые ростки начали набрежно затаптываться людьми, или ихъ не разглядѣвшими, или ихъ убоявшимися. Кто же долженъ былъ оградить эти всходы? Неужели гибнуть тому, что было создано, въ концѣ концовъ, взаимодѣйствіемъ Монарха и народнаго представительства? Тутъ, какъ въ каждомъ вопросѣ, было два пути, два исхода. Первый путь — уклоненіе отъ отвѣтственности, переложеніе ея на васъ путемъ внесенія вторично въ Гос. Думу правительственнаго законопроекта, зная, что у васъ нѣтъ ни силъ, ни средствъ, ни власти провести его дальше этихъ стѣнъ, провести его въ жизнь, зная, что это блестящая, но показная демонстрація! Второй путь: принятіе на себя всей отвѣтственности, всѣхъ ударовъ, лишь бы спасти основу русской политики, предметъ нашей вѣры... Первый путь, это ровная дорога и шествіе по ней, почти торжественное, подъ всеобщее одобреніе и аплодисменты, но дорога, къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ не приводящая никуда... Второй путь-путь тяжелый и тернистый, на которомъ подъ свистъ насмѣшекъ, подъ гулъ угрозъ, въ концѣ концовъ все же выходъ къ намѣченной цѣли. Для лицъ, стоящихъ у власти, нѣтъ, господа, грѣха большаго, чѣмъ малодушное уклоненіе отъ отвѣтственности. И я признаю открыто: въ томъ, что предложенъ былъ второй путь,

второй исходъ, отвѣтственны мы, въ томъ, что мы, какъ умѣемъ, какъ понимаемъ, бережемъ будущее нашей родины и смѣло вбиваемъ гвозди въ вами же сооружаемую постройку будущей Россіи, не стыдящейся быть русской, отвѣтственны мы, и эта отвѣтственность—величайшее счастье моей жизни. И какъ бы вы, господа, ни отнеслись къ происшедшему, а ваше постановленіе, быть можетъ, по весьма сложнымъ политическимъ соображеніямъ, уже предрѣшено, какъ бы придирчиво вы ни судили и не осудили даже формы содѣяннаго, я знаю, я вѣрю, что многіе изъ васъ въ глубинѣ души признаютъ, что 14-го марта случилась, нѣчто, не нарушившее, а укрѣпившее права молодого русскаго представительства. Патріотическій порывъ Гос. Думы въ дѣлѣ созданія русскаго земства на западѣ Россіи былъ понятъ, оцѣненъ и согрѣтъ одобреніемъ Верховной власти.

Русская Публичная
БИБЛІОТЕКА
въ Бѣлградѣ

Государственный Совѣтъ.

Засѣданіе Г. С. 1/II 11 г. Рѣчь о введеніи земскихъ учрежденій въ Западномъ краѣ.

Гг. Члены Государственнаго Совѣта! Основныя положенія правительственнаго проекта о введеніи земскихъ учрежденій въ Западномъ краѣ были, послѣ долгихъ и довольно страстныхъ преній, въ главныхъ чертахъ еще въ минувшемъ году приняты Государственной Думой. Особая комиссія Государственнаго Совѣта присоединилась къ предположеніямъ правительства и признала возможнымъ возстановить первоначальную правительственную редакцію въ отношеніи земельнаго ценза, участія духовенства въ земствѣ, и обязательности избранія Предсѣдателя управъ изъ числа лицъ русскаго происхожденія. Такимъ образомъ невозстановленнымъ оказался лишь одинъ принципъ правительственной системы—принципъ ограниченія извѣстнымъ процентомъ лицъ польскаго происхожденія, служащихъ въ земствѣ по найму. Несмотря на, казалось бы, такую прочную постановку дѣла, я все же, конечно, не могъ не предвидѣть, что здѣсь въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, на правительственный законопроектъ будутъ сыпаться удары со всѣхъ сторонъ, такъ какъ имъ затронутъ вопросъ, котораго, къ сожалѣнію, нельзя было обойти,—вопросъ, издавна глубоко волновавшій и глубоко волнующій русскую общественную мысль, вопросъ объ русско-польскихъ отношеніяхъ. Конечно, можетъ быть, было бы осторожнѣе этого вопроса совершенно не касаться, но сдѣлать это было возможно только однимъ путемъ—не поднимая совершенно вопроса о западномъ самоуправленіи. На это мнѣ и указывалось съ двухъ сторонъ: съ одной стороны—поляки говорятъ, что вопросъ о земствѣ возникъ случайно, вслѣдствіе законодательнаго заявленія объ измѣненіи порядка выборовъ членовъ Государственнаго Совѣта отъ западныхъ губерній, при чемъ правительство будто бы схватилось за этотъ случай для того, чтобы будто бы еще разъ въ новой области самоуправленія ввести новыя ограниченія по отношенію лицъ польскаго просхожденія; на эту то случайность

указывали и нѣкоторые русскіе, утверждая, что положеніе 2 апрѣля 1903 года дѣйствуетъ вполнѣ удовлетворительно и что всякое его измѣненіе поведетъ лишь къ уменьшенію русскаго вліянія въ краѣ. Поэтому я, прежде всего, долженъ былъ задать самъ себѣ вопросъ: да не возбужденъ ли весь этотъ вопросъ легкомысленно, неосмотрительно, случайно, не поведетъ ли измѣненіе нынѣшняго положенія къ ухудшенію и политическому и хозяйственному? Отвѣчая на это, я долженъ, прежде всего, отмѣтить, что вопросъ о введеніи земства озабочивалъ нынѣшнее Правительство еще начиная съ 1906 года, и если эти проекты правительства потерпѣли нѣкоторое замедленіе, то произошло это по двумъ, или даже по тремъ причинамъ: во-первыхъ Государственная Дума сначала относилась весьма отрицательно къ распространенію земства положенія 1890 года на новыя губерніи; затѣмъ первоначальный министерскій проектъ былъ основанъ на принципѣ пропорціональности, что тогда же было признано Правительствомъ и слишкомъ сложнымъ и неотвѣтствующимъ русскимъ интересамъ въ краѣ, тѣмъ болѣе, что въ третьихъ—надо же быть откровеннымъ—примѣръ и опытъ первыхъ Государственныхъ Думъ и Государственнаго Совѣта убѣдилъ Правительство въ особой сплоченности, въ особой замкнутости польскаго элемента. Но какъ только возникла возможность, или скорѣе надежда, провести законопроектъ соотвѣтствующій Государственнымъ интересамъ, то онъ тотчасъ же и былъ представленъ на законодательное разсмотрѣніе. Теперь переходя къ вопросу о томъ, почему же Правительство не можетъ удовлетвориться положеніемъ 2 апрѣля 1903 года, я хотѣлъ бы, чтобы противники мои мысленно на минуту забыли всѣ привходящіе аргументы и мотивы, которые дѣлаютъ для нихъ Правительственный проектъ непріемлемымъ и вырѣшили бы сами для себя, внѣ круга этихъ привходящихъ понятій, коренной основной вопросъ: да, необходимо, нужно ли земское самоуправленіе въ Западномъ краѣ или нѣтъ? Намъ только что сейчасъ говорили, что положеніе 2 апрѣля 1903 года совсѣмъ не такъ плохо, что оно вполнѣ удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ. Я охотно признаю, что этотъ законопроектъ былъ большимъ шагомъ впередъ по сравненію съ прежними губернскими распорядительными комитетами. Но можно ли серьезно говорить о томъ, что при наличіи этого положенія возможенъ экономическій расцвѣтъ, экономическій подъемъ края, который имѣетъ всѣ задатки для широкаго своего развитія? Вѣдь трудно, господа, доказывать, что лица, которымъ приказано, которыя назначены для того, чтобы отстаивать мѣстные интересы, будутъ дѣлать это лучше, проявятъ больше самодѣятельности, чѣмъ лица, уполномоченныя на это мѣстнымъ населеніемъ. Трудно доказать, что утвержденіе, въ очень большомъ количествѣ случаевъ, земскихъ смѣтъ въ законодательномъ порядкѣ не будетъ служить помѣхой, тормазомъ для развитія земскаго дѣла въ краѣ. Наконецъ, какъ вы дока-

мете, что при отсутствіи уѣздныхъ земскихъ смѣтъ уѣздныя земскія собранія заинтересованы въ правильной постановкѣ земскаго бюджета, заинтересованы они только въ одномъ: получить какъ можно больше ассигнованій на свой уѣздъ, т. е. расходовать какъ можно больше земскихъ денегъ. Коррективомъ къ этому не можетъ служить и статья 71, на которую здѣсь ссылались, такъ какъ она является лишь паліативомъ и далеко не всегда примѣнима. Не можетъ быть также доказательно сравненіе развитія земскаго хозяйства, скажемъ, Кіевской и Курской губерній, такъ какъ цифры берутся за разные годы и единицы эти не сравнимы ни по пространству земельному, ни по количеству населенія при чемъ совершенно забываются другіе примѣры: сравненіе однородныхъ губерній—Могилевской и Смоленской губерній, которое приводитъ къ совершенно другимъ выводамъ. Членъ Государственнаго Совѣта Зиновьевъ указывалъ на примѣръ, который мнѣ хорошо знакомъ, на Ковенскую и Саратовскую губерніи, говоря, что Саратовская губернія богата по сравненію съ Ковенской только лишь, можетъ быть, поджогами и актами хулиганства. Я на это скажу, что, зная эти двѣ губерніи, я могу подтвердить, что Саратовская губернія богаче больницами и школами.

Правиленъ можетъ быть во всѣхъ этихъ доводахъ защитниковъ положенія 2 апрѣля 1903 г. только одинъ аргументъ; правы они, говоря, что русское землевладѣніе въ Западномъ краѣ не играетъ еще достаточной роли въ мѣстной жизни, что въ краѣ мало полныхъ цензовиковъ, что тамъ съ трудомъ можно найти должностныхъ лицъ для занятій должностей уѣздныхъ предводителей, земскихъ начальниковъ, мировыхъ посредниковъ,—правиленъ, конечно, этотъ доводъ, но не правиленъ выводъ. Прекрасный край спитъ, поэтому, говорятъ, онъ встряхнуться не можетъ и необходимо оставить его въ тѣхъ условіяхъ, которыя создаютъ эту сонливость. Но, господа, вѣдь рядомъ межа къ межѣ за государственной границей люди живутъ въ одинаковыхъ условіяхъ, лихорадочно работаютъ, богатѣютъ, создаютъ новыя цѣнности, накапливаютъ ихъ, не зарываютъ свой талантъ въ землю, а удесятеряютъ въ короткій срокъ силу родной земли. Это движеніе тамъ, да не только тамъ, но даже и въ странахъ, которыя считались недавно еще варварскими и дикими, создается тѣмъ, что люди тамъ поставлены въ положеніе самодѣятельности и личной иниціативы. Почему же у насъ необходимо ихъ ставить въ положеніе спячки, и потомъ удивляться, что они не шевелятся. Я думаю, что каждый, знающій Западный край, вамъ скажетъ, что тамъ не менѣе, а гораздо болѣе подходящихъ условій для развитія земской самодѣятельности, чѣмъ даже, можетъ быть, въ коренныхъ земскихъ губерніяхъ Россіи. Да, не въ томъ, господа, ваши сомнѣнія. Возраженія ваши исходятъ изъ другихъ соображеній; мнѣ скажутъ, да ужъ и говорили, что все то, что я привожу, можетъ быть и вѣрно, но то что я предлагаю,—земство

только по названію и можетъ послужить почвой для развитія не экономической самодѣятельности, а развѣ лишь для развитія племенной борьбы. Къ этой категоріи возраженія я и перейду, но позвольте мнѣ сначала отмѣтить, что я считаю отпавшими первоначальныя сомнѣнія относительно возможности и желательности перехода къ иному способу хозяйственнаго управленія, чѣмъ законъ 2 апрѣля 1903 г., къ способу болѣе совершенному. Этимъ болѣе совершеннымъ способомъ могло быть, конечно при нормальномъ положеніи края, то земское положеніе, которое дѣйствуетъ во всей остальной Россіи. Введи мы завтра это положеніе въ западномъ краѣ—результаты были бы поразительные и я увѣренъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ край былъ бы неузнаваемъ. Я, господа, прямо и охотно признаю, что тѣ ограниченія, которыя я предлагаю, что они послужатъ тормозомъ для этого развитія, что они задержатъ земское развитіе края въ томъ масштабѣ, въ которомъ я этого ожидаю.—И я иду на эту задержку по соображеніямъ Государственной необходимости, по соображеніямъ, о которыхъ я подробно говорилъ въ Гос. Думѣ и повтореніемъ которыхъ я васъ утомлять не буду. Я только хотѣлъ бы устранить одно недоразумѣніе, которое, оставшись не устранен нымъ, могло бы затемнить ясностъ дальнѣйшаго моего изложенія. Я имѣю въ виду упрекъ, который былъ мнѣ тутъ сдѣланъ и который повторяется всѣми противниками Правительственнаго законопроекта, упрекъ, заключающійся въ томъ, что, вводя въ дѣло соображенія не только хозяйственныя, мѣстныя, но и иныя, можетъ быть и высшаго порядка, Правительство вноситъ въ земское дѣло элементы его разрушенія, зерно погибели—политику. Это понимаютъ всѣ, и земцы и не земцы. Этимъ аргументомъ пользуются и польскіе представители, завѣряя, что если бы изъ дѣла изъять, выдернуть жало—національный вопросъ, то земская работа пошла бы въ краѣ мирно и спокойно. Я рѣшаюсь оспаривать правильность такой постановки вопроса, такъ какъ въ этомъ логическомъ построеніи упущено одно существенное обстоятельство. Обстоятельство это извѣстно всѣмъ жившимъ, а тѣмъ болѣе служившимъ въ Западномъ краѣ и заключается въ томъ, что въ виду ли историческихъ причинъ, или разноплеменности края—тамъ нѣтъ ни одного вопроса, въ который не входила бы политика. Это понятно иначе быть не можетъ и я далекъ отъ того, чтобы упрекать въ этомъ поляковъ. Поляки, бывшіе господа края, они утеряли тамъ власть, но сохранили богатства, сохранили культуру и сохранили воспоминанія, которыя даютъ привычку властвовать, привычку господствовать. Мнѣ скажутъ, что ихъ тамъ всего 4 проц. не болѣе. Но, господа, вѣдь вы люди жизни, вы люди опыта! Развѣ недостаточно иногда въ уѣздѣ одного человѣка, да не только въ уѣздѣ,—въ губерніи, а, я думаю, и въ штатѣ, и въ провинціи, и въ департаментѣ, и въ графствѣ, одного человѣка, богатаго, связаннаго съ краемъ прежними своими семейными традиціями и притомъ честолюбиваго,

дѣятельнаго, для того, чтобы захватить въ свои руки все вліяніе, для того, чтобы придать всему краю свою окраску, особенно тогда, когда ему нѣтъ противовѣса, когда кругомъ нѣтъ другой сосредоточенной силы. Это дѣлается само собой. А такъ какъ въ западномъ краѣ такіе немногочисленные, но вліятельные лица— поляки, и ихъ всѣ и вся со всѣхъ сторонъ толкаютъ къ отстаиванію своихъ національныхъ интересовъ, то понятно, что каждый вопросъ въ краѣ просачивается, пропитывается элементомъ своей собственной краевой политики. И самые умѣренные люди, самые далекіе отъ политики, не могутъ идти противъ теченія и, сами того не замѣчая, дѣлаютъ политику, какъ Мольеровскій, на этотъ разъ не Діафорюсъ, а Жюрденъ, самъ того не зная, дѣлалъ прозу! Возьмите любое учрежденіе въ краѣ: возьмите кредитныя товарищества, сельско-хозяйственныя общества, выставки, банки, да возьмите наконецъ, хотя бы виленскій земельный банкъ, который въ свое время, вспомните, былъ основанъ для отстаиванія русскихъ земледѣльческихъ интересовъ и превратился въ польское національное учрежденіе! Всюдѣ, всюду, господа, проникаетъ политика. И вы хотите, чтобы Правительство закрыло на это глаза, чтобы оно, введя въ край земство, ничего не противопоставило этой лавинѣ надвигающейся политики, но, что вы называете введеніемъ земства въ политику — это предохранительная прививка, это страховка отъ политики, страховка отъ преобладанія одной части населенія, одного элемента надъ другими, преобладанія, которое безъ уравненія регуляторомъ, не даромъ же находящимся въ рукахъ государства, придастъ одну однородную, одностороннюю окраску земскимъ учрежденіямъ, а черезъ нихъ и всему краю. Вотъ почему, господа, позвольте мнѣ считать также установленнымъ, что введеніе общихъ земскихъ учрежденій въ край, безъ всякихъ поправокъ, внесло бы въ жизнь его лихорадочную политическую борьбу. О способѣ регулированія соотношенія силъ я скажу сейчасъ. Но раньше позвольте мнѣ остановить ваше вниманіе еще на одномъ недоумѣніи. Правительственные оппоненты указываютъ на то, что если такъ или иначе ограничить польскій культурный элементъ въ земствѣ, то остающійся элементъ не дастъ достаточно пригоднаго матеріала для созданія прочныхъ земскихъ кадровъ. Для того, чтобы выяснить этотъ вопросъ, необходимо на время совершенно забыть про польскій элементъ и, расцѣнивая наличныя земскія силы, допустить на время, что этого элемента совершенно не существуетъ. И вотъ, разсматривая собранный статистическій матеріалъ, я нахожу на этотъ вопросъ по всѣмъ губерніямъ утвердительный отвѣтъ. Вы знаете, господа, что Правительство не пренебрегало разработкой статистическихъ данныхъ, что оно, въ послѣднее время, сдѣлало почти поименное обслѣдованіе будущихъ земскихъ избирателей по самымъ, съ точки зрѣнія Правительства, слабымъ двумъ уѣздамъ каждой изъ шести губерній. И вотъ такія, эти, казалось, бы

для Правительства неблагопрітныя, цифры по двумъ уѣздамъ каждой губерніи показываютъ, что число полныхъ цензовиковъ вездѣ превышаетъ число предполагаемыхъ гласныхъ. Конечно, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ избиратели, быть можетъ. сами себя объявятъ гласными, можетъ случиться и недоборъ, но развѣ этого не случается и въ коренныхъ земскихъ губерніяхъ? Для того, однако, чтобы усилить русскія куріи, Государственная Дума приняла поправку, уменьшающую земскій цензъ вдвое. Господа, я нахожу, что къ поправкамъ, вносимымъ въ наши законопроекты Государственною Думой, надо относиться съ величайшей бережностью, Государственный Совѣтъ точно такъ-же, какъ и Правительство, смѣю думать, стоитъ на стражѣ государственности и должны отклонять всѣ нововведенія, всѣ поправки, которыя имѣютъ характеръ противо-государственный, противуобщественный, противунаціональный. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ кажется необходимымъ сугубо остерегаться пренебрежительнаго отношенія къ тѣмъ нововведеніямъ со стороны Г. Думы, которыя съ точки зрѣнія государственной пріемлемы, такъ какъ законодатели призваны отъ земли для того, чтобы вносить жизненныя поправки, въ предположенія Правительства, а три законодательные фактора — Госуд. Дума, Госуд. Совѣтъ и Правительство — прежде, чѣмъ подносить законопроекты на Монаршую санкцію, должны, обязаны всѣми силами стремиться къ направленію ихъ по согласованному пути. Вотъ почему Правительство, изучивши поправку, предложенную Государственной Думой, и находя, что поправка эта улучшаетъ законопроектъ, изъявило согласіе на его принятіе. Улучшеніе законопроекта Правительство видитъ въ томъ, что, увеличивая количество полныхъ цензовиковъ, предложенная поправка, вмѣстѣ съ тѣмъ, не ухудшаетъ ихъ качества. Уже одно то соображеніе, что за послѣднее десятилѣтіе цѣнность недвижимаго имущества удвоилась, казалось бы, говоритъ за логичность предлагаемой мѣры. Но я не иду такъ далеко, я не обобщаю своихъ соображеній, я считаю это мѣропріятіе совершенно частнымъ, мѣстнымъ, вызваннымъ политическими соображеніями и все же нахожу, что вводя земство въ Западномъ краѣ, вводя новое мѣропріятіе, надо его примѣнять къ мѣстнымъ условіямъ для того, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ не быть принужденнымъ вносить измѣненія въ только что принятый законъ. Противъ пониженія ценза обыкновенно приводятъ два соображенія: говорятъ во-первыхъ что онъ ухудшаетъ, понижаетъ культурный уровень избирателей, а съ другой стороны, что эта мѣра страдаетъ огульностью. Но опять-таки изъ разсмотрѣнія цифръ видно, что составъ полуцензовиковъ въ образовательномъ отношеніи совершенно доброкачественъ, понижается лишь нѣсколько количество лицъ, окончившихъ высшія и среднія учебныя заведенія и въ самой ничтожной мѣрѣ проходятъ неграмотные. Что касается огульности этого мѣропріятія, то она оправдывается тѣмъ, что цензъ, по самой природѣ своей, долженъ быть признакомъ по-

стояннымъ, для разныхъ уѣздовъ равноцѣннымъ. Стоимость земли --признакъ постоянный, такъ какъ стоимость увеличивается или уменьшается равномѣрно, другіе же признаки, какъ напримѣръ соотношеніе цензовиковъ къ количеству гласныхъ — это признакъ временный, онъ придаетъ цензу характеръ случайности и вводитъ крайнюю разноцѣнность даже по близлежащимъ рядомъ другъ съ другомъ уѣздамъ. Всѣ эти соображенія, я думаю, показываютъ, что уменьшеніе ценза поведетъ лишь къ сплоченію массы средне состоятельныхъ, но культурныхъ русскихъ собственниковъ, которые иначе, можетъ быть, потонули бы въ морѣ мелкихъ избирателей. Я знаю, что со стороны польскихъ представителей существуетъ еще одно возраженіе. Говорятъ, что при разслоеніи мелкихъ избирателей верхній слой переходящій въ разрядъ полныхъ цензовиковъ, окажется состоящимъ изъ чиновниковъ и крестьянъ. Чиновники же элементъ не земскій, а крестьяне будто бы по своему развитію не пригодны для земскаго дѣла. Я не раздѣляю этого мнѣнія. Я видѣлъ чиновниковъ, сѣвшихъ на землю, которые составляютъ элементъ для земства въ высшей степени полезный, а земцевъ-крестьянъ, я думаю, хорошо знаютъ всѣ находящіеся здѣсь земскіе люди. Гораздо труднѣе, признаюсь, защищать правильность и логичность пониженія полнаго ценза, одновременнаго и автоматическаго пониженія той доли ценза, которая даетъ право мелкимъ избирателямъ участвовать въ избирательныхъ съѣздахъ. Мое личное мнѣніе таково, что люди малосостоятельные, малокультурные будутъ принимать мало участія и въ работахъ земства, а развитые крестьяне-собственники отлично поведутъ земское дѣло. Но я не отрицаю, что та категорія собственниковъ, владѣющихъ отъ $^1/_{10}$ до $^1/_{20}$ ценза, которые получили бы впервые избирательные права, составляютъ среду довольно темную. Въ одной лишь Волынской губерніи число неграмотныхъ въ этой категоріи составляетъ около 50 проц., въ остальныхъ число ихъ превышаетъ половину, а въ Могилевской достигнетъ 70 проц. Такимъ образомъ струя, которая вливается въ избирательные съѣзды, струя некультурная, и конечно, понизитъ общій образовательный уровень и культурность мелкихъ избирателей. Указываютъ еще на одну опасность, на то, что при такомъ положеніи уполномоченные задавили бы полуцензовиковъ. такъ какъ при полномъ цензѣ число ихъ составляло 45 проц., а при пониженномъ цензѣ достигаетъ, кажется, 61 проц. Но если существуетъ такая опасность, то вѣдь ее легко устранить тѣмъ способомъ, который былъ указанъ членомъ Государственнаго Совѣта Д. И. Пихно. Достаточно для этого, понизивъ земельный цензъ вдвое, сохранить не менѣе одной пятой пониженнаго ценза или, что то же, одну десятую правительственнаго для права участія въ избирательныхъ съѣздахъ. Всѣ приведенныя данныя доказываютъ, я думаю, что, помимо польскаго элемента, въ Западномъкраѣ достаточно матеріала для того, чтобы создать совершенно работоспособное зем-

ство, по крайней мѣрѣ, не менѣе работоспособное, чѣмъ въ нашихъ восточныхъ земскихъ губерніяхъ. Тутъ кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ предложеніи, которое было сдѣлано въ рѣчи графа С. Ю. Витте, сводящемуся къ тому, чтобы въ Западномъ краѣ примѣнить не положеніе 1890 г., а положеніе 1860 г., что тѣмъ самымъ дастъ, если не преобладающее, то почти равное значеніе крестьянству, т. е. элементу русскому, православному, которому надо же, наконецъ, довѣриться. Такимъ образомъ, само собой, естественно, безъ всякихъ хитросплетеній, безъ ограниченія правъ поляковъ, мы получимъ въ Западномъ краѣ самостоятельное русское земство. Я думаю, что это не совсѣмъ такъ. Членъ Государственнаго Совѣта А. Р. Стишинскій уже по этому вопросу далъ нѣкоторыя объясненія, которыя облегчаютъ мою задачу. Я долженъ точно также, какъ и онъ, указать, что по положенію 64 г. существовали отдѣльныя крестьянскія куріи, что по положенію 1890 г. крестьяне получаютъ около одной трети голосовъ въ земскихъ собраніяхъ, по положенію 64 г. имъ было отведено около 40 проц. голосовъ, но при настоящемъ положеніи дѣла крестьяне имѣютъ еще возможность проникнуть въ гласные черезъ избирательные съѣзды въ качествѣ мелкихъ землевладѣльцевъ. Такимъ образомъ, число крестьянъ по положенію 64 г. и по положенію 90 г. совершенно почти сходно. Тутъ разница, господа, совершенно въ другомъ, какъ и было уже указано. По положенію 64 года крестьяне могли свободно избирать гласныхъ, по положенію 90 г. губернаторъ утверждаетъ гласныхъ, избранныхъ крестьянскимъ сходомъ. Однако вамъ, вѣроятно, всѣмъ извѣстно, что нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ въ 1906 г. указомъ отъ 5 октября сравнялъ, въ этомъ отношеніи, крестьянъ съ другими сословіями. Они имѣютъ одинаковыя выборныя права съ другими сословіями. Я самый горячій сторонникъ привлеченія крестьянскаго сословія къ земскимъ работамъ, но нахожу, что никакого особеннаго преобладающаго значенія одному сословію передъ другимъ, особенно сословію менѣе культурному, придавать нельзя. Мы вѣдь часто, господа, находимся во власти звуковъ, во власти историческихъ датъ, которыя примѣняются иногда огульно и неосторожно. Я повторяю, по положенію 64 г. никакихъ особыхъ преимуществъ противъ существующаго положенія крестьянству дано не было, не была даже допущена для нихъ свобода соревнованія съ классами болѣе интеллигентными. Одинъ разъ въ исторіи Россіи былъ употребленъ такой пріемъ и государственный разсчетъ былъ построенъ на широкихъ массахъ безъ учета ихъ культурности — это при выборахъ въ первую Государственную Думу. Но карта эта, господа, была бита. Слушая краснорѣчивыя рѣчи графа С. Ю. Витте и М. М. Ковалевскаго, я представлялъ себѣ не только всѣмъ извѣстный образъ развитого, смѣтливаго хохла-малоросса, но я вспоминалъ хорошо мнѣ вѣдомаго, симпатичнаго, но темнаго еще крестьянина бѣло-

русса или полѣщука, обитателя необозримаго Полѣсья, и мнѣ казались слишкомъ ранними мечты о сопоставленіи въ будущемъ земскомъ собраніи добродушнаго бѣлорусса-могилевца съ тонкимъ, политически воспитаннымъ польскимъ магнатомъ! Но переходя отъ мечтаній къ дѣйствительности, я возвращаюсь къ указанію на то, что и помимо польскаго элемента для будущаго земства существуетъ въ краѣ достаточно дѣеспособныхъ элементовъ, но чтобы еще ихъ оживить, необходимо уничтожить тѣ помѣхи, тѣ препятствія, которыя мѣшаютъ сплоченію низовъ русскаго населенія. Одной изъ главныхъ къ тому помѣхъ является отсутствіе въ земскихъ собраніяхъ выборнаго духовенства. Конечно, одинъ формально назначенный депутатъ отъ духовнаго сословія не можетъ замѣнить выборнаго священника. Я, господа, не буду вамъ указывать тутъ на историческую роль, скажу, даже, историческій подвигъ, русскаго духовенства на Западѣ. Я не буду указывать вамъ на его значеніе, скажемъ, въ вопрссѣ о народномъ просвѣщеніи въ настоящее время. Но обратите вниманіе на бытовую сторону этого дѣла. Вѣдь никто не будетъ отрицать, что семьи русскаго духовенства иногда живутъ въ краѣ на одномъ мѣстѣ въ продолженіи почти сотни лѣтъ, что онѣ сроднились, срослись съ мѣстнымъ простонародьемъ. Вѣдь ясно, что въ будущихъ земскихъ собраніяхъ онѣ явились бы спайкой между русскими полными цензовиками и гласными-крестьянами. Но, оказывается, что такую выгодную для самоуправленія обстановку государство должно игнорировать, не смѣетъ на нее обращать вниманія и должно съ трафаретной мудростью переносить общее положеніе, общій земскій порядокъ изъ центра на окраину. Правительство, или, скорѣе, Государство должно забыть также, что существуетъ одно лицо въ земствѣ, національность котораго имѣетъ преобладающее значеніе. Лицо это—предсѣдатель земской управы. Онъ не только обязанъ по закону наблюдать за работою земскихъ управъ, не только отвѣчать за коллегіальныя ея постановленія, но имѣетъ преобладающее вліяніе на приглашеніе наемнаго персонала, онъ является представителемъ земства передъ правительствомъ, онъ участвуетъ въ губернскомъ земскомъ собраніи и въ училищномъ совѣтѣ. И, конечно, въ губерніяхъ Царства Польскаго въ будущемъ и въ русскихъ губерніяхъ въ настоящемъ, лицо польскаго происхожденія съ достоинствомъ и честью носило бы это высокое званіе. Но въ настоящее время, пока, въ Западномъ краѣ онъ стихійно, онъ помимо себя будетъ выразителемъ національныхъ вожделѣній. И преграду этому можетъ поставить только Государство. Нельзя вопросъ этотъ ставить, какъ вопросъ довѣрія къ той или иной группѣ лицъ, группѣ гласныхъ, группѣ избирателей; это вопросъ, который находится внѣ сферы ихъ сужденій, къ нимъ нельзя предъявлять такихъ требованій—это вопросъ государственнаго огражденія. Если считать, что всякій актъ государственной необходимости есть актъ недовѣрія, то таковымъ

тогда будетъ каждый факторъ государственной жизни, начиная съ какого-нибудь шлагбаума на рельсовомъ пути и кончая ограниченіями, поставленными закономъ для выборовъ господъ членовъ Гос. Совѣта. Если возможно установить, чтобы половина членовъ губернской управы. были русскіе, то Государство въ правѣ, точно также, потребовать, чтобы изъ этой же половины были бы избираемы и предсѣдатели управъ. И вотъ, при наличіи такихъ условій, я и полагаю, что вводимое земство будетъ культурно, будетъ работоспособно и будетъ государственно. Но еще болѣе культурности, еще болѣе работоспособности получится отъ введенія въ земское собраніе до 16 проц. польскаго культурнаго элемента, такъ какъ вамъ извѣстно, что польское населеніе края не достигаетъ и 4 проц. Впрочемъ противъ цифръ, кажется, не спорятъ. Говорятъ, что обидно и оскорбительно, что выборы гласныхъ — поляковъ и русскихъ — будутъ происходить по разнымъ собраніямъ, въ разныхъ куріяхъ. Соглашаясь на установленіе опредѣленнаго числа гласныхъ поляковъ и гласныхъ русскихъ, говорятъ: пусть русскіе выбираютъ и русскихъ и поляковъ, и пускай поляки выбираютъ и поляковъ и русскихъ, иначе будутъ выбраны представители крайняго національнализма, а не люди хозяйственные. Выбранные же въ одномъ общемъ собраніи гласные подадутъ другъ другу руки на почвѣ хозяйственной работы. Почему это такъ, я, сознаюсь, не понимаю. Потому ли, какъ я только что старался доказать, что въ каждомъ дѣлѣ въ Западномъ краѣ привходитъ политика, потому ли, что необходимо собраніе не политическое, чисто подготовительное, чисто техническое обратить непремѣнно въ собраніе политическое? Развѣ, господа, вы вѣрите, что въ такомъ избирательномъ собраніи польскіе избиратели будутъ расцѣнивать только хозяйственныя качества избирателя русскаго, а не будутъ судить о немъ по степени симпатій его къ польской культурѣ? Надо смотрѣть на вещи прямо. Почему же поляки въ каждомъ собраніи, въ каждомъ учрежденіи, группируются по національностямъ? Да почему вотъ здѣсь въ Государственномъ Совѣтѣ, или въ Государственной Думѣ польскіе представители не разошлись по партіямъ, по фракціямъ, не присоединились къ октябристамъ, къ кадетамъ, къ торгово-промышленникамъ, а образовали изъ себя сплоченное національное коло? Да потому, господа, что они принадлежатъ къ націи, скованной народнымъ горемъ, сплочены историческимъ несчастіемъ и давними честолюбивыми мечтами, потому что они принадлежатъ къ націи, у которой одна политика—родина! И вотъ эти, скажу, высокія побужденія придали польскому населенію большой политическій закалъ. И этой закаленной группѣ вы хотите противопоставить массу, состоящую изъ недавнихъ, въ краѣ землевладѣльцевъ и мелкихъ собственниковъ крестьянскаго облика. Эта масса безхитростная политически, не воспитанная и ее, не умѣющую еще плавать, вы хотите бросить въ море политической борьбы. Я

увѣренъ, что русскія начала со временемъ восторжествовали бы, но къ чему это новое испытаніе, не вызванное теперь борьбою народовъ, а лишь исканіемъ и блужданіемъ политической мысли. Говорятъ, что постыдно для русскаго государства образованіе на русской окраинѣ, на русской землѣ, особыхъ національныхъ инородческихъ политическихъ группъ или курій. Но вы забываете, что эти группы, эти куріи не политическія, что онѣ подготовительныя, что это мѣра отбора, мѣра ограниченія. Въ запискѣ своей, отпечатанной и разосланной всѣмъ членамъ Государственнаго Совѣта, членъ Государственнаго Совѣта князь А. Д. Оболенскій дѣлаетъ ссылку на то, что образованіе курій было бы равносильно образованію въ нашемъ войскѣ особаго польскаго полка или баталіона. Его же примѣромъ я и воспользуюсь. Князь, видимо, забылъ, что при комплектованіи этого самаго войска для тѣхъ лицъ, которыя способы этого комплектованія умѣютъ обратить въ свою пользу, существуютъ особыя курін. Для татаръ, для евреевъ существуетъ особый способъ комплектованія войска, особое жребьеметаніе, особое свидѣтельствованіе. Набираютъ ихъ отдѣльно, а потомъ сражайтесь вмѣстѣ! Такое обособленіе никѣмъ никогда не признавалось угрожающимъ, никто не видѣлъ еще въ немъ опасности возрожденія израильскаго царства въ Вильнѣ, или татарскаго царства въ Казани. Я думаю, что отмѣна этого ограниченія вызвала бы, наоборотъ, много горькихъ слезъ христіанскихъ, не только русскихъ, но и польскихъ матерей. Возвращаясь къ общему вопросу, я нахожу, что совершенно недопустимо разногласіе съ Государственной Думой въ вопросѣ, въ которомъ Дума поднялась до высокаго пониманія русскаго государственнаго начала. Я не хочу вѣрить, чтобы и русскіе и польскіе избиратели могли быть ввергнуты въ совершенно ненужную и безплодную политическую борьбу, но пусть, господа, не будетъ другого, пусть изъ боязни идти своимъ русскимъ твердымъ путемъ не остановится развитіе прекраснаго и богатаго края, пусть не будетъ отложено, и затѣмъ надолго забыто введеніе въ краѣ земскаго самоуправленія. Этого достичь легче, къ этому идутъ! И если это будетъ достигнуто, то въ многострадальную исторію русскаго запада будетъ вписана еще одна страница, страница русскаго пораженія. Придавлено, побѣждено будетъ возрождающееся русское самосознаніе и не на полѣ брани, не силою меча, а на ристалищѣ мысли, гипнозомъ теоріи и силою красивой фразы!

Засѣданіе Г. С. 1/IV 11 г. Отвѣтъ на запросъ о примѣненіи ст. 87 Основныхъ законовъ.

Господа члены Государственнаго Совѣта. Изъ текста предъявленнаго ко мнѣ запроса я усматриваю, что отъ меня требуется разъясненіе, почему я представилъ на Высочайшее утвержденіе

во время перерыва занятій Законодательныхъ Учрежденій, перерыва, къ тому же созданнаго самимъ Правительствомъ, обширный законъ, только что передъ этимъ отклоненный Государственнымъ Совѣтомъ. Я начну съ того, что если въ этомъ дѣяніи Правительства была бы найдена какая-либо незакономѣрность, какое-либо нарушеніе Основныхъ Законовъ, то отвѣтственность за это всецѣло лежитъ на мнѣ, какъ на лицѣ, представившемъ этотъ актъ отъ имени Совѣта Министровъ на утвержденіе Государя Императора и утаившемъ уклоненіе его отъ истиннаго смысла закона. Поэтому я не могу не чувствовать признательности къ авторамъ запроса, которые взяли на себя иниціативу въ этомъ дѣлѣ, иниціативу, дающую мнѣ возможность представить вамъ отвѣтъ. При чемъ, какъ бы ни былъ принятъ этотъ отвѣтъ, я прошу Государственный Совѣтъ вѣрить, что Правительство въ этомъ случаѣ руководствовалось только Государственной необходимостью такъ, какъ оно ее понимало, а ничуть не чувствомъ небреженія или неуваженія къ правамъ, и къ мнѣнію того высокаго Учрежденія, предъ которымъ я имѣю честь давать свои объясненія. Читая рѣчи гг. членовъ Государственнаго Совѣта, я пришелъ къ убѣжденію, что высказанные ими доводы могутъ быть раздѣлены на три категорій. Во-первыхъ — доводы юридическаго свойства. Эти доводы, въ вопросѣ о незакономѣрности, имѣютъ ко мнѣ преобладающее и даже единственное значеніе. Затѣмъ идутъ замѣчанія о созданіи прецедента и объ оскорбительномъ, даже небрежительномъ отношеніи Правительства къ Верхней или даже къ обѣимъ Палатамъ, противъ чего я въ свое время буду самымъ рѣшительнымъ и энергичнымъ образомъ возражать. И, наконецъ, указанія по существу о томъ, что въ данномъ дѣлѣ не было тѣхъ признаковъ чрезвычайности, которые одни только могутъ обусловить, оправдать примѣненіе ст. 87-й Основныхъ законовъ.

Рѣшеніе вопроса о наличіи чрезвычайныхъ обстоятельствъ принадлежитъ не Законодательнымъ Учрежденіямъ и предметомъ ихъ запросовъ быть не можетъ. Они представляютъ предметъ доклада Совѣта Министровъ одному Монарху. Если я остановлюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи на этихъ обстоятельствахъ, то для того только, чтобы освѣтить внѣшнюю связь, внѣшнюю сторону происшедшаго. Такимъ образомъ на первомъ мѣстѣ въ данномъ дѣлѣ стоитъ юридическая сторона. Я совершенно обойду формальную юридическую сторону, хотя я твердо убѣжденъ, что Законодательныя Учрежденія не въ правѣ предъявлять запросовъ Совѣту Министровъ, какъ учрежденію, не подчиненному Правительствующему Сенату. Тѣмъ болѣе не въ правѣ они этого дѣлать по вопросамъ не управленія, а по вопросамъ законодательства. Но переходя къ внутренней юридической сторонѣ я готовъ для упрощенія вопроса, для скорѣйшаго выясненія самой сути разногласія, сразу съ самаго начала признать, что я во многомъ раздѣляю тѣ принципы, которые высказаны были здѣсь

членами Гос. Совѣта во время преній о принятіи запроса. Конечно, ст. 86 Основныхъ Законовъ не можетъ быть разсчитана на то, чтобы парализовать ст. 87. Конечно, совершенно недопустимо введеніе въ обычай перерыва сессій Законодательныхъ Учрежденій для того, чтобы признавать законы, только что отклоненные Законодательными Учрежденіями, имѣющими силу и святость законодательной нормы, хотя бы и временнаго характера. Конечно, ст. 87 можетъ быть примѣняема только въ случаяхъ чрезвычайныхъ и исключительныхъ. Основное разногласіе между Государственнымъ Совѣтомъ и между Правительствомъ, если вчитаться въ текстъ запроса, заключается въ другомъ. Оно заключается въ томъ, что Государственный Совѣтъ считаетъ непремѣннымъ законнымъ условіемъ для примѣненія ст. 87 возникновеніе чрезвычайныхъ обстоятельствъ послѣ роспуска или перерыва занятій Законодательныхъ Учрежденій. Правительство толкуетъ эту статью иначе и считаетъ, что чрезвычайныя обстоятельства могутъ возникнуть и до роспуска и вызвать роспускъ или перерывъ занятій Законодательныхъ Учрежденій съ цѣлью принятія чрезвычайныхъ мѣръ. Я нарочито такъ рѣзко подчеркиваю это обстоятельство, такъ какъ оно имѣетъ принципіальное значеніе. Я совершенно пока оставляю въ сторонѣ вопросъ по существу, вопросъ о цѣлесообразности, вопросъ о правильности или неправильности, ошибочности или даже злоупотребленіи въ оцѣнкѣ Правительствомъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ. Я въ настоящую минуту стою на принципіальной теоретической сторонѣ вопроса. Конечно, для Правительства совершенно недопустимо не только нарушеніе законовъ, особенно Основныхъ, но и обходъ ихъ. Правительство должно уважать себя и требовать къ себѣ уваженія. Но превыше всего Правительство должно ограждать прерогативы Короны и не допускать такихъ прецедентовъ, которые могутъ ихъ въ будущемъ умалить или уменьшить. Между тѣмъ данный вопросъ—вопросъ не новый, онъ создалъ цѣлую литературу въ Западной Европѣ. На Западѣ при каждомъ перерывѣ или роспускѣ палатъ для проведенія какой-либо законодательной мѣры подымались горячіе споры, горячія пренія, какъ относительно существа, такъ и относительно законномѣрности принятой мѣры. Однако главное, я скажу, почти преобладающее теченіе въ западной литературѣ выражается въ ученіи тѣхъ юристовъ и ученыхъ, для которыхъ совершенно ясны и безспорны слѣдующія основныя положенія: во-первыхъ, что Монархъ въ правѣ во всякое время прервать занятія Законодательныхъ Учрежденій, при чемъ цѣль этого перерыва не подлежитъ никакому контролю и всякій перерывъ открываетъ возможность, открываетъ право изданія чрезвычайныхъ законовъ. Этого мнѣнія держится самый компетентный юристъ въ этой области, Шпигель. Это мнѣніе служитъ основою для всѣхъ послѣдующихъ работъ такихъ ученыхъ, какъ Глатцей, Нейгеръ, Жолгеръ, и цѣлой плеяды германскихъ и австрійскихъ ученыхъ.

Это мнѣніе проходитъ въ большинствѣ руководствъ, во многихъ юридическихъ энциклопедіяхъ. Второе основное положеніе, которое тоже получило преобладающее значеніе на Западѣ, заключается въ томъ, что обстоятельства, оправдывающія принятіе чрезвычайныхъ мѣръ, подлежатъ свободной субъективной оцѣнкѣ одного Правительства. Законодательныя Учрежденія не могутъ входить въ оцѣнку этихъ обстоятельствъ, не выходя сами за предѣлы своихъ законныхъ правъ, поэтому заявленіе, сдѣланное въ Государственномъ Совѣтѣ однимъ изъ гг. членовъ Совѣта о томъ, что и оцѣнка этихъ событій подлежитъ нѣкоторому контролю Законодательныхъ Учрежденій, безусловно противорѣчитъ какъ духу нашихъ Основныхъ Законовъ, такъ и указной практикѣ Западно-Европейскихъ государствъ. Контролю Законодательныхъ Учрежденій эти исключительныя мѣры подлежатъ лишь тогда, когда мѣры эти внесутся на уваженіе Законодательныхъ Учрежденій въ опредѣленный закономъ срокъ, по нашимъ законамъ чрезъ два мѣсяца. Тогда, конечно, Законодательныя Учрежденія могутъ отвергнуть принятыя исключительныя мѣры даже безъ всякой мотивировки. По поводу моего второго основанія, второго моего положенія извѣстный юристъ Жолгеръ говоритъ: „имѣется ли на-лицо крайняя необходимость, есть questis facti, для отвѣта на которые нѣтъ правовыхъ правилъ. Разрѣшеніе его есть результатъ субъективной оцѣнки всей совокупности данныхъ фактическихъ отношеній". Третье мое основное положеніе прямо относится уже до предмета запроса Государственнаго Совѣта и заключается въ томъ, что моментъ чрезвычайности можетъ опредѣлиться и до, и послѣ роспуска Законодательныхъ Палатъ. Австрійскій § 14 въ этомъ отношеніи, по своей конструкціи, по своей редакціи, могъ бы вызвать гораздо больше сомнѣній, чѣмъ наша ст. 87, но, однако, и австрійскіе юристы не рѣшаются стать на точку зрѣнія запроса Государственнаго Совѣта. Цитированный мною уже извѣстный юристъ Шпигель говоритъ по этому поводу, что „ни перерывъ, ни роспускъ палатъ не можетъ быть сдѣланъ in frauden legis, потому что рѣчь идетъ о правахъ Монарха, въ этомъ смыслѣ полныхъ. Не бываетъ хорошихъ или дурныхъ мотивовъ при пользованіи этими правами Монарховъ; тутъ дѣло идетъ о политическихъ цѣляхъ". Далѣе я думаю, что центръ тяжести вопроса (о моментѣ, когда образовалась необходимость)—не въ моментѣ, когда узнали, что мѣра будетъ нужна, сколько въ томъ, когда фактически необходимость опредѣлилась. Рѣшающимъ является не то, что мѣра была ранѣе не предвидѣна, а то, что долѣе она откладываться не можетъ. Поэтому совершенно понятно, почему въ Австріи и обструкція палатъ, и непринятіе бюджета, т. е. событія, которыя совершались во время занятій Законодательныхъ Учрежденій, служатъ поводомъ къ роспуску палатъ и примѣненію § 14. Мнѣ скажутъ, что я привожу только мнѣнія австрійскихъ ученыхъ, ссылаюсь только на австрійскую практику.

Нѣтъ, господа, это не такъ. По поводу правъ Короны издавать указы въ случаяхъ, когда чрезвычайныя обстоятельства, обнаружившись до роспуска палатъ, и послужили поводомъ къ роспуску, совершенно солидарно громадное большинство германскихъ ученыхъ: начиная Борнгакомъ, кончая Гельдомъ; съ этимъ мнѣніемъ согласенъ и извѣстный Глатцеръ. Но, интересно, любопытно гг., то, что исторія повторяется. Въ прусской палатѣ, при пересмотрѣ конституціи 1848 г. вокругъ параграфа 63, который соотвѣтствуетъ нашей статьѣ 87, возгорѣлись весьма интересныя и даже поучительныя пренія. Докладчикъ по этой статьѣ, нѣкто Венцель, сталъ буквально на точку зрѣнія запроса Государственнаго Совѣта. Онъ даже предложилъ свою новую редакцію ст. 63, которая подчеркивала мнѣніе, что если послѣ перерыва занятій палаты окажутся какія либо чрезвычайныя значенія, то для Короны открывается право къ изданію чрезвычайныхъ мѣръ. Тутъ поднялись горячія, интересныя пренія. Венцель и сочувствующіе ему депутаты, главнымъ образомъ внесшіе эту поправку, Фубель и Гроддекъ, энергично отстаивали свою точку зрѣнія и настаивали на томъ, что право Короны въ отношеніи изданія чрезвычайныхъ указовъ должно быть сокращено, сужено. Но, господа, поправка эта была отвергнута, какъ дѣлающая право Короны по изданію чрезвычайныхъ указовъ совершенно илюзорнымъ! Я обращаю вниманіе ваше, господа, на то, что тѣ юристы и ученые, которые не раздѣляютъ этой моей точки зрѣнія, а такіе, конечно, имѣются и вѣроятно будутъ тутъ цитированы, совершенно открыто, не скрываясь, стоятъ на точкѣ зрѣнія необходимости развитія жизни страны въ сторону парламентаризма и даже, болѣе я скажу, народоправства и народовластія; они говорятъ, что право Короны прерывать сессіи законодательныхъ учрежденій, съ цѣлью изданія закона, нарушаетъ права народа. Вотъ, господа, теоретическая, научная сторона вопроса. Я не буду вамъ приводить ряда примѣровъ изъ практики примѣненія на Западѣ статей, однородныхъ съ нашей статьей 87, они безчисленны. Всѣмъ извѣстно, что въ Австріи въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ по § 14 проводился и контингентъ новобранцевъ, и бюджетъ, но интересно, что въ томъ же порядкѣ проводились и болѣе существенные законы, какъ, напримѣръ, реформа контроля, реформа судебныхъ пошлинъ и другихъ налоговъ, введеніе австрійской кроны въ Венгріи. Но я думаю, что интереснѣе заграничныхъ примѣровъ наша русская жизнь, и наша непродолжительная законодательная практика все же даетъ указаніе на то, что она признаетъ примѣненіе статьи 87 по обстоятельствамъ, возникшимъ до роспуска палатъ. Вспомните, господа, изданіе въ этомъ порядкѣ, въ порядкѣ 87 статьи закона о штатахъ Министерства Путей Сообщенія. Тутъ моментъ чрезвычайности возникъ съ той минуты, когда Государственная Дума приняла предложеніе, непріемлемое для Правительства. Правительство тотчасъ же, впервые со вре-

мени учрежденій Государственной Думы, испросило разрѣшеніе Монарха прервать указомъ занятія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта на рождественскіе каникулы и въ этотъ перерывъ провело этотъ законъ по ст. 87-й. Но интересно, что немедленно послѣ возобновленія сессіи палатъ конституціонно-демократическая партія предъявила въ Государственной Думѣ Правительству запросъ, очень по мотивировкѣ своей сходный съ запросомъ Государственнаго Совѣта и указывающій на то, что исключительныя мѣры могутъ быть приняты, если къ тому встрѣтятся чрезвычайныя обстоятельства въ такое время, когда нѣтъ засѣданій Гос. Думы. Этотъ запросъ въ Гос. Думѣ не былъ совершенно обсуждаемъ, такъ какъ онъ былъ взятъ обратно путемъ снятія своей подписи первымъ подписавшимъ этотъ запросъ. А первымъ подписавшимся оказался членъ конституціонно-демократической партіи г. Шингаревъ. Меньше года тому назадъ въ этомъ же порядкѣ проведенъ былъ другой законъ, законъ о содержаніи чрезвычайныхъ пароходныхъ рейсовъ въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ. Тутъ чрезвычайныя обстоятельства возникли во время засѣданія Гос. Думы отъ 4 іюня минувшаго года, когда Гос. Дума отказала въ томъ размѣрѣ пособіе, которое испрашивало Правительство для Русскаго общества пароходства и торговли, а такъ какъ извѣстно было, что общество на такой размѣръ пособія согласиться не можетъ, то 1 іюля пароходные рейсы въ двухъ моряхъ должны были прекратиться. Когда законъ этотъ былъ внесенъ сюда на обсужденіе Гос. Совѣта, здѣсь раздались голоса о томъ, что Правительство обязано принять мѣры къ тому, чтобы эти рейсы послѣ 1 іюля все же не прекращались. Такимъ образомъ, господа, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, здѣсь существовало, если не преобладало, мнѣніе, что Правительство въ правѣ принимать мѣры въ чрезвычайномъ порядкѣ, по такимъ обстоятельствамъ, которыя возникаютъ во время засѣданій, во время сессій Государственныхъ Учрежденій. Конечно, въ данномъ случаѣ обстоятельства не могли возникнуть послѣ перерыва сессій, такъ какъ Гос. Дума была распущена 17 іюля, а журналъ Совѣта Министровъ о принятіи мѣры о 87 статьѣ былъ подписанъ 18 іюля, а въ эти сутки ничего не произошло чрезвычайнаго. Въ то время событія какъ разъ пришлись передъ естественнымъ перерывомъ Законодательныхъ Учрежденій на лѣтніе каникулы. Почему и не могъ быть поднятъ вопросъ объ искусственномъ перерывѣ по этому важному и срочному дѣлу. Изъ-за треній, изъ-за несогласій между палатами, не могутъ во всякомъ случаѣ страдать интересы страны. Законодательныя Учрежденія обсуждаютъ, голосуютъ, а дѣйствуетъ и несетъ отвѣтственность Правительство, и отъ этой отвѣтственности оно себя освободить не можетъ, оно не можетъ прикрыться буквой закона, а должно по живописному выраженію, которое тутъ было упомянуто членомъ Государственнаго Совѣта Таганцевымъ, „разумѣть законъ“, т. е.

конечно, ясный, прямой смыслъ закона, руководствуясь той могучей волей, которая въ немъ заключается. Что же даетъ намъ сложившаяся практика—да то же, что и теорія. Существуютъ два мнѣнія, два направленія. Одно—сознательно или безсознательно склоняющееся къ парламентаризму и преуменьшенію правъ Монарха въ области изданія чрезвычайныхъ указовъ до призрачности; и другое—основанное на точномъ смыслѣ закона, который предоставляетъ возможность Монарху использовать 87 статью тогда, когда чрезвычайныя обстоятельства возникаютъ до роспуска Законодательныхъ Учрежденій и вызываютъ этотъ роспускъ. Отвергать это право—это созданіе новаго прецедента, могущаго быть опаснымъ, я думаю, въ тяжелыя, чрезвычайныя минуты жизни страны. Отвергать это право—это преуменьшеніе правъ Короны въ отношеніи изданія Указовъ до предѣловъ, не знакомыхъ ни одному изъ Государствъ, въ которыхъ существуетъ право изданія чрезвычайныхъ указовъ, подобно изложенному въ нашей 87 ст. Конечно, честное Правительство сознательно на встрѣчу этому идти не можетъ. Я, господа, всегда былъ и буду открытымъ и сознательнымъ противникомъ нарушенія правъ, дарованныхъ нашимъ представительнымъ учрежденіямъ, но не историческая ли ошибка, господа, быть можетъ безсознательная, разоружать Монарха отъ присущаго ему права въ обстоятельствахъ чрезвычайныхъ.

На этомъ я могъ бы и закончить свой отвѣтъ, такъ какъ этимъ заканчивается предметъ запроса о незакономѣрности, все же остальное въ запросѣ имѣетъ скорѣе природу вопроса, но я уже сказалъ въ началѣ своей рѣчи, что я не уклонюсь отъ отвѣта и на эти вопросы. Прежде всего, я выдѣлю небольшой вопросъ о созданіи прецедента. Конечно, нелѣпо, я скажу даже преступно было бы вводить въ обычный обиходъ управленія страной ст. 87. Но хладнокровно, спокойно разсуждая, мыслимо ли это господа? Вѣдь статья 87 не даетъ Правительству права и возможности законодательствовать внѣ всякаго контроля Законодательныхъ Учрежденій. Всякая мѣра, принятая въ порядкѣ 87 статьи, черезъ два мѣсяца должна быть представлена на обсужденіе Государственной Думы и затѣмъ пройти весь циклъ нашего законодательнаго оборота. Говорятъ, что боятся принять такого рода мѣры въ лѣтній перерывъ. Правительство однако должно было бы быть уже слишкомъ легкомысленнымъ, неусмотрительнымъ, чтобы искусственно создавать конфликты, проводя въ жизнь страны такія мѣропріятія, которыя для Законодательныхъ Учрежденій непріемлемы и которыя должны вызвать разрушеніе ихъ черезъ нѣсколько времени. Но основная гарантія, господа, не въ этомъ. Государственная разумность принимаемыхъ въ этомъ порядкѣ мѣръ обезпечивается другимъ: обезпечивается она контролемъ Верховной Власти. Въ Государствѣ, которое управляется на монархическихъ началахъ, болѣе сильной, болѣе существенной гарантіи быть не можетъ. Ею обезпечивается го-

раздо болѣе опасная возможность, напримѣръ, возможность войны. Кромѣ вопроса о прецедентѣ, я долженъ еще остановиться на заявленіи нѣкоторыхъ изъ гг. членовъ Государственнаго Совѣта о томъ, что дѣйствіями Правительства Государственный Совѣтъ былъ поставленъ въ унизительное, оскорбительное положеніе. Что отмѣна постановленія Государственнаго Совѣта путемъ примѣненія ст. 87 поражаетъ право Государственнаго Совѣта свободно выражать свои мысли; что отъ Государственнаго Совѣта теперь требуется безпрекословное, безъ преній, подчиненіе предначертаніямъ высшихъ административныхъ учрежденій, что отъ Государственнаго Совѣта требуется быть оплотомъ злой воли. Я не помню этой фразы, она произнесена была членомъ Государственнаго Совѣта, представителемъ губерній Царства Польскаго; фраза очень сложная, я ее записалъ—позвольте ее прочесть—„быть оплотомъ мстительной злобы волевыхъ импульсовъ кабинета, знобящаго лихорадкой безотчетнаго своеволія“. Едва ли, однако, господа, въ дѣйствіяхъ Правительства можно усмотрѣть такой умыселъ, такую злую волю. Мнѣ кажется, что главное недоразумѣніе заключается въ томъ, что мы недостаточно освоились еще съ новыми нашими законодательными нормами. Конечно, нельзя требовать отъ Законодательныхъ Палатъ, чтобы онѣ всегда были одинаковаго мнѣнія съ Правительствомъ, но надо помнить, что и роль Правительства въ настоящее время нѣсколько видоизмѣнилась. Правительство не является теперь исключительно высшимъ административнымъ мѣстомъ, ведущимъ текущія дѣла, ему присвоены теперь и другія задачи политическаго свойства. Вѣдь на Правительствѣ лежитъ важная отвѣтственная задача въ исключительныя минуты представлять Верховной Власти о необходимости роспуска Законодательныхъ Учрежденій, о необходимости принятія чрезвычайной мѣры. И на Западѣ, на который такъ любятъ у насъ ссылаться, никогда въ такихъ случаяхъ не указывается на какія-нибудь личныя побужденія Правительства. Я не буду приводить вамъ, гг., очень многочисленныхъ примѣровъ роспуска Законодательныхъ Учрежденій на Западѣ вслѣдствіе несогласія ихъ съ Правительствомъ, я укажу на одинъ только историческій примѣръ, историческій случай, когда первый министръ, потерявшій надежду провести черезъ верхнюю палату законъ, который уже прошелъ черезъ нижнюю палату, вдругъ вспомнилъ, что законъ этотъ имѣетъ природу указаннаго характера и представилъ своему Государю о необходимости, не дожидаясь даже рѣшенія верхней палаты, провести эту мѣру путемъ королевскаго указа. Гг., это было не въ Патагоніи, это было въ Англіи и не такъ давно, въ царствованіе королевы Викторіи. Министръ, проведшій эту мѣру, былъ не представитель грубаго произвола, насилій и собственнаго самолюбія, это былъ либеральный Гладстонъ, а законъ, который онъ провелъ такимъ образомъ, былъ билль объ уничтоженіи продажи чиновъ, т. е. мѣра, менѣе принципіальная, чѣмъ законъ о запад-

Русская Публичная
БИБЛІОТЕКА

нымъ земствѣ. И въ этомъ случаѣ никто не обвинялъ Гладстона въ оскорбленіи верхней палаты. Я привелъ этотъ примѣръ не для сравненія теперешняго Правительства или себя съ великимъ государственнымъ человѣкомъ, а для того, чтобы указать, что на Западѣ такого рода случаи понимаются не какъ побужденія, личнаго свойства, а какъ побужденія вызванныя политическою необходимостью, политическими цѣлями. Правительство, которое имѣетъ убѣжденіе, имѣетъ идеалы, оно не только вѣритъ въ то, что дѣлаетъ, оно дѣлаетъ то, во что вѣритъ. Поэтому, господа, едва ли можно сѣтовать на Правительство, когда иногда и оно несогласно съ палатами въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ политическія цѣли расходятся, а мѣру, продиктованную чувствомъ долга, едва ли правильно приписывать одному лишь злобствующему легкомыслію. Правительство по крайней мѣрѣ, сохраняя высокое уваженіе, которое оно питаетъ къ Государственному Совѣту, не можетъ признать, разъ навсегда, что Совѣтъ безошибоченъ, и что въ немъ не можетъ завязаться мертвый узелъ, который развязанъ въ путяхъ существующихъ законовъ можетъ быть только сверху. Хорошъ ли такой порядокъ, я не знаю, но думаю, что онъ иногда политически необходимъ, онъ иногда политически неизбѣженъ, какъ tracheotomia, когда больной задыхается и ему необходимо вставить въ горло трубочку для дыханія. Онъ неизбѣженъ при молодомъ народномъ представительствѣ, когда тренія поглощаютъ всю работу, онъ, конечно, съ поступательнымъ ходомъ политической культуры исчезаетъ, исчезнетъ и у насъ. Примѣняться онъ можетъ крайне рѣдко и къ нему надо относиться съ крайней бережностью и осмотрительностью. Во всякомъ случаѣ, съ негодованіемъ отвергая попрекъ въ желаніи принизить наши Законодательныя Учрежденія, я перехожу къ послѣднему вопросу, который, какъ я уже сказалъ, не подлежитъ разрѣшенію Законодательныхъ Учрежденій, вопросу о томъ, какія же въ данномъ дѣлѣ возникли чрезвычайныя обстоятельства, требовавшія исключительныхъ мѣропріятій и вызвавшія изданіе временнаго закона. Я повторяю, что говорю объ этомъ для того, чтобы установить внѣшнюю связь между событіями, промелькнувшими предъ вашими глазами. Я буду откровененъ, и прошу васъ, господа, не принять въ дурную сторону эту мою дань уваженія къ Государственному Совѣту. Я васъ прошу еще объ одномъ: откажитесь, по крайней мѣрѣ, пока не выслушали моихъ объясненій, отъ предвзятаго мнѣнія, что, повергая эту мѣру предъ Верховной Властью, Правительство желало свою волю, свое мнѣніе поставить выше воли, и мнѣнія нашихъ Законодательныхъ Учрежденій и въ частности Государственнаго Совѣта. Если бы это было такъ, то Правительство остановилось бы на своей редакціи, первоначальной редакціи закона, но Правительство предпочло ту редакцію, въ которой этотъ законъ впервые поступилъ на ваше разсмотрѣніе. Хотя Правительство и считало, что въ этомъ законѣ существуютъ подробности, которыя должны быть исправ-

лены, но разсчитываю исправить ихъ путемъ поправокъ во время обычнаго прохожденія дѣла черезъ наши Законодательныя Учрежденія.

Допустите, господа, также возможность того, что Правительство одушевлено, одухотворено такими мыслями, такими началами, которыя, одобренныя Государемъ, стали единственнымъ двигателемъ того труда, которое оно несетъ. Это начало—настойчиваго, неторопливаго преобразованія—не въ направленіи радикальнаго, но постепеннаго прогресса и закономѣрности. А надъ этимъ, сверхъ этого твердая, сильная, русская политическая струя. Вотъ двигатель. Разбейте его - остановится работа. Мы работали, не могу сказать, что въ обстоятельствахъ благопріятныхъ. Вспомните, съ какими треніями, съ какимъ колеблющимся большинствомъ проходилъ законъ 9 ноября 1906 г. Вспомните судьбу цѣлаго ряда законопроектовъ, вспомните отношеніе совершенно искреннее, но отрицательное отношеніе къ нимъ Государственнаго Совѣта. Казалось, въ такихъ условіяхъ преобразовательныя начинанія Правительства не могли имѣть успѣха. Но мы продалжали работать, вѣря въ конечный плодотворный перемолъ нашихъ трудовъ; мы понимали, что законы, которые поступаютъ сюда изъ Гусударственной Думы, требуютъ иногда коренной переработки, требуютъ крупнаго исправленія: но мы надѣялись, мы искали равнодѣйствующую. Работа шла, пока въ коренномъ, основномъ вопросѣ русской жизни не былъ наконецъ сломленъ двигатель, двигатель правительственной работы. Я говорю объ основномъ русскомъ началѣ нашей внутренней политики. Я знаю, господа, что вы думаете объ этомъ иначе, что вы въ иномъ видите осуществленіе русскихъ идеаловъ. Но именно разногласіе съ Правительственной внутренней національной политикой, которая получаетъ одобреніе и указаніе не въ собственномъ, не въ своемъ вдохновеніи, составляетъ событіе не каждодневное, тѣмъ болѣе, что эта политика не узконаціоналистическая, не партійная, основанная на общемъ чувствѣ людей самыхъ разнообразныхъ политическихъ убѣжденій, но однородно понимающихъ прошлое и будущее Россіи. Вы, господа, сказали свое мнѣніе, должны были его сказать откровенно, но признаніе правоты вашей точки зрѣнія въ вопросѣ о западномъ земствѣ, о національныхъ куріяхъ, означало не только отклоненіе очереднаго законопроекта, а знаменовало крушеніе цѣлаго міра понятій. Я не знаю, ясно ли я выражаю свою мысль. Я не хочу говорить о существѣ отвергнутаго законопроекта. Я не говорю о существѣ нашего разномыслія, я говорю только о послѣдствіяхъ вашего вотума. Я всегда откровенно заявлялъ, что считаю польскую культуру цѣннымъ вкладомъ въ общую сокровищницу совершенствованій человѣчества. Но я знаю, что эта культура на Западѣ вѣками вела борьбу съ другой культурой, болѣе мнѣ близкой, болѣе мнѣ дорогой, съ культурой русской. Я знаю, что конецъ мечты о западномъ земствѣ это печальный звонъ объ отказѣ С.-Петербурга въ опасную минуту отъ под-

держки тѣхъ, кто преемственно стояли и стоятъ за сохраненіе Западной Россіи русской. Я знаю, что вѣсть объ этомъ оглушила многихъ и многихъ, всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ вселилась увѣренность, что это дѣло пройдетъ послѣ того, какъ оно собрало большинство въ Государственной Думѣ и въ комиссіи Государственнаго Совѣта, послѣ того, какъ мысль о немъ взята подъ Высокую защиту. Я знаю больше, господа, я знаю, что ваша возобладающая мысль и мнѣніе Правительства въ этомъ вопросѣ—это два міра, два различныхъ пониманія Государства и государственности. Для обширнаго края это можетъ быть поворотъ въ его исторической судьбѣ, для Россіи это, быть можетъ, предрѣшеніе ея національнаго будущаго. Законъ — показатель, законъ — носитель, быть можетъ, ложныхъ съ вашей точки зрѣнія, ошибочныхъ, русскихъ надеждъ и русскихъ преданій, былъ похороненъ навсегда, и здѣсь въ Государственномъ Совѣтѣ на него надвинута была тяжелая могильная плита. Мысль Правительства, идеалы Правительства были надломлены. Больше бороться было незачѣмъ, разсчитывать на иниціативу Государственной Думы,—иллюзія. Вѣдь, въ въ вашихъ глазахъ, это были бы слова, пустое заклинаніе, которому не воскресить мертваго законопроекта. Вѣдь надо не уважать Государственный Совѣтъ, чтобы думать, что онъ безъ особо высокихъ побужденій черезъ каждые два—три мѣсяца будетъ мѣнять свое мнѣніе, свое рѣшеніе. Такимъ образомъ, силою вещей постепенно, незамѣтно Россія была подведена къ поворотному пункту въ ея внутренней національной политикѣ. Обыденное это явленіе или обстоятельство чрезвычайное, каждый, конечно, рѣшитъ по своему внутреннему убѣжденію. Но разрѣшить этотъ вопросъ для Россіи призваны, господа, не вы и не мы. Колебаніямъ былъ положенъ конецъ и законъ былъ проведенъ въ порядкѣ ст. 87. Обнародованный въ этомъ порядкѣ законъ былъ опубликованъ Правительствующимъ Сенатомъ, который одинъ по ст. 2 своего учрежденія могъ признать его нарушающимъ наши Основные Законы. Мнѣ весьма больно, если дѣйствія Правительства признаются Государственнымъ Совѣтомъ для себя оскорбительными, но въ сознаніи своей отвѣтственности, тяжелой отвѣтственности, Правительство должно было перешагнуть и черезъ это. То же чувство отвѣтственности побуждаетъ меня заявить вамъ, господа, что толкованіе ст. 87, приведенное въ запросѣ Государственнаго Совѣта, Правительство почитаетъ неправильнымъ и непріемлемымъ. Наличность же черезвычайныхъ обстоятельствъ въ этомъ дѣлѣ, которую Правительство не ставитъ на судъ Законодательныхъ Учрежденій, и о которой оно говорило лишь въ отвѣтъ на заданный вопросъ, Правительство видитъ въ опасности созданія безвыходнаго для Россіи положенія, въ дѣлѣ проведенія жизненныхъ, необходимыхъ для Россіи законовъ съ одновременнымъ поворотомъ нашей внутренней политики далеко въ сторону отъ русскаго національнаго пути.

Русская Публичная
БИБЛІОТЕКА
въ Бѣлградѣ

Оглавленіе.

стр.

Біографія I

Первая Государственная Дума.

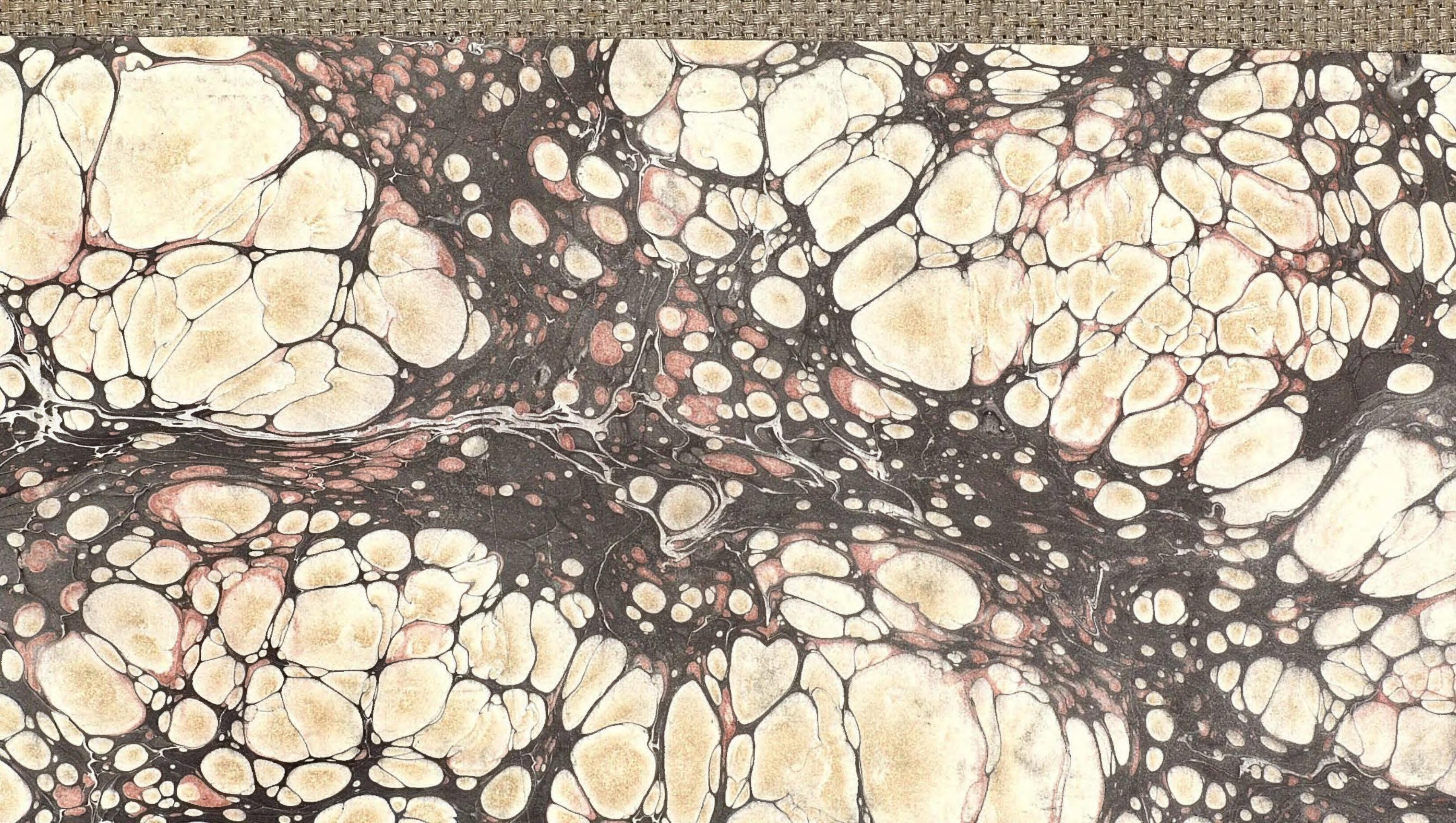
О Департаментѣ полиціи 5
Объ оказаніи помощи голодающимъ 10

Вторая Государственная Дума.

Декларація правительственной программы 14
Объ оказаніи помощи голодающимъ 25
Объ отмѣнѣ Закона 19 авг. 1906 г. 26
О бюджетѣ 30
Декларація по аграрному вопросу. 31
О заговорѣ противъ Государя Императора. 41
О задержаніи депутатовъ 42

Третья Государственная Дума.

Декларація правительственной программы. 44
Отвѣтъ на запросъ о Финляндіи 48
О смѣтѣ Морского Министерства 64
О законѣ 9 ноября 72
Отвѣтъ на запросъ объ Азефѣ 76
О переходѣ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое 91
О примѣненіи ст. 87 Осн. Зак. 100

Государственный Совѣтъ.

О введеніи земства въ Западномъ краѣ 110
О примѣненіи ст. 87. Осн. Зак. 120